

Анна Чарова

ЛЮБОВЬ ПРИХОДИТ В ЧЕРНОМ

Пролог

— Он перешел границы дозволенного, — сказал Главный, хмурый мужчина с загорелым, изрезанным морщинами лицом. — Ян, вам нужно отыскать его.

— Это несложно, — улыбнулся Ян.

Небольшая гостиная со стенами красного дерева, уютно потрескивающим камином и основательной мебелью предполагала беседы о политике и судьбах мира... но речь шла не о столь глобальных, хотя о более странных, загадочных и опасных вещах. Ян только что отчитался о проделанной работе, о поимке ренегата, и готовился приступить к новому заданию, когда ему выдали фотографию высокого брюнета с яркими глазами и зачесанными назад волосами. Лицо притягательное, даже на снимке видно. Собственно, таким оно и должно быть.

— Это уже труднее, — продолжил Главный. — Он живет в городе очень долго, оброс нужными связями, ни в чем не нуждается. А главное — раньше он не заступал за черту. Осторожный, скрытный. Круг общения меняет раз в два года, место жительства — каждый год.

— Он не мог не наследить. Такие всегда... выделяются. И оставляют за собой кучу трупов.

— Говорю же: он держался в рамках закона. — Главный поднялся и принялся в раздражении прохаживаться по толстому ковру. — И постоянно обрывал старые связи. За эти десятилетия его знакомые ни разу не пересеклись. Он менял имидж, внешность, манеру поведения. Кажется, никто из жертв так ничего и не понял.

— Люди вообще не очень понятливы, — кивнул Ян. — Но я его найду. Что мне сделать потом?

— Уничтожь, он опасен, и для нас — в том числе.

Ян приподнял уголки губ:

— А для нас-то почему?

Главный махнул рукой:

— Он развенчает устои, которые складывались тысячелетиями. Представляешь, что будет, если все наши начнут переступать через правила? Он сейчас силен и вполне может залечь на дно — ресурсов хватит. Но мне кажется, он вкусил безнаказанность и не остановится, слишком уж сладок результат.

— Что-нибудь есть по нему?

— Практически ничего.

— Ну хорошо. — Ян поднялся. — Вас понял, приступаю.

Часть первая

Из-за приоткрытой двери тянуло неприятностями.

Ну не положено у знаменитостей, за которыми бегают толпы поклонников, не закрывать двери.

Марина еще раз нажала на кнопку звонка, но хозяйка так и не вышла. Тревога усилилась. Марина попыталась себя успокоить: Оливия много работает и устает. Может, она просто уснула и не слышит звонок? В конце концов, вышколенный консьерж, посмотрев на удостоверение журналиста, кивнул и проговорил: «Проходите, вам назначено». Лучше бы он пристал с расспросами, позвонил хозяйке квартиры, тогда не пришлось бы принимать сложное решение.

Уходить? Ну уж нет. Марина много дней ждала, когда у поп-дивы, ее кумира, появится свободная минутка для интервью.

Вторгаться в частные владения?

Ждать дальше? Но так и сутки под дверью проторчать можно.

Допустим, Оливия уснула в ожидании журналистки. Да, эта версия наиболее правдоподобна. Ждет, вот и не закрыла дверь. Надо просто войти и позвать.

Из квартиры лилась едва слышная музыка: флейта и гитара, слов песни было не разобрать.

Набравшись смелости, Марина переступила порог и очутилась в просторной прихожей с зеркалом в половину стены, встроенным шкафом и пальмами в глиняных горшках с росписью, стилизованной под Древний Египет.

В прихожей было две дубовые двери с золочеными ручками: одна закрытая, вторая — распахнутая. Будто хозяйка хотела, чтобы гостя прошла именно туда.

Неправильно это, похоже на то, что поп-дива заманивает Марину. Но зачем? Подставить? Руки невольно вцепились в фотоаппарат. Захотелось бежать отсюда без оглядки.

Но тогда Марину ждет раздолбеж в офисе, слишком это интервью нужно главреду. «Кнышева, не будь трусом, — мысленно подбодрила себя Марина. — Кто не рискует, тот ест невкусную еду, пьет дешевый алкоголь».

Принимать или не принимать чужие правила? А, будь что будет!

О, какая у Оливии была кухня — мечта любой современной женщины: размером с Маринину малосемейку, с окнами во всю стену, встроенной техникой и шкафчиками под мрамор. На полочке за барной стойкой выстроились початые бутылки. Стекланный столик был усыпан хлебными крошками, на черном блюде лежал надкушенный бутерброд с сыром, в чашке остывал недопитый кофе.

И снова незакрытая дверь, будто зовущая в темноту следующей комнаты. Воображение нарисовало черную мессу, свечи, расставленные вокруг жертвенного ложа, людей в мантиях, скрывающих лица. Что за чушь в голову лезет! Кнышева, прекрати! Ты не представляешь для сатанистов никакого интереса: давно не девственница, в меру грешна, в меру добродетельна.

Музыка заиграла громче.

— Оливия, — позвала Марина, но никто не ответил, лишь эхо заметалось в комнатах. — У вас все в порядке?

Не дождавшись ответа, Марина побрела дальше, чувствуя себя воровкой.

Следующая комната напоминала гибрид фотоателье и молитвенной. Темные бархатные занавески не пропускали солнечный свет, и Марина часто заморгала, привыкая к полумраку. На стенах вместо обоев висели фотографии разного размера. Сначала

подумалось, что Оливия страдает нарциссизмом и развесила свои снимки, но, приглядевшись, Марина поняла, что на них — мужчина, длинноволосый блондин, отдаленно похожий на Брэда Питта.

Работая в престижном глянцево-м журнале, Марина по долгу службы знала всех более-менее выдающихся политических деятелей, бизнесменов и шоу-звезд, но это лицо видела впервые. Не замечая ничего вокруг, она уставилась в пронзительно-синие глаза незнакомца. Помотала головой, отгоняя оцепенение, и наконец заметила Оливию. Хозяйка квартиры спала на диване, свернувшись калачиком и даже не сняв домашний шелковый халат. Одну руку она подложила под щеку, вторую свесила до пола. Белые волосы разметались по черной коже дивана, полы халата задрались, обнажая загорелое бедро. Музыка лилась из колонок, нежный женский голос пел:

Мечется в клетке волк. Пытаясь прутья сломать. Клетка сильнее него, Но ему это трудно принять

Марина остолбенела. Она очутилась в святой святых, вряд ли Оливия обрадуется, обнаружив ее здесь. Украдкой она сделала снимок блондина и попятилась к выходу, не сводя взгляда с Оливии, собралась снова позвать ее, но замерла с открытым ртом: на паркете валялся пустой шприц и исписанный крупными буквами лист бумаги. Бросило в жар, потом — в холод, ладони взмокли.

Марина шагнула к Оливии, коснулась ее шеи, нащупала едва различимый пульс и выдохнула с облегчением. Живая!

Отступив, Марина сфотографировала комнату — скорее машинально, чем повинувшись зову разума. Склонилась над запиской, сделала еще один снимок: «В моей смерти прошу никого не винить. Я слишком устала бороться и хочу уйти».

И тут она ощутила чужое внимание. Кто-то большой и недобрый стоял позади и сверлил спину взглядом. Наклонившись еще ниже, Марина использовала фотоаппарат, как зеркало. Отражавшаяся в нем комната была пустой, но ощущение присутствия не исчезло. Медленно разогнувшись, она обернулась и встретила взглядом с фотографией блондина.

И чего только не пригрезится со страха!

Видимо, Оливия решила инсценировать самоубийство и сделать из него шоу, чтобы манипулировать возлюбленным. Скорее всего ее жизни ничего не угрожает: истеричные женщины часто так делают. В том, что причина случившегося — несчастная любовь, сомнений не осталось. Есть только одно «но»: Марина давно наблюдала за Оливией, это была рассудительная талантливая женщина, добившаяся всего своим трудом. Ни богатого отца, ни «папика» у нее не было. Зато было первое сопрано и три октавы, целеустремленность и нечеловеческая работоспособность.

Выходит, Марина или не разобралась в ситуации, или ошиблась в человеке. Открытые двери, доброжелательный консьерж намекали скорее на второе.

Что ж, это даже к лучшему: не будет мучить совесть, что сунулась в частную жизнь, вынесла на всеобщее обозрение чужую трагедию. Марина прицелилась фотоаппаратом в самую большую фотографию блондина, сняла его и поставила галочку; что надо будет выяснить, кто он такой.

Затем вынула из фотоаппарата карту памяти, спрятала, вставила другую и набрала «Скорую помощь».

Дождаясь врачей, она вытащила планшет, подключилась к Интернету и написала: «Любовь едва не убила Оливию. Знаменитая поп-дива попыталась покончить с собой. К счастью, она не заперла входную дверь, и певицу вовремя нашли. Кто он, тайный возлюбленный Оливии?» Прикрепив фотографии блондина, Марина отправила письмо главреду Тампошке, позвонила ему:

— Аркадий Анатольевич, срочно проверьте почту.

— Что-то случилось, радость моя? — пробормотал главред масляным голосом.

— Сенсация, Аркадий, — скривившись, ответила она. — Поверьте, в ваших интересах поспешить.

Считается, что мужское внимание льстит женщине. Наверное, да, но только если поклонник — не лысеющий с темечка, мелкий, самовлюбленный Тампошка.

Взвела сирена «Скорой помощи», и Марина отключилась. Чувство было, будто она искупалась в сточной канаве.

Домой Марина попала к девяти вечера голодная и измотанная. Два часа пришлось провести в кабинете следователя, еще полтора — добираться домой.

Но самым тошным оказалось то, что самоубийство Оливии — не инсценировка. Женщина действительно хотела уйти из жизни, принятая доза наркотиков могла быть смертельной. Сейчас поп-звезда находилась в реанимации, врачи боролись за ее жизнь.

Тампошка фонтанировал комплиментами. Сотни желтых газет беззастенчиво перепечатывали Маринин материал, а ей хотелось вымыться. Другая на ее месте радовалась бы: премия гарантирована, зависть коллег — тоже, но за полгода работы журналистом очерстветь не получилось, и добывание сенсаций из чужого грязного белья пробуждало проклятую совесть.

Права была мама, отговаривавшая поступать на журфак. Натура свое берет. Когда людям раздавали совесть, Марине отсыпали от души, и что теперь с ней делать? В жизни ведь как: если хочешь вкусно есть и мягко спать, крутись, через голову перепрыгивай, а совесть мешает, волочится балластом, и не сбросить никак.

Вздохнув, Марина протопала к холодильнику. В крохотной кухне он попросту не умещался, поэтому стоял в прихожей. В лицо дохнуло холодом из белых пустынных недр: початая бутылка молока, стакан кефира, капуста. М-да, негусто, а в магазин топать не осталось сил.

Выпив кефир, Марина сварила себе кофе и улеглась на диван, рассчитывая посмотреть любимый сериал.

Только она потянулась к пульту, как в сумочке заголосил телефон. Только не Тампошка, пусть кто угодно, хоть черт с рогами!

Звонил мелкий бес по имени Наташа. Положив телефон на ладонь, Марина призадумалась, отвечать ли. Наташка была на пять лет старше, но в свои двадцать девять так и не нажила мозгов. Каждый раз она самозабвенно влюблялась навсегда. Потом оказывалось, что объект недостойный. Затем следовали длительные попытки изгнания объекта с периодическим его возвращением в семью и редким мордобоем. Сейчас у Наташи была новая любовь — ленивый гопник Саша. Выслушивать вечные Наташкины жалобы не было ни сил, ни настроения. Но что-то заставило ответить.

— Привет, дорогая. Что случилось? — проговорила Марина, прижимая телефон плечом к уху и насыпая в кофе сахар.

Наташка всхлипнула и прохрипела:

— Мариночка... Приезжай, пожалуйста, мне так плохо...

— Нат, давай завтра, я устала адски. Набегалась, глаза сами закрываются.

Подруга еле слышно разрыдалась:

— Приезжай, господи, а то я что-нибудь с собой сделаю... Так больно...

Марина поперхнулась кофе. Первая мысль была: что-то случилось с ее дочкой. Но, слава богу, это не так. Наташка заскулила:

— Господи, как он мог так со мной поступить? — всхлип. — За что?

Похождения и страдания Наташки виделись Марине блажью, но она любила приятельницу, как любят непутевую младшую сестру. Да, она старше, но ведь глупая,

беспомощная. Потянуло ее отчаянием — безнадежным, как ноябрьский дождь. Вспомнилась Оливия, пустой шприц на полу, записка...

А если и вправду сделает? И как жить с осознанием, что не подставила плечо другу в трудную минуту? Дружба — вещь обоюдоострая.

— Хорошо, жди. Выезжаю.

Толкаясь в метро, Марина размышляла. Жила-была самодостаточная женщина Оливия, толпы поклонников бегали за ней, передавали цветы, караулили у подъезда. И вот пришла за ней любовь. Так приезжает тайная полиция: здравствуйте, пройдемте. И пройдешь, никуда не денешься, вывернешься наизнанку, лишишься гордости, превратишься в тряпочку. Любовь облагораживает? Вот уж нет, скорее обезображивает.

Марина влюблялась дважды. Первая ее школьная любовь была неразделенной и длилась два года. Вторая, которая чуть не закончилась замужеством, к счастью, изжила себя, и Марина зареклась влюбляться. Помешательство же ведь! А помешательство ни к чему хорошему не приводит.

На земле миллиарды мужчин, но свет сходится клином на единственном, и бревна в его глазу не видно. Ладно, Наташка влюбляется периодически, но Оливия...

Когда Марина вышла из метро, уже смеркалось. Тянулась вереница машин со включенными фарами, мерцала реклама, из ларьков веяло жареным мясом. Захотелось съесть какую-нибудь гадость, и Марина купила чебурек у носатого улыбчивого кавказца. Расправившись с едой, приобрела торт в небольшом магазине — организм Наташки работал на глюкозе, и от сладкого у нее улучшалось настроение. Подумав, взяла бутылку белого сухого. «И заверните две жилетки, пожалуйста. Нет, лучше три».

Наташка ждала Марину. Красные глаза и распухший нос свидетельствовали о пролитых слезах, початая бутылка водки — о том, что на адекватность подруги лучше не рассчитывать и следует запастись терпением. Ведь только для Марины ее Сашка — гопник, лентяй и бестолочь, Наташка же видит в нем достойнейшего из мужчин.

— Ох, Марина, что я пережила, — прошептала она, наливая себе водки.

Марина поставила торт на стол, села на край кухонного уголка и приготовилась внимать.

— Представляешь, прихожу я к нему, а у него Юлька, ну, бывшая его, жердина страшная. Вылупилась на меня и как набросится на него с претензиями, Что, мол, это за баба? Это я-то — баба?

— Ну а он? — поинтересовалась Марина.

— А он говорит: «Убирайтесь обе». Представляешь? — Наташка выпила водку залпом.

— Ну скотина, — кивнула Марина, мысленно отмечая, что это было известно с самого начала.

Все, что она могла, — пожалеть подругу, обнять, погладить по голове. Пока само не переболит, ничего не поможет.

Потом Наташка ударилась в рассуждения о том, насколько мир жесток, а она — наивна, раз ее настолько затронуло произошедшее. Пришла к выводу, что жизнь — это боль и лучше умереть вот прямо сейчас. Марина начала рассказ об Оливии, но Наташка перебила ее — ей важнее было перемыть косточки Сашкиной бывшей.

Подперев голову рукой, Марина слушала и кивала, слушала и кивала. Далее посочувствовать толком не получалось. Единственный плюс был от Саши-гопника: Наташка от постоянных нервотрепок похудела на десять килограмм, и теперь у нее была неплохая фигурка.

— А давай на дискотеку поедem? — предложила Наташка.

Вот только этого не хватало! Подруга финансово не тянула на нормальные клубы и предпочитала кабаки сомнительной безопасности, где клубятся парнишки в кепках,

гремит отечественная попса и трясут телесами дамочки не первой свежести.

Марина же любила танцевать, но терпеть не могла дорогие клубы — тошнило от гламурных куриц, складывающих губы клювиком. Кабаки же ее отпугивали еще больше и музыкой, и клубящимися там обитателями дна.

— Наташа, мне на работу завтра...

Подруга брякнулась на колени, взяла за руку и посмотрела влажными глазами:

— Мне сегодня нужно. Очень, ну, позарез! Я больше ни о чем не попрошу, просто побудь рядом. Хочешь, я заплачу за тебя в баре?

Марина фыркнула. Наташка почувствовала, что, если еще немного надавит на жалость, бастион падет, и продолжила натиск:

— Просто посидишь рядом со мной. Мне одной больно, страшно! Если останусь здесь одна... Я с ума сойду.

— А Дашка?

Наташка махнула рукой:

— Она уже спит и не заметит, что меня нет. Хочешь, в «Бастион» пойдем, а не в «Тенистый дворик»? У меня есть деньги. Ну пожалуйста!

Ругая себя за бесхребетность, Марина сказала:

— Ладно, но недолго, мне на работу завтра...

— О, спасибо!

Наташка вскочила и обняла Марину так, что чуть ребра не затрещали, чмокнула в щеку. Отпрянула и побежала собираться. Решила склеить кого-нибудь — выбить клин клином. Из нового знакомства, конечно, вряд ли что-то хорошее получится, но временное облегчение принесет. Да хотя бы позволит почувствовать собственную привлекательность, что Наташке нужно, как никогда. У нее ведь и подруг нет — их разогнал гопник.

Уже в такси Марина решила, что и ей выход в свет не повредит, заработалась она, уж и забыла, когда в последний раз была на вечеринке. Да и «Бастион» — заведение не самое худшее, туда иногда забредают приличные мужчины, можно будет пофлиртовать. Правда, для такого мероприятия она одета неподобающе: черные брюки в обтяжку, красно-черная декольтированная блузка без рукавов — все скромное, но стоит две зарплаты: беседа со знаменитостями, нужно выглядеть прилично.

Макияжем Марина не озаботилась, да ей и не нужно краситься: брови и ресницы черные, губы яркие, правильной формы. Спасибо матушке-природе! Еще бы не скулы такие выдающиеся, красавицей была бы.

Наташка надела синее блестящее платье с разрезом на бедре и декольте «я тебя хочу», босоножки на шпильке, подвела стрелки и нанесла красную помаду. Ну а что, хищница вышла на охоту, дрожите, мужики! Таксист, вон, уже трепещет, роняет слюну на сиденье и себе на коленки. Наташка преобразилась: глаза горят, подбородок вздернут. «Ну я тебе покажу, кто баба», — читается на ее лице.

Припарковавшись возле клуба, таксист обернулся, блеснул золотым зубом:

— Красавицы, звоните, когда нагуляетесь. Возьмите визиточку!

Наташка улыбнулась, взяла визитку:

— Непременно. Но нас уже ждут.

Когда вышли из машины, Марина проговорила:

— Именно так: наши нижние девяносто ждут приключений.

Наташка прыснула в кулачок и поспешила по ступенькам к распахнутой двери, где курил охранник. Завидев посетителей, он затушил сигарету и проводил девушек в зал.

По стенам ползли пятна света, и окна нарисованных на стенах небоскребов флуоресцировали, будто настоящие. Посетителей в четверг было негусто, и половина столиков пустовала. Возле стойки девицы легкого поведения со скучающим видом тянули мартини из трубочек. На танцполе, стилизованном под подиум, под клубное «унц-унц-унц» две изрядно выпившие дамы виляли бедрами, оглаживали себя и стреляли глазами по сторонам в поисках кавалеров. Наташка завертела головой, оценивая обстановку, Марина зашагала к столику возле танцпола.

Ни одного приличного кавалера пока не наблюдалось. Но ничего, Наташка найдет, в кого влюбиться, она непривередливая. Наверняка ее заинтересуют вон те два коротко стриженных паренька. Или толстоватый дяденька в клетчатой рубашке — затюканный начальником и сварливой женой офисный планктон. Или мужчина средних лет в джинсах, оттопыривающихся на коленях, с головой гладкой, как кегельный шар, — решивший отдохнуть грузчик-экспедитор.

Марина отыскивала взглядом еще пятерых мужчин: двое были близки к тому, чтоб улечься лицом в салат, двое воспринимались скорее как детали интерьера, пятому вряд ли минуло двадцать. Зато конкуренток было в изобилии, что нимало не расстроило Наталью.

Подошел официант — светловолосый, длинноносый паренек, похожий на кулика. Заказали шампанское, фруктовую нарезку и мороженое.

Наклонившись, Наташа зашептала на ухо:

— Как тебе вон тот товарищ? — Она кивнула на лысого.

— Потерпи полтора часа: у мужчин активность начинается после часу ночи, проверено и доказано, может, кто дельный появится.

Едва принесли шампанское и разлили по бокалам, как Наташа заерзала на стуле:

— Танцевать хочу — не могу. Пойдем, а?

Марина вздохнула. Это называется «ты просто рядом посидишь».

— Давай лучше выпьем. За то, чтобы любовь приходила к нам, а не за нами.

— О да, отличный тост!

Дзенькнули, соприкасаясь, бокалы. На танцпол выполз мужчина незапоминающейся наружности, в серых джинсах, выцветшей синей рубашке и остроносых ботинках, начал выплясывать перед женщинами, размахивая руками, будто собрался падать.

— Ну пойдем, потанцуем, — канючила Наташка. — Мне одной стремно.

Марина мотнула головой:

— Не пойду, пока это тело там копошится.

Оправдание подействовало, и Наташка отстала, но вскоре поставили заезженную попсовую песенку, тело ретировалось, зато на танцпол рванули конкурентки.

— Пошла жара, — улыбнулась Марина.

Наташка схватила ее за руку и поволокла за собой. Отпираться не было смысла, и Марина решила, что раз фитнеса сегодня не получилось, она восполнит физнагрузку танцами. Благо это она умела очень и очень неплохо.

Танцевала Марина для себя, словно никто не смотрел на нее. От стробоскопа кружилась голова, из пододея пушки на голову сыпались блестящие конфетти и спирали из бумаги. Веселящаяся молодежь осыпала себя бумажным дождем. Наташка вертела бедрами, устраивала массированный обстрел глазами — кого-то да зацепит шальная пуля ее взгляда.

Когда заиграл медляк, Марина рванула за столик и отхлебнула из бокала, Наташку же пригласил лысый, и они топтались на танцполе, подруга выглядела счастливой. Вот и славненько, вечер удался, теперь можно и домой. Спать хотелось адски, веки смыкались сами собой, хоть за столом засыпай.

Только она откинулась на спинку дивана, чтоб вздремнуть, как подбежал официант с бутылкой шампанского и приунывшей розочкой.

— Это вам, просили передать, — проговорил он.

Марина округлила глаза:

— Кто?

Официант пригнулся и зашептал:

— Позади меня, столик с диванами у стены, там двое.

— Погодите открывать, выдохнется, — проговорила Марина, прищурилась, чтобы рассмотреть благодетелей.

Да, действительно, двое мужчин, но в полумраке не разглядеть ни их лиц, ни одежды. Лучше пока не принимать подарок — вдруг они окажутся стремными? Потом отделаться будет трудно.

Тем временем медленные танцы закончились, и Наташка вернулась, облизнулась, глядя на презент, разлила первую бутылку по бокалам:

— Он такой классный, Юрой зовут.

— Ну вот и хорошо. Видишь: любовь — заболевание излечимое.

Наташка повесила нос и приуныла — вспомнила своего ненаглядного. «Он такой классный» в ее исполнении Марина слышала сотню раз, только имена менялись. Протрезвев, Наташа понимала, что избранник ее далеко не классный, но сейчас, охваченная азартом охоты, она предпочитала не замечать досадных мелочей типа растянутых на коленях джинсов и отсутствия половины зубов.

— А кто нам бутылку купил?

Марина кивнула на тайных поклонников, Наташка застыла вполборота, демонстрируя декольте. Правильно, пусть она отдувается.

Вскоре поклонники явили себя, и Марина возжелала врать в пол: это были типичные «братки»: оба стриженные под «площадку», круглолицые, один пониже и поплотнее, голова квадратная, плавно переходящая в плечи, не человек, а паска с ушами. Второй повыше, со сломанным носом.

Ну все, попали. Однако Наталья этого не понимала и искренне улыбалась обоим, а улыбка у нее открытая, манящая. Отбрыкиваться от таких бесполезно, отбиваться — тоже. Избавиться от них можно, только если давить их. Интеллектом.

— Девчонки, привет, — ощерился Паска-с-ушами. — Меня Ромчик зовут, а это, — он хлопнул приятеля по спине: — мой корефан Антоха. Мы это, типа, к вам.

— Отлично! — Марина хлопнула в ладоши. — Вы-то нам и нужны.

— Гы, это... Мы рады. — Длинный плюхнулся рядом с Наташкой, Паска-с-ушами заподозрил подвох и сел подальше.

Главное — сделать лицо строгое-строгое, сложить губы трубочкой, как это делают гламурные чиксы, и презрения напустить побольше.

— Отдыхаем? — поинтересовался Антоха, развалившись на диванчике и приобняв Наташку.

— Да! — радостно кивнула она, и Марина наступила ей на ногу, нахмурилась — Наташка

удивленно вскинула брови.

— Не совсем отдыхаем. Мы проводим социологическое исследование: средние показатели ай-кью посетителей клуба «Бастيون». Вот у вас, молодые люди, какой ай-кью?

Паска-с-ушами покраснел и поскреб в затылке.

— Эээ... Сантиметров двадцать, наверное.

Наташка захохотала, закрыла лицо ладонями.

— Какие вы, — довольно прищурился Антоха. — А чем вы меряете? Гыы, линейкой?

— Между прочим, — Марина нравоучительно воздела перст, — ай-кью — это коэффициент интеллекта. Измеряется опросником, надо ответить на двести вопросов, по количеству правильных ответов и вычисляется коэффициент.

У благодетелей вытянулись лица. В темном переулке за такое унижение недолго было и по шее схлопотать, здесь же охранники бдели, да и свидетелей было многовато.

— Ну и тухните сами. — Паска ударил кулаком по столу, забрал подаренную бутылку и демонстративно зашагал к молоденьким блондинкам, где тотчас нашел взаимопонимание. Антоха засеменил за ним.

— Ты зачем так? — обиделась Наташка.

— Затем, чтобы потом тебя у них не отбивать. Ты посмотри на них!

Наташка вздохнула и побледнела. Дошло, слава богу!

Как только местная интеллигенция удалилась, на Наташку спикировал ее Юра, придвинул купленный для нее бокальчик шампанского. Наташка сразу распцвела, прильнула к ухажеру, и через минут десять они уже целовались. Лысик не казался опасным, и Марина решила, что больше не нужна подруге — пора ехать домой.

Самое смешное, Наташка, несмотря на вызывающее поведение, была динамо-машиной. Пофлиртовав и поцеловавшись, она всегда ехала домой. Одна.

Веселье шло полным ходом. Подвыпившая публика кишела на танцполе, куда периодически убегали Наташка и ее кавалер, им уже было все равно: под какую музыку плясать. Марина была до неприличия трезвой и ругала себя за то, что поддалась уговорам и теперь так бесполезно проводит время. Подперев голову рукой, она уставилась на темный силуэт бармена, смешивающего коктейли, и попыталась найти в происходящем позитив.

Во-первых, Наташка ожила, стала похожа на человека, а не на говорящую тень. Во-вторых, негодование вытеснило тягостные мысли об Оливии и профнепригодности. Ну и в-третьих, она самая привлекательная девушка в этом заведении, что, конечно же, поднимает самооценку. Если стереть с лица скучающее выражение да пойти выплясывать, улыбаясь всем подряд, то от кавалеров отбоя не будет.

Вот только радости от этого — никакой. Марина в свои двадцать с небольшим чувствовала себя старой и уставшей: ничего не радует, никто не вдохновляет. Ее мир превратился в пустыню, где бесконечные пески и такой зной, что даже вечером не стынет чай. Раньше она находила удовольствие от общения с друзьями, от выездов за город и диско-клубов, где охота всегда заканчивалась удачно. Теперь же, как старухе, ей хочется одного: спать.

Но и в этом был позитив: бездумно не расходуется ресурс, душевное тепло не растрачивается попусту, опять же, в душу никто не наплюет, никто не предаст. Любовь — болезнь, как наркомания и алкоголизм, и тому есть биохимическое объяснение.

Во время дождей пустыня преображается: раздвигая пласты песка, тянутся к солнцу ростки, все живое запрокидывает головы навстречу каплям, ручейки юркими ящерками зарываются в песок, и барханы пестреют цветами. А потом тучи истаивают, земля

трескается, и воцаряется зной, лишь манят воспоминаниями далекие миражи, зовут повторить воскрешение. Но не оазис впереди — все те же бесконечные пески.

Вернулась взмокшая, довольная Наташка, пригладила волну каштановых волос. Все-таки красивая она и искренняя, но, будь Марина мужчиной, ни за что на ней не женилась бы: она не знает, чего ей надо от жизни, но хочет, чтоб это знали другие.

— Наталик, пойду я, пожалуй...

Марина смолкла на полуслове, потому что мимо ее столика к барной стойке направился он.

Он выделялся из толпы, как породистый жеребец среди коротконогих беспородных кляч: и походкой, и одеждой, и статью. Незнакомец будто явился из мира благородных мужчин и прекраснейших женщин, его попросту не должно тут быть! Никого не замечая, он уселся возле стойки, небрежным жестом подозвал бармена.

— Ну еще немного, еще ведь даже часу ночи нет! — клянчила Наташка.

— Ладно, — кивнула Марина, не сводя взгляда с незнакомца.

Дождавшись заказа, он опрокинул рюмку в рот и развернулся вполоборота. За тридцать, правильные черты лица, выдающиеся скулы, ямка на подбородке. Волосы чуть выше плеч — черные, с седыми прядками — аккуратно зачесаны назад. Когда Марина пригляделась к нему, ей показалось, что она где-то видела его раньше. Но где? Когда? Превосходная память на лица не позволила бы его забыть.

— Что случилось? — поинтересовалась Наташка и игриво толкнула в бок.

Марина помотала головой, понимая: пока не случилось, но вот-вот случится. Ее пустыня почувствовала дождь. Небо еще желто, еще нещадно палит солнце, но на горизонте уже собираются тучи, несущие животворящую влагу.

— Посмотри туда. — Марина кивнула на барную стойку, Наташка прищурилась.

— Ты в своем репертуаре. Это же сноб!

— Каждой твари по паре. Я тоже сноб.

— Давай же за это выпьем! — Наташка спешно разлила остатки шампанского по бокалам.

Не чувствуя вкуса, Марина пила и думала, что же заставило незнакомца прийти в злачное место. Поругался с женой? Потерял работу, или у него кто-то умер? Однозначно случилось что-то плохое, иначе не было бы на его лице этой отрешенности.

Ко второй рюмке незнакомец не притронулся. Да он ждет кого-то: постоянно косится на выход, сидит лицом к двери, чтоб видеть входящих. Наверняка свою женщину. Воображение нарисовало высокую ухоженную блондинку с фарфоровым личиком. Надо было раньше уходить, чтобы не видеть его и не расстраиваться.

Время тянулось, а дама незнакомца все не приходила. Марина сделала вывод, что мужчина не ждет кого-то, а выжидает время, возможно, прячется: он с тревогой поглядывал на каждого входящего и украдкой косился на часы.

Больше не существовало Наташки и ее кавалера, танцующих людей, мерцающего света, был только незнакомец, вокруг которого мир сомкнулся кольцом. Как привлечь его внимание? Разве что танцем, но музыку ставили мерзкую, да и вряд ли он заметит Марину, раз озабочен другим. Но попробовать следует.

Прямо хоть иди и песню заказывай! К счастью, диджей одумался: зазвучала более-менее пристойная музыка, и Марина выпорхнула на танцпол.

Чтобы не выглядеть навязчивой, Марина облюбовала свободный угол подиума возле колонок. Тело тотчас вспомнило все, чему учили на танцах, и Марина закружилась, не стесняясь нестандартных движений.

Украдкой она поглядывала на незнакомца, но его взор был будто направлен в никуда. Вот же невезение! Все мужики пьются, а этот равнодушен. Наташка называла таких бесчувственными унитазами. И зачем пришел дразнить бедных женщин при таком дефиците достойных кавалеров? Вон проститутки тоже его заметили и придвинулись поближе.

Снова поставили медляк. Марина не спеша направилась к ступенькам, боковым зрением наблюдая за объектом. По спине прокатилась волна жара: он пристально смотрел на нее. Марина обернулась: почудилось. Игра света, помноженная на желаемое, равно действительное.

Пока она шла к столику, ее трижды пригласили на танец — все получили от ворот поворот. Расстроенная и злая, она плюхнулась на диванчик спиной к незнакомцу и залпом опустошила бокал, попыталась убедить себя, что ошиблась, мужчина с такими данными воспринимает женщин как расходный материал.

Хочешь быть расходным материалом, ковриком при входе в его квартиру? Нет? Тогда собирай вещи — и на выход. И забудь сегодняшний день-вечер-ночь, будто страшный сон.

Как назло, Наташка куда-то запропала, и на стуле висела ее сумочка. Не оставлять же ее без присмотра! Марина поймала себя на мысли, что все еще надеется на благосклонность незнакомца и ищет предлог, чтобы остаться подольше. Ну а вдруг?

Жутко хотелось посмотреть на него, но Марина не оборачивалась. Все на него смотрят, а она не будет. Появилась Наташка в сопровождении лысого кавалера. Таинственный незнакомец прошествовал мимо Марининого столика на выход и даже не обернулся.

Настроение испортилось окончательно. Безумно захотелось разреветься, но Марина, естественно, сдержалась. Ну что за блажь? Прямо как маленькая. Возьми себя в руки!

— Наташа, мне пора, — проговорила она, перекинула сумочку через плечо и встала.

— Мы еще потанцуем, — улыбнулась подруга, освободилась из объятий Юрия, подбежала, чмокнула в щеку: — Спасибо огромное! Ты мне жизнь спасла.

Марина подмигнула:

— За тобой должок.

— Договорились!

— Хорошо вам оттянуться.

Юрий махнул рукой на прощание и тотчас потерял к Марине интерес. Из всех сил сохраняя равнодушный вид, Марина направилась к выходу. Посетила туалет, причесалась, посмотрела на себя в зеркало. Теперь она казалась себе пугалом: нос можно было и поменьше, губы — пополнее и лицо не такое квадратное.

Спать, спать, скорее спать!

Спускаясь по ступенькам на тротуар, возле которого рядком припарковались машины, она достала мобильный и принялась искать в телефонной книге номер такси.

— Дэушка, дэушка, ты мнэ звонишь? — Из припаркованного у ступеней «Лексуса» вылез коротконогий носатый мужчинка — Марина шарахнулась. В салоне машины захохотали.

— Нэ бойся, иди к нам вино пить. — Он услужливо распахнул дверцу, сверкнул золотым зубом.

— Не хочу; — буркнула Марина и побежала прочь.

Как назло, было занято. Придется отойти до перекрестка, где старые дома и витрины, и вызвать такси туда. Здесь находиться небезопасно.

Вслед донеслось:

— Падажди, красивый! — «Лексус» заурчал мотором, и Марина свернула в узкий проулок, где был сквозной проход, но въезд преграждал шлагбаум.

И тут навстречу из темноты выступила тень. Марина всплеснула руками и выронила телефон. Свет фонаря мазнул по лицу незнакомца, и она узнала сосредоточенное лицо красавчика из клуба. Синеватый свет делал его потусторонним.

Закрыв рот Марины рукой и прижав ее к стене, он прошептал:

— Помоги мне. За мной гонятся. Я не причиню тебе зла и отблагодарю. Сейчас я уберу руку, только не кричи.

Марина кивнула, и он тотчас закрыл ее рот поцелуем. Ошарашенная, она забыла все, чему учили на курсах самообороны. Какой там врезать в пах или ткнуть в глаза! Пошевелиться трудно.

Мало того, ей нравилось происходящее, его требовательные губы, язык, коснувшийся края зубов. Рука, раздвинувшая ноги и закинувшая ее ногу на бедро.

— Тише, — шептал он, покрывая ее шею поцелуями. — Все хорошо.

Марина понемногу начала приходить в себя. Бить или не бить, вот в чем вопрос. С одной стороны, надо бы — ну что за хамство? А с другой, как сладко кружится голова. И вряд ли это закончится изнасилованием.

Пока она размышляла, в переулок завернул человек, направил ей в лицо фонарь — Марина прищурилась, отмечая, что незнакомец напрягся и сжал ее бедро до боли.

— Извините, — пробурчал неизвестный с фонарем.

— Что там? У меня чисто, — прокричали ему.

— Да это... Молодежь того... Как в воду канул!

Голоса начали отдаляться. Незнакомец зарылся лицом в ее волосы, шумно дыша в ухо, лизнул шею и отстранился. О, до чего же хотелось, чтобы он продолжал!

Марина вздохнула и поправила перекошенную блузку, посмотрела на него снизу вверх: высокий, на полторы головы выше, плечистый. Красивый, как бог. Идеальный.

— Ты меня спасла, — шепнул он, поглядывая на выход из переулочка. — Чего ты хочешь?

— Оу, надо же, вторую жизнь сегодня спасаю. Хочу квартиру в центре и «Мозератти», — не стала мелочиться она.

— Поговорим об этом позже. Все, что я могу сейчас, — пригласить тебя в одно замечательное место. Надеюсь, не откажешься.

Голова все еще кружилась. Там метались предположения: почему он не убегает, что за место, он классный, неужели понравилась?

Теплая ладонь легла на плечо, властно развернула Марину.

— Идем, — проговорил он, взял ее за руку и повел за собой. — В конце улицы за углом — ресторан «Филин». Приятная атмосфера, отличная кухня, блюз. Меня зовут Артур, и можно сразу на «ты».

— Почему бы и нет? — Марина представилась и попыталась эффектно улыбнуться.

Сначала поцеловались, потом познакомились! Странно, как в кино.

— Кто эти люди? — не сдержала любопытства Марина. — От кого ты скрываешься?

— Не важно, поверь, теперь — не важно, — проговорил он мечтательно, завел за остроконечное ухо прядь волос.

Имя-то как ему подходит! Артур согнул руку, предлагая взять его под локоть, что

Марина сделала с превеликим удовольствием.

Над пустыней грохотало наполненное дождем небо. Ощукая близость Артура, Марина больше всего на свете боялась, что он, хотя не принадлежит ей, когда-нибудь исчезнет из ее жизни, как исчезает все желанное.

Здравый смысл трепыхался и вопил: «Опасность! Опасность! В крови обнаружен затуманивающий рассудок гормон!», но Марина не слушала его, благодарно растворяясь в забытом ощущении окрыленности.

В черных витринах плыло два силуэта: невысокая кудрявая шатенка и задумчивый мужчина, украдкой поглядывающий по сторонам. Его волосы теребил ночной ветер, теплый и живой, какой часто бывает в конце лета. Над уснувшим городом плыла луна и топила в серебре тусклый золотистый свет фонарей.

Марина согласна была бродить так до самого утра, лишь бы снова дышать полной грудью и чувствовать себя живой.

Ресторан назывался Feeling и находился в подвале. Над дубовой дверью, украшенной художественной ковкой, на стальном шесте сидел железный филин с оранжевыми лампами глаз.

Артур сунул пластиковую карту в принимающее отверстие, и дверь распахнулась. По ступеням сбежали вниз, Марина отметила, что факелы, развешанные вдоль закопченных стен, как настоящие.

Деревянные столики располагались внутри кабинок-стволов, входы занавешивали веревки, сплетенные в виде паутины.

На возвышении, исполненном в виде замшелой кочки, седовласый гитарист играл на гитаре. Медиатор порхал в его руке так быстро, что казалось, это бабочка машет крыльями.

Даже официанты здесь были солидными и больше напоминали дворецких у состоятельных господ. Дяденька под пятьдесят, в смокинге и с бабочкой, отодвинул стул перед Мариной, и она уселась на подушку, положил меню в кожаном переплете и отступил, дожидаясь заказа.

Из двенадцати кабинок была занята еще одна, возле нее топталось два мордоворота со скучающими лицами — по всему видно, телохранители.

Марина посмотрела на цены и округлила глаза, заказала себе двести граммов белого сухого вина. Заметив, что избранника стесняется объедать его, Артур улыбнулся, подозвал официанта и проговорил:

— Две порции мяса с овощами, пожаренного на мангале, бутылку вина, вот этого, — он ткнул в меню. — И сырную нарезку, какую я брал в прошлый раз.

— Но я не голодна... — попыталась возразить Марина, на что Артур поднял руку.

— Знаю, знаю, девушкам есть на ночь вредно. Но, поверь, один раз можно. Аппетит придет во время еды. Обещаю.

Марина зарабатывала достаточно и позволяла себе многое из того, что другим было не по карману, теперь она ощутила себя Золушкой на балу. Артур же бывал здесь не раз.

Официант принес вино, разлил по бокалам, Артур поднял свой левой рукой. Обручального кольца на пальце не было, зато средний палец украшала золотая печатка: в середине большого круга — круг поменьше из белого золота, от него, как от солнца, разбегаются лучи.

Он перестал нервничать и озиаться. Значит, здесь он в безопасности. Но почему сразу сюда не пошел? Почему полицию не вызвал? Темная история.

— Здесь мои друзья, — проговорил он, будто прочел ее мысли. — Я не мог их подставить. Все, больше ничего не скажу. Давай выпьем за знакомство. — Он приподнял уголки губ

и посмотрел так, что Марину бросило в жар. Если бы восковая свеча была живой, она примерно так же чувствовала бы приближающийся по фитилю огонь.

Дзынь!

— Марина, — проговорил Артур мечтательно. — Имя значит морская. Меня море пугает, я его не понимаю. Все время в движении. Даже, когда штиль, под мнимым спокойствием — течение. — Он накрыл ладонью руку Марины — она вздрогнула, будто между ними пробежал электрический разряд. — Родители правильно тебя назвали. Тоскуешь без моря?

Он перевернул руку Марины и провел пальцем по ладони. Закружилась голова.

— Тоскую, — прошептала она, понимая, что голос предательски охрип. — Начальник не подписал отпуск в августе, придется ехать в ноябре.

Не получится флиртовать, отметила она. Надо учиться владеть собой. Наверняка все на лице написано, а мужчины не ценят доступных женщин.

Стиснув зубы, она освободила руку, взяла бокал, отхлебнула, не отводя взгляда. Артур смотрел чуть насмешливо, но с интересом.

— Здесь все великолепно, — сказала она уже смелее. — Особенно музыкант. Давай выпьем за это место.

Осушив бокал, Артур промокнул губы салфеткой.

— Его зовут Михаил. Михаил Кречет — слышала о таком?

— Нет, — честно призналась Марина.

— Пятнадцать лет назад он создал рок-группу «Бриз». Как видишь, он очень талантлив. Но не умеет сглаживать углы. В итоге детище отторгло его, а группу переименовали в «Альтаир».

— Обалдеть! — Марина не сдержала эмоций. — Тот самый «Альтаир»?

— Да-да, именно тот. Миха запил, покатился по наклонной... А теперь очутился здесь, взял себя в руки.

— Готовый репортаж. Думаешь, он не откажется дать интервью?

Артур пожал плечами.

— Плохая у тебя работа. Вообще все проблемы человечества от того, что люди слишком много болтают, засоряют эфир и барахтаются в этой каше. Если это важно для тебя, поговорю с ним позже, спрошу. — Он будто заскучал и сменил тему. — Расскажи, что привело тебя в «Бастион»? Ты там откровенно скучала.

— А если отвечу вопросом на вопрос? Я подругу выгуливала, у нее личная трагедия. А вот что там делал ты? От кого скрывался?

Артур нагнулся над столом и прошептал:

— Из-за меня у тебя могут быть неприятности.

Мастерски интригу плетет.

— Меня они не пугают.

Артур тягостно вздохнул и откинулся на спинку стула, будто Марина сказала что-то обидное, обескураживающее. Принесли горячее, Артур приступил к трапезе, а Марине кусок в горло не лез. Она что-то проглядела, и знакомство пошло не так. Ощущение было, будто она играет в чужую игру, не зная правил. Артур использует ее в своих, только ему понятных целях.

А если он маньяк?

Нет, вряд ли. Скорее всего у него просто нелады с законом. Или с мафией. Уймись, паранойя! Почему бы интересному мужчине не познакомиться с привлекательной девушкой? Второе «я» шепнуло: «Для взаимного удовольствия», и Марина с ним согласилась. Даже если так, ну и что? Она — девушка взрослая, свободная, а приличные мужчины встречаются редко.

Артур же не только чертовски привлекателен внешне, в нем чувствуется глубина, куда хочется падать, и падать, и падать, зажмурившись и затаив дыхание. Марина и предположить не могла, о чем он думает, на что рассчитывает, и это интриговало еще больше: узнать, постичь, принять чуждое.

Было одно «но»: каждый раз, достигнув дна, она теряла интерес к человеку. Теперь же перед ней будто разверзлась бездна.

Неторопливо прикончив запоздалый ужин, Артур отложил нож и вилку на огромный, в полтарелки, лист салата.

— Очень вкусно, — сказала Марина.

Может, так оно и есть, но сейчас ей было не до еды. Если не самый лучший, то один из сотни лучших мужчин мира обратил на нее внимание. Марина никогда не страдала комплексом неполноценности, всячески старалась совершенствоваться, но о том, что на нее клонет благородный дон, который к тому же олигарх или около того, она даже не мечтала. Пусть счастье не продлится долго, но останутся бриллианты воспоминаний.

А вдруг продлится?

Инстинкт размножения, прошитый в подкорке каждого человека, радостно завопил: «Да-да-да! Поженимся, родим ребенка, заживем счастливо и умрем в один день», но Марина прихлопнула его, как назойливую муху. Лучше рассчитывать на худшее — не будет разочарований.

Но все-таки хотелось сыграть по-крупному, попытаться заинтересовать Артура, но чем? Наверняка счет его женщин перевалил за тысячу, и через пару месяцев он ее не вспомнит. А так хотелось, чтобы вспомнил!

Принесли счет в маленькой деревянной шкатулке, Артур расплатился, встал, помог подняться Марине, поинтересовался:

— Какие у тебя планы?

Сказать, что никаких — поехать к нему домой и очутиться в архиве. Если сбежать к себе — с вероятностью девяносто девять процентов лишит себя удовольствия и опять-таки окажется в архиве. И лишь один процент из ста, что он западет на строптивую женщину, коих в его жизни мало. Ему достаточно щелкнуть пальцами, и выстроится очередь желающих покувыркаться в его постели.

— Мне завтра с утра на работу, — вздохнула она.

— Я отвезу тебя домой, — сказал он, пропуская ее вперед. Швейцар открыл перед ней входную дверь.

— Ты же пил, тебе нельзя за руль.

— Можно. Я не пьянею. А с патрулем, если что, договорюсь.

Марина не сдержала радости:

— Ура! Я живу недалеко, в пяти кварталах отсюда. — Она назвала адрес.

Артур мог оставить денег на такси и номер телефона, как обычно делают заинтересованные мужчины. Но он хотел подольше побыть с Мариной, теперь это было ясно. Неужели правда запал? Так здорово, что аж верить страшно, разум невольно ищет подвох.

Прошли до перекрестка, где светофор мигал желтым и проносились такси с горящими

шашечками, и Артур положил ладони на плечи Марины:

— Подожди меня здесь, пригоню машину.

Озираясь по сторонам, он зашагал прочь, отбрасывая сразу две тени — одну лунную, вторую — от фонаря. Опять загадки, таинственность напускная. К чему это? Или он и правда от кого-то скрывается? Дойдя до следующего перекрестка, Артур свернул направо и исчез из поля зрения.

А если он не вернется? Сядет за руль и укатит? Нахлынуло отчаяние, как если бы у нее отнимали что-то важное, родное.

Вдалеке заурчал мотор, и, резанув по глазам дальним светом, на полупустую дорогу со двора вырулил внедорожник. И одновременно к Марине, одиноко стоящей у обочины, спикировал наряд в количестве трех полицейских.

— Работаем, гражданочка? — поинтересовался молодой лейтенант. Судя по масляному взгляду он не прочь был воспользоваться ее услугами.

Марина оторопела, пришла в себя и напустилась на него:

— Я похожа на проститутку? Да вы посмотрите на меня! Разве проститутки так одеваются?

— Документики, пожалуйста, — настаивал на своем летеха.

Марина поджала губы и протянула удостоверение журналиста.

— Я жду своего мужчину, ногу натерла, идти до машины не могу, а вы ко мне пристаёте с непристойностями!

Внедорожник Артура (это был «Мицубиси Паджеро») остановился на перекрестке, включилась аварийка.

— Марина, что происходит? — поинтересовался он, спрыгивая на землю и направляясь к ней.

— Да вот, полиция пытается меня привлечь за проституцию.

Лицо Артура окаменело, он навис над летехой и проговорил голосом холодным, как лезвие ножа:

— Предъявите, пожалуйста, ваши удостоверения.

А дальше происходило странное: полицейские втянули головы в плечи, извинились и ретировались побитыми псами, что было им, мягко говоря, несвойственно. Выводов напрашивалось несколько: или они знали Артура и побаивались, значит, его преследовали не полицейские, или попросту почуяли в нем более сильного хищника.

— Спасибо, ты меня спас, — улыбнулась Марина, садясь на сиденье рядом с водителем. — Мы квиты.

— Не считается, ты же из-за меня у дороги стояла. — Он повернул ключи зажигания — зарычал мотор, и автомобиль, набирая скорость, покатил по улице. — Да и ты девушка самодостаточная. Уверен, сама бы вышла из ситуации.

Вскоре вырулили на проспект, по которому Марина частенько возвращалась домой с работы, свернули в незнакомый узкий темный переулок, и сердце ухнуло в пятки.

— Куда мы едем? — прошептала она, вцепилась в подлокотники и заозиралась, думая, как спастись бегством.

На ходу выпрыгивать? А если двери заблокированы?

— Не переживай, я просто хочу показать тебе сказочное место. Это займет минут пятнадцать, но, уверен, ты оценишь.

Почему-то Марина поверила ему и успокоилась, позволила течению событий нести себя. Этот район освещался плохо, свет фар то и дело выхватывал то кусок дороги с выбоинами, то торец хрущевки. А вдалеке, озаренные прожекторами, высились скелеты многоэтажных недостроев.

— Район под снос, — прокомментировал Артур. — Еще год-другой, и всех переселят.

— Уныло, как на кладбище, — вздохнула Марина.

— Подожди. Недолго осталось.

Остановились на пустыре возле нежилой пятиэтажки, пятна фар уперлись в жестяной забор, изрисованный граффити. Марина вжалась в сиденье. Следовало настоять, чтоб ехали домой. Это ж надо: ладно, дурочка по малолетству позволяет себя завезти бог весть куда, но она-то... И ведь стыдно сейчас требовать, это будет смотреться как истерика. А если он правда не хочет ничего эдакого?

А вдруг он там людей режет? Странно это. Только спасался от кого-то, теперь же забыл об опасности. Или на сто процентов уверен, что ее нет?

— Пожалуй, я останусь в салоне, — проговорила она.

Артур достал из бардачка фонарик, глянул с пониманием.

— Тогда просто издали посмотришь.

Не закрывая дверцы, он потопал к нарисованному на воротах солнцу и со скрежетом распахнул створки, сел за руль и въехал на стройку — мусор и битое стекло захрустели под колесами.

Заглушил мотор, выключил фары, и Марина наконец увидела обнесенный жестью дом под снос. Не дом даже — терем с остроконечными башенками, резными балконами и распахнутыми ставнями. Зацепившись за флюгер — резной медный петух, висела луна, серебрила черепицу, дробилась витражами.

— Ух ты, — выдохнула Марина. — Как он до сих пор уцелел?

— Идет суд. Пытаемся продавить, что это памятник архитектуры.

Дом отбрасывал черную тень на дворик с остатками фонтана, где обнаженная женщина с фигурой Венеры опрокинула амфору, откуда когда-то текла вода в распахнутый рот лежащего у ног сатира.

Казалось, что этот дом — константа в переменчивом мире, здесь стихает ветер, останавливается время и призраки прошлого движутся за черными стеклами. Если и есть у города душа, она живет именно тут, разрушь дом — рухнет само мироздание.

Марина перевела взгляд на Артура, он внимательно следил за ней.

— Вижу, что ты поняла. Хочешь внутрь?

— Да, — уронила она.

Дверь со скрипом отворилась. Просторный холл освещала луна, и фонарик включать не стали. Мимо камина по скрипучему паркету поднялись на винтовую лестницу.

— Первые упоминания этого дома датируются пятнадцатым веком. Здесь была гостиница. Потом жили графы Шейны. В прошлом веке тут сделали детский дом, затем терем долго стоял закрытым, пока место не заинтересовало небезызвестного застройщика.

Миновав каминный зал на третьем этаже, взобрались в одну из башен и остановились на балкончике. Деревянные ступени прогибались под ногами, дом вздыхал сквозняком, поскрипывал перекрытиями и ставнями.

На мгновение показалось, что ткань мироздания треснула, зажурчала вода в фонтане и вдалеке проехала карета, зацокали копыта по мостовой... Марина мотнула головой: нет,

почудилось. Вон стоит «Мицубиси» Артура, мраморная женщина застыла с опустевшей амфорой.

Руки Артура легли на талию, и он прижал Марину к себе, уткнулся в ее волосы. Сердце забилось часто и гулко, по телу разлился жар, и ноги подкосились.

— Господи, как хорошо, — не желая того, проговорила Марина. Артур развернул ее лицом к себе, собрал в пучок волосы на затылке и чуть запрокинул ее голову, погладил по щеке, провел по губам.

— Ты красивая. Если бы ты видела, какая ты красивая!

Марина встала на цыпочки и потянулась навстречу, закрыла глаза, коснувшись его губ, и потеряла контроль. Он целовался властно, но нежно. Прерываясь, покрывал поцелуями веки, щеки, лоб. Нагнувшись, укусил за ухо, и с губ сам собой сорвался стон.

Артур снова развернул ее спиной к себе и принялся расстегивать молнию на брюках.

— Не здесь, — прохрипела она, остатками разума отмечая, что просто соблюдает приличия. Если даже здесь и сейчас, она не будет сопротивляться. Напротив, хотелось здесь и сейчас, но вбитые в голову нормы, что неприлично отдаваться первому встречному, заявляли свои права.

— Ты ведь хочешь меня, — прошептал Артур в самое ухо.

Да, чувствовать его каждой клеточкой. Отдаваться, растворяться в нем без остатка, и чтоб его руки касались тела, стискивали грудь, проникали в самые потаенные уголки.

— Не тут, — повторила она, и Артур отстранился.

Сразу такая пустота накатила, такая безнадежность, что захотелось самой на него наброситься, царапаться, кусаться, валяться по полу, усыпанному штукатуркой, сбивать колени и локти в кровь.

Задышавшись, она проговорила:

— Поехали к тебе. Или ко мне.

Артур кивнул, взял ее за руку и повел за собой. Даже старинный терем перестал существовать, остался лишь силуэт Артура и его сильные пальцы, сжимающие запястье.

Марина понимала, что пропала, и, даже если прикажет себе, не сможет, не посмеет убежать, потому что впервые в жизни она захлебывалась страстью. Страсть несла ее, как цунами, позволяя лишь изредка вынырнуть, чтоб хлебнуть воздуха. Да, в ее жизни были влюбленности, даже вожделение было, но разве волнение водохранилища сравнится с волной, накатывающий на берег океана? Разве сквозняк похож на ветер, что оглаживает горные вершины?

Салон машины. Прохладное сиденье. Свет мазнул по незапертым воротам. Кошка шархнулась в темноту.

Дорога, покрытая выбоинами, и мертвые пятиэтажки с черными стеклами. Рука Артура сжимает коленку, переключает передачу и ложится на бедро. Хочется ее еще выше, но Артур соблюдает приличия, а Марина млеет, и нет ничего в мире, желаннее единственного человека.

Вот собственный дом. Автомобиль кружит по двору — Артур ищет, где бы припарковаться. Кровь пульсирует в висках, в низу живота горячо от сладкого предвкушения.

Пришлось выезжать на тротуар и там останавливаться. Артур заглушил мотор и выключил фары, повернулся к неподвижной Марине, которая понимала, что пропала, что ось ее мира накренилась и ничего уже не будет по-прежнему. Потому она не спешила, оттягивала неизбежность, плавилась под его взглядом.

Артур покинул салон, открыл перед ней дверцу, взял за руку и потянул к себе.

— Не бойся.

— Я не...

Едва ноги коснулись земли, Артур привлек ее к себе, огладил спину, потом оттолкнул, не выпуская запястья.

— Идем.

— Да.

Автопилот повел ее вдоль молоденьких лип, вдоль песочницы, где блестел игрушечный перевернутый бульдозер, мимо желто-зеленых лавочек к подъезду на кодовом замке. Марина впервые в жизни возрадовалась, что в доме нет консьержа.

Вспомнилось платье, небрежно брошенное на кровать, и недопитая чашка кофе на полу. Но неловкость улетучилась, едва Марина ввела код, и дверь подъезда, мигнув красным огоньком, распахнулась.

Держась за руки, взбежали на четвертый этаж, и Марина непослушными пальцами достала из сумочки ключ.

Щелкнул замок.

Едва переступив порог, Артур прижал Марину к стене и погладил по щеке, она потерялась о его ладонь и зажмурилась. Сон... какой удивительный сон!

Артур медленно, одну за другой, расстегнул пуговицы на блузке, опустил на колени, ужалил языком в пупок, провел вверх, до ложбинки между ключицами — Марина застонала, зарылась пальцами в его волосы.

А потом потолок метнулся навстречу — Артур подхватил ее на руки, толкнул дверь в спальню, опустил Марину на кровать, не замечая неубранное платье. Руки нырнули под его футболку, подняли ее, отшвырнули прочь.

До чего же он великолепен! Даже черные волосы на груди, которые у большинства мужчин растут неопрятными клоچьями, у него уместны и эстетически привлекательны. Если и существует бог, то Артур точно создан по его образу и подобию.

Он не походил на перекачанного бодибилдера, не казался массивным, но в нем чувствовалась сила. Марина залюбовалась фигурой Артура: широкий в плечах, с развитыми мышцами, кубиками пресса. Руки скользнули на его бедра: мускулистые, твердые. Ни единой лишней капли жира.

На пол упали брюки — звякнув, покатилась выпавшая из кармана мелочь. Белые кружевные трусики повисли на стуле флагом капитуляции. На мгновение Марина почувствовала странное: будто она перед Артуром не только без одежды, но и без кожи, еще есть шанс уцелеть, но он проговорил:

— Ты такая нежная, — поцеловал сосок, сжал его губами — Марина выгнулась. — Как арфа, отзываешься на каждое прикосновение.

Тревога отхлынула. Осталось сладкое томление, желание принять его, чтобы он наполнил ее смыслом, как вода наполняет сосуд, как, вращая механизм, проникают друг в друга зубчики шестеренок.

Скрипнула кровать — Артур сел, стянул трусы и, опираясь на локти, чтобы Марине не было тяжело, улегся сверху. Прижаться к нему, раствориться в нем, вывернуться наизнанку.

Лицо к лицу. Глаза в глаза. Больше ничего не существует — только его лицо, только его темно-карие глаза в желтую крапинку. Его дыхание. Удары его сердца...

Перевернувшись на бок, он провел ладонью вверх по бедру. Надавил на низ живота, скользнул ниже, и Марина захлебнулась собственным дыханием.

Его член прижимался к ноге Марины, и, казалось, будто он очень горячий, куда горячее

всего тела.

Пальцы ласково раздвинули сокровенные складки. Марина почувствовала, как внутри все запульсировало — мучительно и сладко, в ожидании близости.

Артур, не переставая гладить, поцеловал Марину. Он не делал попыток целовать ниже пояса — и хорошо, у многих мужчин недостаточно такта, и они зарываются лицом в промежность на первом же свидании, не подозревая, что партнерше может быть неудобно и стыдно.

Ничего стыдного не было. Тело Марины отзывалось на его движения, и при этом ею овладела странная слабость, не позволяющая проявлять инициативу. Она извивалась и стонала, мечтая об одном: чтобы Артур вошел и заполнил ее полностью.

Артур снова улегся сверху, отвел руки Марины в стороны, прижал к постели и проговорил:

— Девочка моя... Тебе из-за меня может быть больно, я плохой человек...

— Молчи, — прохрипела она.

— Я должен предупредить...

Марина поднялась и закрыла его рот поцелуем.

— Плевать, — проговорила она, отстранившись.

— Тогда не жалуйся, — плотоядно улыбнулся он, раздвинул ее ноги и вошел рывком.

В глазах потемнело. Казалось, мир пульсирует медленно, ускоряется, замирает, заставляя Марину двигаться навстречу, выгибаться, вскрикивать.

А потом дыхание перехватило, и наступила темнота. Марина ощутила, будто внутри нее рождается солнце, неудержимо катится к горизонту, лижет лучами небо, а потом взрывается, поднимаясь и заливая светом холмы, и леса, и синие ленты рек, и улыбающиеся лица.

Новая вспышка скользит по стеклам домов, отражается крылом самолета, золотит края облаков.

Теплый свет разливается по миру искры качаются на серебристых волосах ковыля, мерцают в зрачках парящей чайки.

Видения блекнут и вскоре гаснут. Марина понемногу начинает осознавать себя. Легкие прикосновения — это Артур целует веки, щеки, лоб. Его волосы свешиваются и щекочут лицо. Ликующая пустота повсюду. Кажется, что каждая клеточка тела звенит, наполненная светом.

— Это было волшебно, — прошептала она.

Артур лег на бок, положив ладонь ей на живот. Обессиленная Марина с удивлением отметила, что снова хочет его. Хочет, но не в силах пошевелиться. Артур сгреб ее в объятия, зарылся лицом в волосы и проговорил:

— Спокойной ночи.

Не привыкшая спать с кем-то, Марина проснулась перед рассветом. Все еще не веря в происходящее, она осторожно откинула одеяло, погладила Артура, спящего на спине, по груди — жесткие завитки волос защекотали пальцы.

Прижавшись к его боку, она мирно засопела, а когда проснулась, никого рядом не оказалось. За окном чирикали воробьи и хохотали дети, золотое пятно солнечного света трепетало на потолке.

Приснилось? Марина поднялась на локтях, осмотрела скомканную простыню, взяла несколько жестких черных волос. Нет. Но где Артур? Принимает душ? Нет, в ванной тихо. Заваривает кофе? Тоже вряд ли.

Неужели ушел? Марина вскочила, заметалась по комнате, споткнулась о валяющиеся на полу брюки, схватилась за стол и заметила записку, где ее любимой золотисто-розовой помадой был написан телефонный номер.

Ушел, не попрощавшись. Разве так поступают? Здравый смысл проворчал, что подобные Артуру — еще как поступают. Подумаешь, еще одну восторженную дурочку осчастливил, а сколько их, несчастливенных, по миру ходит? Вспомнился стишок:

Петя ласковый и трепетный, только — с каждой,
Любит секс в горах Тибета и секс на пляже.
Хочешь быть в архиве Петиних клевых фоток? Жми «согласна», жди заветное автомото.

Возникло желание изорвать записку и выбросить в мусорное ведро, пострадать денек-другой над нереализованными мечтаниями да успокоиться. В конце концов, есть у нее собственное достоинство или нет? Однако позвонить, нет, написать сообщение хотелось сильнее, причем прямо сейчас. А потом, затаив дыхание, ждать, когда же он ответит. Или слушать протяжные гудки, успокаивая щемящее сердце. Наслаждаться эмоциями, как девочка-подросток, открывшая для себя мир взрослых переживаний.

Казалось, будто от ее души отрезали огромный кусок, и теперь надо любым способом его вернуть. А если написать ему?

Терзаясь сомнениями, Марина протопала в кухню, случайно бросила взгляд на часы и оторопела: было полтретьего дня. Возле чашки с остатками кофе обнаружилась еще одна записка: «Ну ты и соня. Не смог тебя разбудить, уж извини».

Черт! А на работе надо быть в десять! Тампошка сожрет, просто растерзает! И что теперь делать? Срочно брать больничный?

Залился трелью телефонный звонок, Марина открыла сумку. На экране мобильного высвечивалось: главред. О, боже-боже! С замирающим сердцем она прохрипела:

— Алло.

— Кнышева, в чем дело, хотелось бы мне знать? — проворчал он. — Почему от тебя ни слуху ни духу?

Оправдание нашлось само собой.

— Я снотворное выпила, чтоб успокоиться после вчерашнего. И вот, ни будильника не слышала, ничего.

— Восемь раз... Я звонил тебе восемь раз, это — девятый! И что с тобой делать? Премии лишать?

— Казнить нельзя, помиловать, — сказала она. — Лучше ограничимся устным выговором без занесения в личное дело.

— Так уж и быть, — сменил Тампоша гнев на милость. — Но в первый и последний раз и только за заслуги перед Родиной. Чтоб через полчаса была у меня в кабинете. Время пошло.

— Ах ты ж! — воскликнула Марина и тотчас вызвала такси.

До офиса было десять минут езды, если не вляпаться в пробку и если машина не задержится. Наспех приняв ледяной душ, Марина подняла с пола брюки, взяла блузку, прижала к лицу — она пахла духами Артура, содранной древесной корой.

Всю дорогу она думала не о грядущем нагоняе от Тампошки и не о материале, который обещала сдать в обед, а о забытой записке с номером телефона. С одной стороны, хорошо, что она его оставила, не будет соблазна позвонить Артуру слишком быстро, с другой — тягостно. Она закрыла глаза: удивительное дело, цифры, написанные помадой, прочно въелись в память, и Марина помнила номер Артура.

Достала свой телефон, подержала его в руке и спрятала: а вдруг неправильно запомнила, и сообщение придет какому-нибудь сантехнику Васе?

Издательство занимало половину шестого этажа новенького офисного здания.

У выхода Марина столкнулась с приятным блондином, на которого обязательно обратила бы внимание, если бы не познакомилась с Артуром.

Блондин буркнул извинение и зашагал к машинам. Марину что-то будто заставило обернуться, проводить его взглядом. Странное чувство, которое она не могла осмыслить. И вдруг блондин тоже обернулся, расправил плечи, просканировал Марину взглядом и рванул к ней:

— Стойте, пожалуйста, подождите! — Она остановилась, блондин взял под руку, заглянул в глаза так, будто пытался что-то там прочесть. Прочел и посмурнел. — Давайте отойдем, — сказал он уже без энтузиазма.

Что это с ним? Обознался?

— Вы кто и что вам нужно? — Она отступила на шаг.

— Ян Серганов, частный сыск, — представился он, вынул удостоверение и поднес к глазам.

Вроде нормальное удостоверение. Развелось сомнительных контор, как блох на собаке.

— Извините, я очень спешу. Вы по поводу Оливии?

— Нет, — он принялся рыться в борсетке, говоря: — Я очень прошу ответить честно, от этого зависит и ваша судьба. Вы видели этого человека?

С фотографии, прищурившись, на нее смотрел Артур.

Так, не пучить глаза, вести себя естественно. Откуда он знает, что они встречались? Или это он вчера ночью светил в лицо фонариком? Точно, вот гад!

— Его в чем-то обвиняют? — ответила Марина вопросом на вопрос.

— Так вы встречались, — кивнул блондин. — Это, конечно, вряд ли, но... Могу я рассчитывать на ваше сотрудничество?

— Нет. Извините, я спешу. — Марина начала спускаться по ступенькам, блондин увязался за ней.

— Это опасный человек, не советую вам с ним связываться.

— Слушайте, ну детсад, ей-богу. Вы даже обвинение ему не выдвинули, а меня страшаете. Не знаю я, где его искать, а знала бы, не сказала. Уж очень вы странно себя ведете.

Блондин вздохнул с искренним сожалением.

— Жаль. Видимо, я опоздал. — Он открыл рот, но хлебнул воздух, как вынутая из воды рыба, мотнул головой и протянул Марине визитку. — Возьмите, пожалуйста. Если вдруг... — Он снова смешно открыл рот. — В общем, позвоните.

— До свидания. — Марина бросила визитку в сумочку, дежурно улыбнулась и рванула в офисное здание.

Ввела код и ступила на зеленую ковровую дорожку. Миновала кабинет, где помимо нее работали гламурная Кристина и свой парень Танюха, постучала в желтую дверь Тампошки. Раздолбеж, конечно, неприятен, но далеко не смертелен.

Ощущая нездоровый, горячечный азарт, Марина распахнула дверь. Тампошка восседал за дубовым столом, неодобрительно сверкал стеклами очков, стучал ручкой по столу.

— Здрасьте, — улыбнулась Марина, усаживаясь на стул напротив главреда. — Извините, но попытайтесь войти в мое положение. Вот представьте, вчера: дверь не закрыта, захожу я в квартиру, а там — труп. Потом оказалось, что Оливия жива, но все равно — стресс. Потом полиция полтора часа допрашивала — опять стресс. Так разволновалась,

что уснуть не могла, позвонила маме, она у меня врач и посоветовала мягкое снотворное. — Марина пожала плечами. — А оно твердое. То есть жесткое.

Тампошка демонстративно посмотрел на часы:

— Ты в тридцать минут не уложишься...

— Зато мой материал рвет топы. Когда у нас такое было в последний раз?

Тампошка отложил ручку и скрестил пальцы-шпикачки:

— Если ты думаешь, что теперь тебе все будет прощаться, то ты ошибаешься.

— Я на это не рассчитываю, — сказала Марина, сделав несчастный вид. — Такого больше не повторится, обещаю!

Главред решил сменить гнев на милость:

— Ох, пользуетесь вы моей добротой!

— Что вы! Вы же знаете, как я работаю.

— Да вот уже не знаю. Такая безответственность!

Марина захотела сказать: «Осознаю свою вину, меру, степень, глубину», но прикусила язык.

— Я попытаюсь выяснить, кто возлюбленный Оливии, сделаю еще сенсацию.

— Ты слегка опоздала, в этом направлении роют самые известные папарацци. Пока безрезультатно.

Марина воздела перст:

— Вот именно! Пойду я наверстывать упущенное, с вашего позволения.

— Это правильно. — Тампошка улыбнулся. — Кнышева, ты в курсе, что сегодня в «Космосе» вечеринка по случаю дня рождения президента «Микротеха»?

Марина мотнула головой. В «Космосе» она не была ни разу. Наверное, там и Артур не был — статусное, пафосное заведение, где отдыхают звезды. Вход туда только по клубным картам или по приглашению.

— Там будет много знаменитостей и всяких нужных людей. Я туда приглашен. Не хочешь составить компанию?

— В рамках рабочего визита?

— Что ты, Марина. Расслабиться. С людьми поговорить.

В «Космос» стоило сходить только ради того, чтобы вывесить фотографии в конташечке и позлить Кристину. Но с другой стороны... Она представила себя, на голову возвышающуюся над круглым Тампошкой. Это все равно, что прийти любовницей одного из страшных «папиков», только еще более стыдно.

— Извините, но у меня другие планы, — улыбнулась она. — Я могу идти?

— Не смею задерживать. Но на твоём месте я подумал бы над предложением. В нашем деле необходимо обрастать связями.

Воображение нарисовало сваю причала, обросшую мидиями, и Марина решила, что не пойдет с Тампошкой только потому, что он не подписал заявление на отпуск в августе, и теперь она портит себе лето в бетонных джунглях.

— Спасибо за предложение. — Марина улыбнулась и зашагала прочь. — До свидания.

Скрипнула дверь в рабочий кабинет, и Танюха обернулась, продолжая стучать по клавишам ноутбука. Пилившая ноготь Кристина повернула голову и вскинула

нарисованные брови.

На ней была белая блуза в черный горох, такая же юбка до колен и черно-белая косынка, связанная на лбу так, чтобы концы торчали, как рожки. Кристина — девушка модная, вот и цепляла на себя любые выкидыши современных дизайнеров, дабы не отстать. Марина предпочитала классику и считала, что уродом моды становиться не с руки. Танюхе же было плевать, кто и во что одет. Она вела колонку для лесбиянок и специализировалась на секс-меньшинствах, заодно обзаводясь нужными и приятными знакомствами.

— Привет, звезда, — проворковала Кристина, растопырила наманикюренные пальцы, потрясла рукой.

— Всем здравствуйте. — Марина плюхнулась в кресло, включила комп.

Итак, надо состряпать статейку об обольщении для тетенок за сорок. Назовем ее «Как остаться ягодкой». Нет, не годится. Лучше «Ягодка всегда». Да, так лучше.

— Девчонки, как вам мой новый наряд? — проворковала Кристина, обиженная недостатком внимания.

— На Курочку Рябу похожа, — проговорила Танюха, не отрываясь от работы.

А ведь и правда похожа, отметила Марина. Лицо узкое, нос — клювиком, ножки тонюсенькие, икры отсутствуют, ручки — палочки, волосики жидкие, в черный крашенные, зато по пояс. Под кожей каждый позвонок виден.

— Что бы ты понимала, — отмахнулась Кристина, ничуть не расстроившись.

Несмотря на столь странную и, с точки зрения Марины, отталкивающую внешность, она имела двух состоятельных любовников, которые не догадывались о существовании друг друга, содержали ее и катали по Турция-Италиям. Или любовники имели ее — это как посмотреть.

Итак, с чего начать статью? Конечно же, с того, что все мы не молодеем. Затем следует привести пример привлекательной сорокапятилетней женщины, с фотографией, естественно. Посмотрите, всего этого она добилась собственным трудом, и вы так сможете, если...

— Маринка, — проговорила Танюха. — Ты прямо цветешь и пахнешь. Рада, что у тебя все хорошо.

— Регулярный секс благотворно сказывается на женском здоровье, — вставила свои пять копеек Кристина. — Я давно тебе советовала завести любовника.

— О, спасибо, не знала, как абзац начать, так и напишу: «Регулярный секс благотворно влияет...»

Вспомнился Артур, и в низу живота сделалось жарко, перед глазами возникли выведенные помадой цифры его номера. И все, работа остановилась. Терем, обнимашки на балконе. Ресторан, ладонь Артура, накрывающая руку. Аж голова закружилась. Марина не заметила, как, бестолково улыбаясь, смотрит в одну точку на стене.

Помотала головой, уставилась в экран, перенесла строчку про регулярный секс в конец листа. Нет, прежде надо написать про здоровый образ жизни, который способствует сохранению молодости, — вдруг молодежь прочитает.

— А давайте сегодня сходим в солярий, — предложила Кристина. — Я уже съездила в зоопарк, взяла интервью у самого директора, — она кокетливо пригладила волосенки, — об отравленных животных. Репортаж в топе, вы уже видели?

Марина положила телефон на стол, сгорая от желания написать Артуру. Отругала себя, пообещала продержаться до вечера. Вот бы еще раз его увидеть! Только разик. Ни один мужчина не доставлял ей такого удовольствия. И вряд ли доставит. От этой мысли сделалось тоскливо, Марина вздохнула и написала про витамины, пищевые добавки и косметолога.

— Солярий вредит коже, — с опозданием озвучила она и свои мысли, и слова из будущей статьи. — Так что не пойду. Тем более у меня планы на вечер.

Сегодня придется задержаться до вечера и уйти домой после Тампошки. Он всегда торчит в офисе до последнего: то ли спасается от сварливой жены, играя в «танки», то ли действительно работает, во что верилось с трудом. Кристина поговаривала, что Тампон писатель, в тишине и покое он трудится над новым романом.

— Кристина, зайдите ко мне! — В кабинет, легок на помине, заглянул Тампошка.

Девушка поднялась и, презрительно вильнув тощими бедрами, скрылась за дверью. Таня, прищурившись, посмотрела на Марину:

— Любовь?

Из уст кого-нибудь другого вопрос, пожалуй, прозвучал бы слишком резко, но Таня имела в виду ровно то, что сказала: она интересовалась, не влюбилась ли Марина.

— Да вот не знаю, — честно ответила она, — еще не знаю... Позвонить ему, как думаешь?

— Позвони, если хочется. Прочь предрассудки.

Но Марина никак не могла решиться. Она пожала плечами и углубилась в статью для дамочек-«ягодок», но текст не шел, и мысли возвращались к Артуру. Кто он, черт побери? Журналистский опыт подсказывал: не простой человек. Да, полиция его опасается, да, он окружен тайной, только это — не обычная скрытность бандита или криминального авторитета, а нечто большее. Лев в саванне, тигр на Амуре — самый крупный хищник, одного рыка достаточно, чтобы мелюзга попряталась, а самки (и Марина в их числе, если быть честной сама с собой) готовы были от даваться без ухаживаний.

Она снова взяла телефон. Можно написать нейтральное, вдруг номер неправильно запомнила, но интригующее конкретного адресата эсэмэс.

Знать бы только, о чем писать.

Вернулась Кристина — Марина и не заметила, что прошло довольно много времени. Помада у Кристины слегка размазалась, а косынка, повязанная на манер Солохи, съехала набок. Кажется, Тампошка урвал свое.

— Между прочим, — растягивая гласные, начала Кристина, — сегодня вечером интересное мероприятие. В «Космосе». Приглашены только избранные, только лучшие. Естественно, я в их числе.

— Тогда слава богу, что я — нет, — буркнула под нос Таня.

Марина сделала вид, что погружена в работу и ничего не слышит. Значит, курица наша тощая, облезлая поддалась на уговоры Тампошки и решила войти в бомонд и элиту. Ну и пусть ее. Марину на подобные мероприятия никогда не тянуло. Интересно, Артур бывает на закрытых празднованиях? Наверняка. Кристина что-то щебетала, излагая безразличной Тане планы на вечер и описывая будущий наряд, а в голове у Марины сложился план, простой, даже пошлый, но, возможно, действенный.

Она взяла телефон и принялась набирать сообщение.

«Привет! Будешь сегодня в „Космосе“? Главный хочет меня командировать, а без хорошей компании я туда не хожу».

Подписываться? Нет, не стоит. Пусть угадает.

Телефон тренькнул, отправляя сообщение. Ладони вспотели, а пальцы мелко задрожали, и тут же явились сомнения: а зачем вообще это делать? Набиваться... Глупо. И Артур в жизни не поймет, кто ему написал, он, может, вообще про нее забыл.

Сообщение принято, услужливо известил телефон.

Кристина что-то по-прежнему вещала, но у Марины звенело в ушах так, что она слов не

могла разобрать. Она выскочила в коридор и закрыла за собой дверь. Мимо сновали сотрудники редакции, но Марина не могла сосредоточиться ни на чем, кроме телефона. Он молчал. Сообщение доставлено уже две минуты как, а телефон молчит. Значит, Артур забыл ее, не хочет отвечать, знать не желает, и только посмеялся над сообщением.

Когда аппарат тренькнул, Марина подпрыгнула от неожиданности и чуть не выронила его. Открыть сообщение от Артура было сложнее, чем открыть дверь в квартиру знаменитости...

«Тоже не хотел идти без компании, — написал он, — заеду за тобой вечером. Скучаю! До скорой встречи!»

Сердце Марины забилося так сильно, что, казалось, проломит грудную клетку.

Марина с трудом закончила статью и под предлогом «срочного звездного интервью» пораньше смоталась с работы. Собственно, предлог можно было и не изобретать: Тампошка и Кристина отбыли за час до нее — надо думать, готовиться к элитному мероприятию.

Она ненавидела светские рауты.

Глянцевые журналисты относятся к ним по-разному.

Кому-то шумные и пафосные праздники кружат голову, создавая иллюзию причастности к верхам, к избранным. Кто-то пытается всеми правдами и неправдами пробиться на мероприятия — обычно это тощие, с голодным блеском в глазах и впалыми щеками молодые журналисты обоих полов, питающиеся исключительно на фуршетах и банкетах, потому что невеликая зарплата начинающего целиком уходит на съемную малосемейку в спальном районе, фирменные шмотки, «оторванные» на распродажах, и обязательные излишества в виде ночных клубов, премьер спектаклей и фильмов (а начинающий еще не обзавелся знакомствами, достаточными для получения контрамарки), показов мод.

Кроме того, молодые акулы пера не передвигаются по городу на общественном транспорте. Такси, только такси! И считают, что для гламурного образа нужно употреблять дорогой алкоголь и желательно еще более дорогой кокаин.

Другие, умудренные опытом и отравившие здоровый цинизм, от раутов не в восторге. Ощущение новизны — ах, сплетни! О, сильные мира сего, застигнутые врасплох, беспомощные и неприглядные! — быстро стирается, оставляя после себя скуку.

Певичка из модной группы «Старолетки» в очередной раз напилась и танцевала голышом? Господи, видели это сто пятьдесят раз. Осанистый и солидный продюсер орал матерные частушки? Ну да. С ним бывает. Депутат рыдал и бил себя в грудь, клянясь, что «эти руки ничего не крали»? Гм. Так мы ему и поверили. Прокурор закрылся в сауне с официанткой? Старый донжуан давно ничего не может, его жена об этом знает, его друзья об этом знают, и все на мероприятии об этом знают, включая официантку.

Молодая симпатичная девушка всегда рискует очутиться на месте официантки. В прошлый раз к ней прилип богачей средней руки — плешивый человечек во фраке, хозяин нескольких заправок Намеков он не понимал, а отшить его грубо не позволял статус. К тому же он распускал руки...

Такое случалось, слава богу, не всегда. Вторая причина, по которой Марине не нравились светские рауты, — она ощущала себя не в своей тарелке. И хотя улыбалась от уха да уха и избегала закрытых жестов, плечи деревенели, и казалось, что все замечают, как она скованна и неуклюжа. Думалось, все знают, что на ней обувь не за сто, а за десять тысяч, дешевые украшения, недостаточно ухоженная кожа руте. И хотя это было не так, чудилось, что девушки модельной внешности хихикают над ее неуклюжестью.

Поэтому подобных мероприятий она старалась правдами и неправдами избегать.

Но не сегодня. Вечер обещал быть не то чтобы томным, но интересным.

Марина примчалась домой, и, когда открыла дверь, ей показалось, что прихожая все еще хранит ЕГО запах, отпечаток ЕГО присутствия. Будто бы мебель, стены, потолок и пол запомнили Артура и не хотели отпускать. Слово он вот-вот выйдет навстречу из

спальни или кухни... Еще утром надежды на это не было, теперь же — появилась, и никуда от нее теперь не деться.

Гардероб журналиста, конечно же, включал в себя вещи, необходимые для мероприятий, подобных сегодняшнему. Марина распахнула пахнущий духами шкаф и уставилась в него. Стандартная ситуация: повесить некуда, надеть нечего...

В конце концов она выбрала длинное черное платье с открытыми плечами и спиной — этими частями тела Марина по праву гордилась. Туфли на высоком каблуке — рядом с Артуром можно себе это позволить, все равно он выше. Золотом на рауте никого не удивить, поэтому Марина выбрала колечко ручной работы из бисера и натуральных камней. Бронза, изумрудно-зеленый жемчуг, бирюза. Конечно, дешевле, чем одно колечко на пальце любой дивы, но — эксклюзив, не ширпотреб. Косметикой она пользоваться не любила, кожа была достаточно гладкой, поэтому Марина лишь тронула тушью ресницы и помадой — губы.

Лихорадочный блеск глаз красил лучше любого макияжа.

Марина посмотрела на себя в зеркало и нашла, что чертовски хороша. Правда, платье могло бы быть подороже. И туфли. И уж тем более — бижутерия.

Зато у нее хорошая фигура, свежая кожа и вьющиеся волосы. Сегодня Марина себе нравилась.

Артур позвонил в дверь без десяти минут шесть — Марина как раз закончила одеваться. Цокая каблуками, она побежала открывать. Дыхание сбилось, сердце колотилось сильно-сильно где-то в горле.

Он стоял на пороге — прекрасный, как греческий бог, во фраке и галстук-бабочке. Марина застыла. Великосветский наряд не просто шел Артуру — он выглядел в нем естественно, как на принце крови или нобелевском лауреате. Густые волосы отброшены назад, на губах — загадочная улыбка, запонки поблескивают, туфли матово сияют кожей, о стрелки на брюках можно порезаться. В руках Артур держал букет роз — простой, без мишуры и ненужной зелени букет длинных голландских темно-красных роз — и бумажный пакет с вензелем модного магазина женской одежды.

— Это тебе. Не обидишься?

— Нет, — прошептала Марина, принимая цветы.

Целая охапка. Штук тридцать, точнее, двадцать девять, четное же не дарят. Розы одуряюще пахли романом и любовью. Марина неловко подхватила пакет. Заметив вопросительный взгляд, Артур пояснил:

— Ты прекрасна. Нет, серьезно, малыш, ты лучше всех, кто там будет. Я просто хочу сделать тебе приятно.

Марина положила букет на трюмо и заглянула в пакет. Платье. И еще небольшая коробочка с логотипом ювелирного, лучшего в городе.

— Нет, я не могу, — запротестовала она.

Артур шагнул к ней, сгреб в охапку и зарылся носом в макушку. Голос его зазвучал глухо:

— Можешь. Поверь, оно того стоит. Утереть нос собравшимся можно двумя способами: явиться в драных джинсах и плевать на всех или же одеться как королева. Думаешь, у меня фрак в шкафу висел? Да у меня и костюмов-то нет! Но я поймал знакомого стилиста за вертлявую голубую задницу и обрисовал задачу. Надеюсь, угадал с размером. Пришлось, — он отстранился, заглянул ей в глаза и тепло улыбнулся, — показывать объемы на пальцах в буквальном смысле.

Любого другого Марина послала бы в ту самую «вертлявую и голубую», но не Артура. Его поступок не выглядел оскорбительным.

— Хорошо, — засмеялась Марина. — Покажем им, где раки зимуют!

Она направилась в спальню, Артур — следом. Марина скинула платье и почувствовала, как горячо становится в низу живота.

— Ты прекрасна, — повторил он хрипло. — Может, ну его, этот прием? Останемся здесь.

И указал на постель. Марина хотела того же, но не решилась сказать об этом.

— Нет уж, собрались блистать, так блеснем, — улыбнулась она. — Нагуляем аппетит.

Платье цвета морской волны, под горло спереди и открытое до копчика сзади, облепило тело, как перчатка. Под такое не наденешь белье, оно не скрывает недостатки фигуры, лишь подчеркивает достоинства. Марина при помощи шпилек и лака забрала волосы наверх, открыв уши и шею. Теперь она напоминала то ли гетеру, перенесшуюся в наш век, то ли английскую леди. Туфли Артур не купил, но длинный подол скрывал обувь. А в коробочке обнаружился кулон белого золота в форме капли, с черной жемчужиной посередине.

— Ты — сокровище, — прошептал пораженный Артур. — Клянусь, ты — самая прекрасная девушка под этим небом.

Ткань струилась волнами, ласкала тело, как морская вода. Марине хотелось мурлыкать.

— Мы не опоздаем? — спросила она. — Может, вызвать такси?

— Нас ждет водитель, — усмехнулся Артур. — Ты же не забыла, мы пускаем пыль в глаза. Меня эта публика видела, но понятия не имеет, кто я.

«Как и я», — отметила Марина.

— Тебя же увидит впервые. Молчи и улыбайся на все расспросы, ты придешь не в качестве журналистки, а в качестве дорогой гостьи — мое приглашение на две персоны. И ни одна высокопоставленная сволочь не должна заподозрить, что ты — это ты. Договорились?

— Маска, — пробормотала Марина, — кто вы?

Артур воспринял вопрос неожиданно серьезно.

— Тебе лучше не знать, поверь. Ты уже сделала ошибку — связалась со мной. Но я попробую не причинить тебе вреда и оградить от неприятностей.

И тут она вспомнила блондина.

— Представляешь, тобой интересовались, — проговорила она, усаживаясь на заднее сиденье.

Артур захлопнул за ней дверцу, устроился рядом:

— Да? И кто же?

— Какой-то частный детектив, Ян, кажется. Мне одно непонятно: откуда он узнал, что мы знакомы, у меня что, на лбу написано?

— Представь себе, — улыбнулся Артур. — Где это было?

— Возле нашего издательства. Что ты натворил, расскажи. А то меня любопытство обглодало.

— Давай закроем тему. Тебе лучше не знать.

Сказал, как отрезал. Марина подумала, не обидеться ли ей, и решила не заморачиваться — зачем портить себе прекрасный вечер?

Гостиница «Космос» блистала в сгущающихся сумерках.

Один за другим к ограде и красной дорожке подъезжали дорогие автомобили. Марина смотрела на это в тонированное окно лимузина и чувствовала себя начинающей

актрисой, внезапно приглашенной на «Оскар». Шофер распахнул дверцу, сперва вышел Артур, потом, опершись на поданную руку, Марина. Вспышки фотоаппаратов, улыбающиеся секьюрити, приглашение на глянцевой бумаге, «проходите, пожалуйста». Марина взяла Артура под локоть. Она улыбалась, но ей было неловко.

— Утрем всем нос, — шепнул Артур, словно почувствовав ее состояние, — посмеемся от души.

И стало легче.

Сквозь распахнутые стеклянные двери они вошли в холл. Кругом гудела толпа — лица, засвеченные на страницах таблоидов, фарфоровые улыбки, подтянутые щеки и округленные губы. Сияющая роскошь, лихорадочный блеск глаз. Окружающие провожают ее и Артура заинтригованными взглядами, остается только раскланиваться вежливо — и чуть иронически.

У столиков с закусками толпились представители прессы.

Официанты сбивались с ног, разнося шампанское.

Марина заметила Кристину и Тампошку. Дамочка нацепила коротенькое платьишко, переливающееся блестками, как наряд куклы Барби, с юбкой, похожей на балетную пачку, и, кажется, все бабушкино золото. Жидкие волосы она взбила в подобие Пизанской башни, а каблук делала ее на полголовы выше кавалера. Тампошка был во фраке — наверное, мужской дресс-код предполагал такую форму одежды, и фрак был ему не по размеру — взял напрокат, скряга. Красная бабочка больше подошла бы выпускнику детского сада, чем солидному редактору.

Кристина Марину не узнала. Она вообще никого не узнавала, пожирая окружающую РОСКОШЬ широко распахнутыми глазами и фотокамерой телефона.

Марина дернулась было поздороваться, но Артур увлек ее в сторону, приговаривая:

— Подожди, представлю тебя имениннику.

Как зовут директора чего-то там, чей день рождения, собственно, отмечался в «Космосе», Марина не помнила — кажется, имя это мелькало в светской хронике, но не было отмечено особой скандальностью... А бизнесом она не интересовалась.

Виновник торжества принимал поздравления в стороне от основной массы гуляющих. Высокий, осанистый, с усами в стиле Михалкова, сразу видно — бывший партийный начальник, удачно приватизировавший государственную собственность. От него не просто пахло деньгами — ими разило со страшной силой. Прическа, фрак, кольцо-печатка, часы. Рядом с ним радушно улыбалась маленькая брюнетка с проседью в волосах и по возрасту закрытом бордовом платье. Жена, сразу видно — боевой товарищ, а не молоденькая дурочка, которую содержат «для статуса».

— Артур! — обрадовался сильный мира сего.

Это в каких же кругах вращается Артур, промелькнула мимолетная мысль.

— Петр Алексеевич, с днем рождения вас! Ольга Сергеевна, рад встрече!

В руках Артура откуда-то взялась небольшая коробочка, которую он с шутливым поклоном вручил имениннику.

— Угадал, — пробурчал Петр Алексеевич, — умеешь же... Черт, два года думал купить, да руки не доходили...

В коробочке были часы. Марина не разбиралась в них, но прямоугольный хронометр отблескивал сапфировым стеклом, и видно было, насколько хорошо выделана черная кожа браслета.

— Угадал, — повторил именинник и сгреб Артура в крепкие объятия.

— Артур, представь нам свою очаровательную спутницу, — попросила Ольга Сергеевна.

— С удовольствием! Друзья, это — Марина, самая прекрасная женщина на свете.

— Не спорю, не спорю... — Петр Алексеевич приложился к ее запястью.

У Марины немного кружилась голова: от запаха шампанского и морепродуктов, от многоголосого гомона и ощущения праздника, да просто от Артура рядом. Они еще некоторое время поболтали с юбиляром, получили приглашение «заехать, посидеть по-простому, по-дружески». Вспышки фотокамер подсказывали: коллеги запечатлели эту беседу.

Потом Артур увлек Марину танцевать.

В окружившей танцпол толпе промелькнуло удивленное лицо Кристины, дергающей Тампошку за рукав... Редактор увидел Марину, узнал и смешно выпучился, затеребил складочку между бровей.

Ох, сплетен будет завтра.

Артур вел Марину уверенно, будто они всю жизнь только и делали, что танцевали вместе, и вскоре зеваки отступили на задний план, растворились вовсе. Остались лишь теплые, в меру жесткие руки, прижимающие ее к себе, музыка и потрясающая легкость, наполнившая все тело будто бы пузырьками.

Шампанское и великолепный вечер кружили голову, но присутствие Артура рядом — на сиденье позади водителя — действовало на Марину еще хуже. Она совершенно потерялась в пространстве и с трудом фокусировалась на пейзаже, затемненном тонированными стеклами автомобиля. Ощущение сна вернулось и не отпускало: ладонь Артура на бедре, ладонь обжигает сквозь тонкую ткань платья, молчаливый затылок водителя, фонари — оранжевыми тусклыми пятнами, и мир снова схлопывается до двух квадратных метров, и ничего, кроме НЕГО, не имеет значения.

И все-таки журналистская выучка брала свое. Марина машинально отмечала: они движутся по проспекту Победы в сторону центра, вокруг — дорогие пятиэтажки, отреставрированные лет пять назад. Деревянные перегородки снесли, коммунальные квартиры расселили, фасады подчистили, вставили новые стеклопакеты, и из убогих комнатенок — прибежища пролетариата — получилось элитное жилье, многие квартиры занимали не один этаж.

Вечером трафика почти нет, но шофер въезжает во двор, под сомкнутые кроны деревьев, золотисто-зеленые в отсветах фонарей.

— Приехали. — Артур улыбнулся, на секунду прижался к Марине. — Не боишься?

— Нет, — честно ответила она.

Рядом с Артуром и правда не было страшно. Сомнения предыдущего дня — а кто он, а что за тайна его окружает, не убьет ли ненароком? — растаяли без следа под солнцем его обаяния. Последний островок здравого смысла капитулировал, оставив записку «дальше как-нибудь без меня», крыша, похоже, поехала следом. Марина сама себя не узнавала. Она от природы не была доверчивой: стоит повернуться незащищенной спиной — пнут, покажешь себя мягкой — ударят.

Водитель распахнул дверь и помог Марине выйти, Артур выбрался следом, дверца автомобиля мягко хлопнула, зашуршали по асфальту шины.

Подъезд охранялся недреманным оком консьержа — не привычной бабушки, а мордоворота в черном с повадками хорошо вышколенного волкодава. Увидев Марину, он дернулся было, но заметил Артура и сделался неподвижным, как предмет интерьера вроде кадки с фикусом.

Здесь было чисто и пахло хорошим одеколоном. Артур вызвал лифт, вставив ключ в скважину под кнопкой, и обнял Марину за талию.

Все остальное было как в тумане.

В зеркальном пространстве лифта они начали целоваться — жарко и исступленно, как

подростки, впервые попробовавшие на вкус чужие губы. В зеркалах дробилося отражение изящной женщины в объятиях высокого мужчины, потом двери открылись.

Они оказались не на лестничной клетке, а сразу в квартире, в холле, который Марина не могла не то что запомнить — рассмотреть. Артур, ставший внезапно жадным и сладостно-грубым, прижал ее к стене, задрал платье, закинул ногу себе на талию. Марина почувствовала, что он возбужден, дыхание стало прерывистым и хриплым, губы пересохли. Она не надела трусики, и пальцы Артура, пройдясь по внутренней поверхности бедра, коснулись ее промежности, заставив застонать, выгнувшись. Он поцеловал ее в шею, в пульсирующую жилку, легко прикусил, отстранился, заглянул в глаза.

— Марина. Ты. Самая. Лучшая.

Она обвила его шею руками. Прижаться, слиться, стать единым целым.

— Не здесь.

Она ждала, что Артур, как в прошлый раз, подхватит ее на руки и отнесет в спальню, но он потянул Марину за собой и распахнул дверь ванной комнаты.

В темном помещении, отделанном глянцево-черной плиткой, потолок казался зеркальным. Свет свечей, поставленных на бортики джакузи, преломлялся водой и отбрасывал трепещущие блики на потолок, стены, отчего мир делался зыбким, нереальным.

«Когда только он успел», — удивилась Марина, прежде чем нырнуть в забытье.

Платье скользнуло на пол, за ним последовала одежда Артура. Его сильные руки подняли Марину и опустили в теплую, плотную воду.

— Для тебя, — прошептал Артур, забираясь следом, — морская вода.

Искусственные волны уносили все печали и заботы не только этого дня, но и предыдущей жизни. Марина сидела, закинув ноги на бедра Артура, прижимаясь к нему. В полумраке не видно было, какого цвета у него глаза, взгляд казался непроницаемо-черным. Марина хотела его больше, чем кого бы то ни было в своей жизни. Жесткие, но нежные ладони скользили по ее телу, подхватывали грудь, играли с сосками, оглаживали спину.

— Поцелуй меня, — не выдержав, попросила Марина.

Вода пахла морской свежестью и йодом. Артур пах мужчиной — не сильно и не резко, но так маняще, что она не удержалась, приникла к нему, вдыхая запах.

— Ты — моя.

Странное заявление, но Марина была согласна со всем, что он говорит.

— Отныне и всегда ты будешь моей.

Хорошо, хотелось кричать женщине, хорошо, только возьми меня!

Будто услышав, он подхватил ее бедра, приподнял и опустил на свой вздыбленный член. На этот раз все было иначе. Медленно, будто впереди целая вечность. Марина плыла по ночному морю, ее оглаживала вода и мужские руки, и не было в душе незаполненной пустоты, и непонятно было, как же она жила раньше.

Черная ванная взорвалась цветными вспышками. Марина закричала и, откинувшись назад, почти потеряла сознание. Артур удержал ее.

Ей снились бабочки — несметное множество оживших цветов. Разноцветные, легкие, они порхали над лугом, а Марина лежала в траве, закинув голову, и они садились на лоб, касались щек, лапками щекотали обнаженную шею. Был еще кто-то, она не могла повернуть голову, как ни старалась. Этот кто-то играл сосками, языком щекотал пупок, медленно опускался ниже.

А потом стало горячо, сладко, Марина вскрикнула. Когда она открыла глаза, сверху было лицо Артура. Он двигался мощными рывками. Заметив, что она проснулась, он остановился, поцеловал Марину в лоб:

— Доброе утро.

— Да, — простонала она, выгибаясь и помогая ему бедрами.

— Что?

— Не останавливайся.

Он ухмыльнулся, вышел, а вошел медленно-медленно.

— Не могу насладиться тобой, ты самая лучшая.

Марина обвила его шею руками, чтобы чувствовать его каждой клеточкой тела. И снова — головокружительный полет, и падение, и снова взлет.

А потом они лежали на огромной кровати: Марина — на животе, Артур — на боку, закинув на нее руку и ногу. Тикали часы в углу комнаты, чуть слышно шелестел кондиционер. Марина помнила, что нужно на работу, но не могла найти в себе сил, чтобы повернуть голову и посмотреть на часы. Наверняка снова опоздала, но как же не хотелось сейчас думать о работе и Тампошке! Может, действительно взять больничный? Гори оно все огнем!

— Малыш, полдевятого, — проговорил Артур.

— Так рано, — улыбнулась Марина, переворачиваясь на спину и потягиваясь. — Я думала, что снова безнадежно проспала. Спасибо! Такой будильник мне нравится больше.

— Когда ты должна быть на месте? — поинтересовался он, приподнимаясь на локте и рассматривая Марину.

— Девять, начало десятого.

— Тогда собирайся. Делу — время, как говорится. Когда у тебя отпуск?

— Не скоро, — вздохнула она, отмечая, что глаза Артура горят, он выглядит счастливым, свежим и будто немного помолодевшим. Значит, не одна она с ума сходит, и это обнадеживает.

— Надо будет отправиться в теплые страны, спать до обеда, и чтоб симпатичные мулатки махали опахалами...

Марина толкнула его:

— Ах, негритянки...

Артур сгреб ее в объятия, прижал к кровати и прошептал:

— Ах так, да? Ну ладно, ты наказана, и вторую порцию сладкого не получишь, пойду кофе варить.

Он спрыгнул с кровати и отправился в кухню в чем мать родила. Марина залюбовалась им. Раньше она считала, что женское тело гораздо эстетичнее, но у Артура даже мужской орган был красивым. Или это бурлящий в крови гормон заставляет видеть только хорошее. Ну не может человек быть идеальным! Не бывает такого.

Марина наконец осмотрелась. Они предавались разврату в просторной овальной гостиной с диковинными растениями, листьями вдоль стен. Ложе любви оказалось разложенным диваном, да и остальная мебель — глубокие кресла и журнальный столик, например, не подходили спальне. Из помещения вели несколько дверей. Одна была приоткрыта, за ней журчала вода и звенела посуда.

А еще казалось, будто издалека доносятся сдавленные рыдания — плачет то ли ребенок,

то ли женщина, и от этого делалось не по себе. Марина перевела взгляд на дверь справа. Вроде бы всхлипывали там, но стоило напрячь слух, как звуки стихали, все так же шелестел кондиционер, мурлыкал себе под нос Артур. Но едва Марина расслаблялась, как плач возвращался — слабо уловимый, будто рыдал бестелесный дух.

Настроение начало портиться. Воображение нарисовало заложников, запертых в соседней комнате, и Марина попыталась убедить себя, что это слуховые иллюзии. Но все равно хотелось посмотреть, что там. Вообще странно, что Артур занимался с ней любовью в гостиной, а не в спальне. Впрочем, может, просто не дотерпел?

Через десять минут Марина пила ароматный кофе из белой фарфоровой чашки. Артур, замотавшийся в простыню, напоминал бога, сошедшего с Олимпа. Марина млела от удовольствия и мысленно проговаривала: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Больше не чудилось странного, было хорошо и спокойно.

Здравый смысл ехидствовал, что не так все просто, потом будет очень больно, но Марина предпочитала не думать о будущем. У нее есть фантастическое сейчас, за которое не жалко заплатить любую цену. Да хоть душу продать.

Поставив чашку на стол, Артур проговорил:

— Мне нужно ехать, да и тебе пора на работу. Быстренько в душ — и по коням.

Когда хлынула вода, ударили фонтанчики из встроенной в стену душевой кабинки, Марине снова почудился женский плач. На цыпочках она ступила на пол и прижалась ухом к стене: ничего. Тишина абсолютная, и вдруг — звон разбитой чашки и снова тишина. Плач больше не повторялся. Спешно вытершись, Марина выскочила в гостиную, где уже одетый Артур собирал с пола осколки.

Но она была уверена: что-то разбилось именно там, за запертой дверью. «Успокойся, Кнышева. Ну не Нарния же у него там! Разве что если Нарния — имя собственное». Нет, это вряд ли. Если бы Артур был женат, он снял бы гостиницу, а не тащил бы любовницу к себе.

Лишь сейчас до Марины дошло, что ей не в чем идти на работу: не во вчерашнем же платье цвета морской волны. Где находится дом Артура, она запомнила плохо и не имела представления, есть ли здесь магазины.

— В сотне метров от дома магазин женской одежды, — сказал Артур, будто прочитав ее мысли. — Выберешь, что тебе приглянется, только быстро, а то я опаздываю.

Спускаясь на лифте, Марина прижималась к Артуру, жадно вдыхала его запах и думала о том, что в реальности карета превращается в тыкву не в полночь, а поутру. Рука Артура неподвижно лежала на ее плече, а взгляд был таким, будто он перемножает в уме многозначные числа.

Выйдя из подъезда, Марина оглянулась: Артур жил в отреставрированной сталинке. Выложенный булыжником двор не огораживался, живой изгородью служили тополя с обрезанными верхушками. Вдоль аккуратно подстриженных розовых кустов припарковались дорожные «Лексусы», «Инфинити» и «Мозератти», рядом с которыми «Мицубиси» Артура смотрелся ведром с болтами. На медной табличке было выгравировано: «Полесская, 29». Значит, Полесская. Марина улыбнулась; раньше их с Артуром связывал лишь телефонный номер, теперь же она знала, где он живет — они стали ближе.

Вышли на шумящую машинами улицу и словно очутились в другом мире, где пахло пылью, бежали злые, озабоченные люди, сигналили застрявшие в пробке автомобили, отражаясь в бесконечных витринах.

Бутик назывался «Моя прелесть». Марина выбрала первую приглянувшуюся блузку бронзового цвета с короткими рукавами и узкую черную юбку до колен, выскочила из раздевалки, показала Артуру и с ревностью отметила, что продавщица — брюнетка модельной внешности — вьется вокруг него.

— Шикарно, — кивнул он, отсчитал денег брюнетке и поспешил к выходу, Марина едва за ним успевала.

Продавщица с плохо скрываемой ненавистью глянула на ее обувь и отвернулась. Правильно, завидуйте, думала она, усаживаясь рядом с Артуром. Хотелось закутаться в плед, зашторить окна, закрыть форточки, чтобы не проникали посторонние звуки, поджать ноги к животу и замереть. Зажмуриться, замкнуться на себя, ловить и смаковать ощущение окрыленности, наполненности.

Но вместо этого надо переться на работу, где, будь она неладна, еженедельная субботняя планерка с разборами полетов. Наверняка Кристина всем уже растрепала об Артуре, и придется отмахиваться от чужих потных рук, стремящихся проникнуть в душу, облапить чужое счастье, исследовать его на ощупь.

Вот и знакомый проспект, и блестящее стеклом и металлом офисное здание, возле которого толпятся курильщики. Парковщик в оранжевом жилете прохаживается вдоль ряда автомобилей в ожидании новой жертвы.

Марина невольно положила руку на колено Артура. Безумно хотелось повиснуть на нем, прилипнуть и не отлипнуть, выйти за него замуж, чтоб умереть в один день, родить ребенка, а лучше двух...

Марина сдержалась, не спросила о грядущей встрече — негоже навязываться. Когда машина припарковалась, поцеловала Артура в щеку и шепнула:

— Спасибо за вечер, это было волшебно.

— Тебе спасибо, малыш. — Он улыбнулся и провел пальцем по губам Марины. — До встречи.

Марина прикусила язык, чтобы не спросить, когда же она будет. А вдруг не ответит? И что тогда? Не дожидаясь, пока он откроет дверь авто, будто приглашая удалиться, она выпорхнула и направилась к зданию, прямая и независимая.

Только возле парадного обернулась, провожая взглядом его автомобиль, ускользающий от пикирующего на него парковщика. Сунув в приемное отверстие пластиковую карту пропуска, Марина шагнула в просторный холл и на лифте, головокружительно пахнущем «Жадо», поднялась на шестой этаж, повернула в свое крыло и замерла перед дверью, но пересилила себя.

Что за приступ социофобии? Или это подсознательный страх, ведь мир полнится несчастными, обиженными жизнью людьми, а им трудно терпеть рядом с собой счастливого человека?

Ничего, переживут и смирятся. Расправив плечи, Марина протопала по пустынному коридору в актовй зал на пятьдесят персон, где всегда проводились планерки.

За приоткрытой дверью гудели сотрудники, но, когда Марина переступила порог, все они притихли, повисло молчание, как перед грозой. Поздоровавшись с собравшимися, Марина отыскала взглядом Танюху, села рядом с ней и невольно скрестила руки на груди, нашла Кристину, которая тотчас отвернулась и сделала вид, что соседка по кабинету ее нимало не интересует.

— Ну ты даешь, — шепнула на ухо Таня, пахнув сигаретами. — Они тебе все кости перемыли уже. Что, он и правда так хорош?

Ну вот, начинается!

— Ничего, если моют кости, значит, не будет остеохондроза, — ответила Марина в голос и добавила тише: — Да, он хорош, но кто, что и как, я не знаю. Вполне возможно, что это последняя наша встреча. Да, мне бы хотелось большего.

— Ага, — кивнула Таня. — В любом случае клево, рада за тебя.

В отличие от Кристины Танюхе было чуждо лицемерие, если она радовалась чужому счастью, то всегда искренне.

Марина глянула на часы: осталось две минуты. Тампошка был помешан на пунктуальности и являлся всегда ровно в девять тридцать.

Вспомнив вчерашний вечер, вытянувшиеся лица Тампошки и Кристины, Марина невольно заулыбалась и даже упустила из виду момент, как скрипнула дверь и миру явился главред, маленький, но важный, водрузил на трибуну ноутбук и обвел сотрудников взглядом из-под спущенных на кончик носа очков.

— Доброе утро, — проговорил он, и Марина очнулась, стерла с лица улыбку; приготовилась скучать, заранее зная, что ничего нового не услышит: кого-то похвалят, кого-то изберут козлом отпущения и ткнут лицом в лужу.

Ответственного работника Марину Кнышеву чаще хвалили. Сегодня же вся похвала досталась Кристине. Она сидела рядом с гламурной блондинкой Щербининой, предположительно любовницей хозяина концерна.

При других обстоятельствах Марина разозлилась бы, что самый популярный репортаж, растиражированный конкурентами, остался без внимания, но сейчас такие мелочи не омрачали ее счастья.

В конце концов Тампошка и про нее вспомнил, процедил похвалу сквозь зубы и приступил к пинанию нерадивых сотрудников. Чаще всего он выбирал жертвой Авдееву — вечно растрепанную женщину неопределенного возраста, затюканную тремя детьми и психически нездоровым мужем.

Авдеева работала редактором и частенько не сдавала тексты в срок, потому что засыпала на работе. Другую бы уже давно уволили, но Авдееву Тампошка жалел. При всей своей непривлекательности главред был человеком неплохим, отзывчивым, хотя тщательно это скрывал.

Больше никого Тампошка не ругал. Напомнил, в каком престижном журнале все работают, рассказал о планах на следующую неделю и распустил собрание на удивление быстро.

Марина не спешила уходить, чтоб не толкаться на выходе. Танюха наклонилась и прошептала:

— Кристина брызжет ядом от зависти.

— Хорошо, — ответила Марина безучастно, отмечая, что мелочи, которые раньше вызвали бы душевный отклик, сейчас не волнуют ее: она оглушена более сильным переживанием. Настолько оглушена, что ничего вокруг не видит и не слышит. Не хотелось бы привязываться к Артуру, но, похоже, это уже случилось, уже потянулись к нему невидимые нити уз. Пока они тонкие, но еще немного, и нити превратятся в цепи. Любить хищника себе дороже. Их жены — несчастные забытые создания, а любовницы у них долго не задерживаются.

Разумнее было отказаться от него сейчас, но Марина, как начинающий наркоман, убеждала себя, что сумеет это сделать потом, не отказываясь же от удовольствия!

Тренькнул телефон — Марина вздрогнула и, блаженно улыбаясь, полезла в сумочку, чтобы прочитать сообщение. Она была уверена, что ей написал Артур, но это была мама: «Привет. Когда освободишься, позвони. Скучаем».

Нахлынула обида, захотелось разбить о стену телефон. «Кнышева, стыдно. Держи себя в руках. Ведешь себя, как истеричная малолетка». Уставившись на экран телефона, Марина не заметила, как все разошлись, в актовом зале остались она и Танюха, наблюдающая за ней, подперев голову рукой.

— Пошли уже, влюбленная женщина. Смотришь на тебя, и аж завидно.

Марина грустно улыбнулась и подумала, что правильнее посочувствовать, потому что влюбленные — те же наркоманы, только зависимость не от вещества, а от человека. Сначала думаешь, что побалуешься, а через некоторое время бросишь, но потом оказывается, что балуются тобой.

В голове — каша, в душе лилии разворачиваются и розы благоухают, а надо работать. Марина вздохнула, уставившись на экран монитора. Пора явить миру новую сенсацию, например, попытаться выяснить, кто он, возлюбленный Оливии. Да, и не помешало бы

узнать, как себя чувствует поп-дива, в «Космосе» ее не было.

Марина ввела в строчке поисковика: «Оливия, самоубийство, самочувствие». Первые ссылки были на ее материал, только растиражированный и слегка переделанный сомнительными ресурсами. А вот ссылка на видео датировалась вчерашним вечером.

Программа называлась «Код доступа», вел ее скандально известный Алик Бобров, сынок олигарха, жаждущий славы. Денежки папани открывали перед ним все двери, и закрытое учреждение, где лечилась Оливия, не было исключением.

— От бобра не жди добра, — пробормотала Марина и приступила к просмотру.

Начало, где кудрявый мажор с килограммовой «голкой» и очками в пол-лица занимался самолюбованием и пересказывал ее текст, Марина промотала — она не любила Боброва, его нечистоплотность, презрение ко всем и понты. Вот уж великий журналист! Если б не папенькины денежки, репортажей не было бы, кто б его пустил бесплатно в психиатрическую лечебницу?

Все знали, кто такой Бобров, даже самые несведущие домохозяйки, однако он играл в шпиона и якобы пробирался в палату Оливии обходными путями: через столовую, прачечную, прятался в складских помещениях. Опять пришлось проматывать.

На беседе с лечащим врачом Марина остановилась. Это был высоченный верзила в квадратных очках, с седой щетиной и нездоровым блеском чуть косящих глаз. Аккуратная папочка в руках и фонендоскоп, переброшенный через шею, намекали на то, что беседа — не более чем инсценировка.

Для начала врач немного поломался, но Бобров заседал с изяществом бульдозера, и в конце концов бастион нал. Александр Степанович Ямяк, так звали врача, стреляя по сторонам глазами, начал рассказ:

— У Оливии тяжелая депрессия, она не ест и не спит. Полностью отсутствует жажда жизни.

Бобров пригладил черные локоны:

— Вот как... Она не пыталась повторить попытку самоубийства?

— Это не исключено, потому мы вынуждены, э-э-э, обезопасить ее от себя самой.

— Можно ли с ней поговорить?

— Она не идет на контакт. — Ямяк оглянулся назад. — Но ладно, только быстро.

Камера в руках оператора дрогнула и поплыла вдоль коридора, выхватывая одинаковые двери, похожие на тюремные, и периодически возвращаясь к гордо расправленной спине Боброва, который по наставлению Ямяка надел медицинский халат, но застегивать не стал, чтобы не прятать загорелую грудь с цепью и черными завитками волос.

Сначала Марине подумалось, что Оливия спит, повернувшись лицом к стене и поджав ноги, но Ямяк протопал к ней, потормошил:

— Оливия, вставайте. Надо на процедуры.

Протяжно вздохнув, незнакомая усталая женщина села, бездумно уставилась на Боброва. На ней была серая пижама, похожая на тюремную. Волосы висели неопрятными сосульками, под глазами залегли черные круги, бескровные губы шевелились, будто она читает молитву.

Марине безумно захотелось разреветься: пришло понимание, что Оливия никогда не станет прежней, она выгорела дотла, осталась ее бледная репродукция. Увиденное проняло даже Боброва: растеряв уверенность, он переминался с ноги на ногу.

— Скажите, Оливия, — пробормотал он. — Человек на фотографии, кто он?

— Уходи, Шурик, нам не о чем разговаривать, — пробормотала она, плюхнулась на кровать и отвернулась лицом к стене.

И Алик, скукожившись, попятился. Казалось, его локоны зашевелились от страха, будто из глаз Оливии на него смотрела сама смерть, дышала затхлым, облизывала беззубые десны и шамкала: «Смотри и помни. Мои, вы все мои».

Сюжет продолжился разговором с Ямяком, который поостерегся давать прогнозы, сказал только, что попытается добиться ремиссии с помощью препаратов.

Увлеченная, Марина не заметила остановившуюся позади и вытянувшую шейку Кристину.

— Ниче себе ее накрыло, — прокомментировала она. — Никогда не понимала, как можно себя так изводить из-за мужиков. Их же, как грязи.

— Ты так говоришь, будто никогда не влюблялась, — с укором сказала Таня.

— Пфф. — Кристина повела плечами, села на кресло и закинула ногу за ногу, сегодня, вероятно, чтобы отпугнуть лето, она обула черные кружевные сапожки. — Надо голову на плечах иметь. Ну какая выгода с тех красавчиков? Меня Вигандас во Францию возил и купил кулончик с совой, вы его помните. — Она закатила глаза. — Там прямо в центре Парижа есть кафешка, где настоящий сметанный соус, не то что у нас! Они в соус муку не добавляют.

— А еще в Париже бутики, — проворчала Таня. — Кроме жрачки и шмота, тебя что-нибудь интересует? Например, была ли ты в Лувре?

— Ой, перестань ты уже. А Толик мне юрфак оплачивает, два года осталось учиться.

«А потом такие с людьми работают», — подумала Марина и промолчала.

Сегодня всем требовалось сдать план работы на следующую неделю. Если сотрудники сами не придумывали, о ком писать, то задание давала креативная группа, как правило, оно было нудным и плохо оплачиваемым. Кристина страдала отсутствием фантазии, и весь ее материал — плод размышлений этой креативной группы. Марина же пыталась мыслить сама, вот только сейчас ничего в голову не лезло.

О ком бы написать, да чтоб поинтереснее, понажористее?

Про Артура не напишешь... Вспомнился гитарист из «Филина», которого выгнали из собственной группы и лишили всего. О! История популярных рокеров заиграет новыми красками. Вспомнить бы еще, как его зовут... Миша? Вроде да, а прозвище какое? Надо у Гугла поинтересоваться, заодно и почту проверить.

Кроме спама, было три письма-уведомления из соцсетей и одно — отправленное с неизвестного адреса, с заглавием «Артур». Руки похолодели. Это еще что?

Правильнее было удалить письмо, не открывая: Артур вряд ли знал ее электронный адрес, но любопытство перевесило, и Марина с замирающим сердцем кликнула по названию. Письмо не содержало текста, зато к нему крепилось четыре фотографии. Скачать, не скачать?

Если удалить, потом любопытство одолеет, и все равно будет думаться всякое, так что пусть правда восторжествует.

Поставив их на загрузку, Марина отвернулась от монитора. Таня работала. Кристина, улыбаясь, смотрела в экран. Ощувив взгляд Марины, повернула голову и прошептала:

— Я на «фейсбуке» выложила фотки из «Космоса», ты еще не лайкала?

— Нет.

Итак, пора пришла. Кнышева, набери воздуха побольше и познай истину! Марина скосила глаза на экран, открыла первую фотографию и мысленно выругалась. На ней был Артур, шагающий под руку с блондинкой модельной внешности. Моделька лучилась счастьем, на лице Артура была все та же отстраненность. Марина ревниво всмотрелась в соперницу и ощутила себя деревенской девкой, толстой каракатицей. Девушке было лет восемнадцать-двадцать. Ровные белые зубы, ямочки на щеках, личико сердечком,

глазища в пол-лица, водопад белых волос ниспадал до ягодиц. Совершенство. Ни капли лишнего жира, ноги от ушей. Раньше Марина жалела высоких женщин, потому что им сложнее найти себе пару, теперь же искренне завидовала блондинке, которая на каблуках доставала до виска Артура. Марина же была намного ниже.

На второй фотографии снова были Артур и блондинка. Они сидели за столиком в ресторане, похоже, в том самом «Филине». Блондинка смеялась, а Артур, склонившись, что-то ей рассказывал. На третьем и четвертом фото они танцевали на каком-то приеме.

Что самое обидное, блондинка не была тупой курицей, как большинство из их породы: у нее живое, очень открытое лицо и умные глаза.

Что же за тварь прислала эти фотографии? Кому ж так не дает покоя чужое счастье? Кристина? Больше некому. И ведь как играет! Будто ей нет дела, что Марина читает ее письмо и бесится.

Заставив себя успокоиться, Марина решила поискать в Интернете упоминание о таинственной блондинке, но ничего не нашла, как и тайный недоброжелатель. Вполне может быть, что блондинка — бывшая девушка Артура. Зачем ревновать? У него наверняка были сотни женщин... И будут. Надо или принимать его таким, каков он есть, или рвать отношения.

Марина представила, что никогда его больше не увидит, и сделалось так тоскливо и бесприютно, хоть вешайся.

Беги, Кнышева, спасайся, пока не поздно. Ты проиграешь, он сильнее.

Марина покосилась на Кристину, увлеченную соцсетями, где она! Красовалась! В «Космосе»! Смотрите и завидуйте! И плевать, что ради этого пришлось переспать с коротконогим пузатым Тампошкой.

Музыканта зовут Михаил Кречет — вспомнилось внезапно. Ну вот, теперь есть предлог, чтобы написать Артуру. Но разве он об этом знает?

Мир наполнился смыслом, натянулись связывающие их невидимые нити. «Привет. Как зовут гитариста из „Филина“? Можешь устроить встречу с ним? Очень нужно», — написала она и отправила сообщение. И все, теперь не существовало ничего, кроме ответа Артура, который, Марина надеялась, скоро будет.

Артур не солгал, ныне популярную рок-группу создал и раскрутил именно Михаил, оставшийся не удел. Информации о нем было мало, и вся — обрывочная, так что будущий материал имел неплохие перспективы, если, конечно, Кречет не откажется от интервью.

Поиск информации отвлек ненадолго, вскоре мысли вернулись к Артуру. Прошло уже полчаса, а он не отвечает, почему? Не хочет? Не видит сообщение или кувырывается со своей блондинкой?

Почему, черт побери, это так важно?! Не заикливаться, отвлечься. Нельзя так сходить с ума, ты ведешь себя, как истеричка, Кристина надорвет живот, если заметит. И вообще, займись работой, составь план на следующую неделю, отправь Тампону и иди домой.

Но от одной мысли, что придется вернуться в пустую квартиру, где простыни хранили запах Артура, делалось холодно. Офисные стены, чужие люди словно защищали ее от воспоминаний, ослабляли натяжение уз.

Итак, центральной материал о Кречете. Интервью ставим на вторник, в среду обрабатываем материал и выпускаем статью. В четверг нужно будет посетить молодую поп-группу, которую отец создал под свою бесталанную дочь и теперь всячески раскручивает. В пятницу — конкурс фотомоделей. Точнее, отбор элитных проституток в бордель, называемый домом красоты «Мария». Обкатка будущих сотрудниц проводится членами жюри. Мерзейшее мероприятие. Все знают, что там происходит, но все равно находится парочка дурочек, для которых все заканчивается стрессом и разочарованием в модельном бизнесе.

В прошлый раз к Марине там приклеился молодящийся дяденька с овечьим лицом и

глазами навывкат, предлагал третье место в конкурсе. И, что обидно, нельзя писать правду об их богадельне.

В субботу...

Запиликал телефон, задребезжал вибровонком. Марина схватила его, но это звонила мама, не дождавшаяся ответа.

— Привет, ты уже освободилась?

— Ненадолго, ма, — уронила Марина.

— Ты приедешь в воскресенье? Мы по тебе соскучились, и Анечка, и Мишка. А то совсем нас забыла.

— Мамуля, постараюсь, очень работы много, — соврала она. — Извини, мне надо бежать.

Марина поймала себя на мысли, что обижается на маму, ведь она обманула ее ожидания. Во время разговора с ней приходилось себя одергивать, чтобы не высказаться резко — мать-то ведь не виновата, что Артур игнорирует сообщение.

— Тань, что ты после работы делаешь? — спросила Марина, понимая, что ей любым способом нужно избежать одиночества.

— Да ничего, а че?

— Давай по пиву выступим?

— О, клево. С утра его хочется, если честно.

— Пиво — это вульгарно, — вставила свои пять копеек Кристина.

— «Вульгарно» и «негламурно» — понятия не тождественные, — парировала Танюха и покрутила серебряное кольцо, надетое на большой палец. — Правда, я на мотике, но ниче, на стоянке постоит, ничего ему не сделается.

Танюха была классной. Если бы она родилась парнем, Марина с ней завела бы отношения, а так мешала абсолютная гетеросексуальность. Паб, в который они пришли по рекомендации Танюхи, оказался местом уютным, с негромкой нейтральной музыкой — из динамиков лился блюз, — настольным хоккеем в дальнем углу, тяжелой основательной мебелью и фотографиями улыбающихся посетителей.

Поначалу беседа отвлекала от мыслей об Артуре. Бокальчик пива, потом еще один, и мир поплыл, чувства обострились до предела, и Марина почти физически ощущала черную тушку предательски молчащего телефона.

Понемногу заканчивался день — бессмысленный и пустой. В баре начали собираться компании, состоящие в основном из мужчин, причем почти все они выглядели достойно. Не звонишь, Артур? Ну и не надо. Ты не единственный мужчина, не так уж и трудно найти, с кем скоротать вечер. Взять, например, вот этого лохматого блондинчика в байкерском прикиде. И брюнет с татуировкой вполне ничего. Бицепс, как бедро, мышцы бугрятся, одежда подобрана со вкусом. Марина подумала, что надо бы запомнить это место, но Танюха наклонилась над столом и прошептала:

— Ты не стреляй так глазами, не пали контору, это гейский бар.

Марина поперхнулась пивом, закашлялась, промокнула губы салфеткой.

— Зачем ты мне такую подлость подстроила? — прошептала она и неожиданно для себя рассказала о блондинке с фотографии, о молчащем телефоне.

— Я всегда сюда с подругами хожу, — пожала плечами Танюха.

Ну да. Блондина захотела? А он — конкурентка. Обидно.

— Извини. — Танюха накрыла ладонью руку Марины. — Хочешь, пойдем в другое место?

— Да нет, — справилась с первым потрясением Марина. — Как раз то, что надо. Глупостей не наделаю, а здесь приятно, мне нравится.

«Лица нетрадиционной ориентации» не шумели, не приставали и не стреляли глазами. После очередного бокала пива Марина совсем расслабилась. Танюха мурчала что-то успокаивающее, поглаживала по руке, заглядывала в глаза.

— Да позвонит он, успокойся... Может, это и правда бывшая... Может, сестра, ты же не голышом их видела... И вообще в наш век фотошопа...

Хотелось верить. Но вместе с хмелем в Марине бродила обида на Артура (не звонит!), и бунт (а и не надо, чтобы звонил!), и еще пустая, ничем не заполнимая тоска по нему.

— Давай по шотам пройдемся? — предложила Танюха.

Посетителей становилось все больше, с Таней здоровались, на Марину изредка поглядывали с интересом. Вечер еще, в общем-то, только начался, пиво больше не лезло, домой не хотелось, и Марина приняла предложение.

Первые три коктейля пошли хорошо, а потом уставшая и не выспавшаяся Марина поплыла. Какая-то часть мозга орала: подруга, ты набралась, дуй домой. Но разум занялся активным поиском приключений на нижние девяносто.

Сначала Марина потащила Танюху танцевать. Потом, кажется, рыдала у нее на плече, запустив пальцы в густые волосы. Потом — обнималась в дамской комнате. Потом они пошли гулять, и вечерние улицы приняли двух женщин в свои объятия.

Они шли по шумным улицам, потом свернули в какой-то двор, сели рядом на лавочку. Танюха закурила. Марина положила руку ей на бедро, наклонилась, заглянула в глаза. А если так? Если влюбиться в хорошего парня Танюху, свою в доску, понятную, без закидонов и загадочных знакомств, рыданий в потайной комнате. Жить вместе, вместе на работу ездить, весело проводить время и не страдать по пустякам!

— Нет, — трезво и тихо сказала Таня, уклоняясь от поцелуя. — Хорошую дружбу мы портить не будем. Я не гожусь для «клин клином».

Марине стало мучительно стыдно, аж хмель слетел. Она решила использовать подругу в качестве «клина» и обидела близкого человека.

— Прости, — прошептала Марина, — прости меня, пожалуйста.

— Нормально. — Улыбка у Тани была кривовата. — Знаешь, если бы не твоя любовь неземная — я с удовольствием. Так что имей в виду на будущее.

И тут у Марины зазвонил телефон.

— Привет. — Голос Артура был неестественно спокоен. — У меня небольшие проблемы. Мне нужна твоя помощь.

— Ты где?! — чуть не закричала она. — Что случилось?

— Не телефонный разговор. Я около твоего дома, в машине. Приезжай.

— Сейчас буду!

Она отключилась и принялась рыться в памяти телефона в поисках номера такси.

— Что случилось? — встревожилась Танюха.

— Извини, — хмель выветрился сразу, — мне срочно надо домой. Алло, девушка, можно машину...

— На улицу Градова, десять, — подсказала Таня, и Марина повторила адрес.

Оператор пообещала, что «через пять минут будет», и следующие пять минут для встревоженной Марины тянулись вечно, как и поездка в такси до дома. Она едва не забыла расплатиться, выскочила, хлопнув дверцей, и почти сразу увидела

припаркованный автомобиль Артура. Сам он стоял, привалившись к капоту, и выискивал взглядом Марину. Она бросилась навстречу:

— Как ты?!

Артур обнял ее, прижал к груди. Марина почувствовала, как его тепло заполняет пустоту.

— Как ты? — повторила она.

Жив, кажется, не ранен, а с остальным можно справиться.

— Малыш... мне нужна твоя помощь. — Артур провел ладонью по ее волосам. — Я никому, кроме тебя, не могу доверять. Ты же не откажешься приютить хорошего человека?

Сердце зашло в груди. Неужели нужно приютить его?! Неужели они будут жить вместе, просыпаясь каждое утро, заглядывать друг другу в глаза? Неужели она будет варить Артуру кофе и жарить яичницу? Вот оно — счастье, можно руками потрогать, услышать его запах — запах хороших мужских духов...

— Конечно, — прошептала Марина, — конечно, не откажусь!

— Спасибо.

Он отстранился и распахнул заднюю дверь машины.

— Катя!

Остолбеневшая Марина не сразу узнала девушку в свете фонарей. Из салона выкарабкалась бледная тень той красавицы, фотки которой она рассматривала утром. Светлые волосы больше не ниспадали водопадом, они были забраны в хвост, и все равно видно — голову Катя давно не мыла. Вместо обольстительных нарядов — потертые джинсы и старый свитер, толстый, растянутый, под горло, болотно-зеленый. На ногах — кеды. И это — в такой теплый вечер! Перемены произошли и с лицом девушки. Губы — в нитку, потрескавшиеся, спекшиеся. Нездоровый румянец. Лихорадочно сверкающие глаза под набрякшими веками. Катя обхватила себя руками и ссутулилась, глядя в асфальт. Ее движения остро напомнили Марине певицу Оливию. Тяжелая депрессия?

— Я... — будто осенний лист хрустнул под ногой. — Катя. Сестра Артура.

— Очень приятно, — пробормотала обескураженная Марина.

— Я больна, — продолжила Катя, избегая смотреть на Марину. — И мне негде... мне нужно...

Она заплакала — почти беззвучно.

— Да что же мы стоим! — спохватилась Марина. — У всех на виду. Пойдемте, хоть чаю выпьем. Пойдем, Катенька.

Сейчас предполагаемая «бывшая» (а оказывается — сестра! Как хорошо!) вызывала только жалость и желание обогреть.

На кухне она забилась в дальний угол, ну хоть плакать перестала. Артур отозвал Марину в сторонку:

— Понимаешь, мне нужно уехать. Ненадолго, надеюсь, малыш, но все-таки. Мне угрожает опасность. Я предупреждал тебя, что лучше со мной не связываться, так ведь? Вот. — Он развел руками, словно извиняясь.

— Что с Катей? Депрессия?

Артур промолчал, но Марина поняла по взгляду: правильно предположила. Депрессивную больную нельзя оставлять одну. Но Марина же работает, она не сможет постоянно контролировать состояние Кати.

— Ей нужно принимать какие-то таблетки?

— Нет-нет. И не обязательно с ней все время сидеть. Просто пусть побудет с тобой. Мне так будет спокойно. Малыш, я должен бежать. Как смогу — выйду на связь, сама мне не звони, не рискуй. И ни в коем случае никому не говори обо мне. Могут прийти странные люди...

Марина вспомнила про визит частного детектива и кивнула.

— Так вот: молчи. Ничего не знаешь. Им нельзя знать про Катю. Пусть думают, что она — твоя подруга, хорошо? Обещаешь так и сделать?

— Да, — несколько оторопев от напора, согласилась Марина, — хорошо, договорились.

— Пообещай, — настаивал Артур.

— Обещаю, — вздохнула Марина, с трудом подавляя желание дотронуться до него, хоть за руку поддержать.

Артур вытащил бумажник и отсчитал десять стодолларовых купюр. Катя, поджав ногу, смотрела на Артура влажным взглядом преданного сенбернара.

— На случай, если вам что-то понадобится. Вряд ли меня не будет дольше двух дней, крайнее — три, но на всякий случай...

Она не стала отказываться. Конечно, Марина надеялась, что он останется на ночь, но Артур даже не попрощался с сестрой, быстро поцеловал Марину и выскочил прочь, оставив ее наедине с незнакомой и нездоровой девушкой. Едва хлопнула дверь, Катя вскочила, чтобы рвануть за ним, но будто неведомая сила остановила ее и швырнула на кухонный уголок.

«Ну что ж, — решила Марина. — В конце концов, журналист должен находить подход к любому человеку, и депрессивная Катя ничем не хуже остальных, тем более фотографии, присланные „доброжелателем“, оказались ерундой — промахнулся папарацци!» Марина только сейчас поняла, что про это Артура не рассказала, просто некогда было, и не спросила у него, кто мог захотеть, чтобы они расстались, кто и откуда знает почту Марины и чем это ей грозит...

«Ладно, — решила она, — спросить успеется».

Катя по-прежнему сидела в углу, глядя на пустой стол и обхватив себя руками. Сколько ей лет? Двадцать? А Артура? Тридцать пять? Сорок? Слишком большая разница в возрасте между братом и сестрой и никакого сходства. Наверное, Катя — сводная.

— Хочешь чаю? — спросила Марина. — Ты не стесняйся. Еды, конечно, немного, но нам хватит, а завтра что-нибудь придумаем. Может, душ? Ванна? Переодеться? Ты без вещей, мои тебе коротковаты будут, но футболку спальную найдем...

Она говорила, но слова не вызывали у девушки никакой реакции.

Марина поставила чайник, вытащила коробку конфет, припрятанную до лучших времен, — где-то слышала, что шоколад вызывает хорошее настроение.

— Будешь? Может, ты голодная?

— Нет... спасибо, ничего не нужно. — Тонкие пальцы были сжаты так, что костяшки посинели.

— Катя. — Марина опустилась на табуретку рядом и положила руку девушке на плечо — Катя отодвинулась. — Артур для меня очень дорогой человек.

— И для меня...

— А значит, и ты мне дорога. Поэтому, пожалуйста, скажи, чего ты хочешь?

Девушка зыркнула злобно и уронила:

— Сдохнуть.

Марина подумала, что ослышалась, но Катя стряхнула ее руку, выпрямилась и посмотрела в глаза с запредельной, смертельной тоской.

— Я хочу умереть. Не могу.

Волна паники окатила Марину. Это что, суицидальные мысли? Ну и что теперь делать? Вот спасибо, любимый! Не было бабе заботы, купила баба пороса. «Скорую» вызывать? Искать хорошего психиатра по знакомым? Впрочем, Марина быстро взяла себя в руки: где-то она читала, что если пациент декларирует желание убить себя, никогда на подобный шаг не решится.

— Со «сдохнуть», подруга, я тебе не помогу. Поэтому сейчас ты пойдешь в душ и помоешь голову. Потом поешь. Потом ляжешь спать. Осознала?

— Я не могу...

— Чего ты не можешь? — напустилась Марина. — Голову вымыть? Так я тебе помогу. Давай, поднимайся.

Чуть ли не волоком она оттащила сестру Артура в душ, включила воду, заставила девушку раздеться — Катя не стыдилась наготы. Она оказалась жутко худой, все кости сквозь кожу просвечивают, на тонких руках алеи шрамы поперек запястий. Катю трясло — то ли от озноба, то ли от истощения. Марина разозлилась на Артура: надо же довести родную сестру до подобного состояния! Ей же срочно нужна помощь, и не любительская, а профессиональная, врачебная! Неужели он не видит? Хотя, может, есть причины, о которых Марина даже не догадывается.

Она усадила Катю в ванну и вымыла, как маленького ребенка. Девушка вскоре перестала дрожать, расслабилась под действием теплой воды.

— Сейчас я дам тебе свой халат, и мы пойдем ужинать. Конечно, на ночь есть вредно, но тебе — полезно. Ничего, вычухаешься, будешь красавицей, как раньше.

— Не буду. Ничего не будет. Все кончилось.

— Вот еще. Ерунда. Ты — красивая, молодая женщина, а депрессия в наше время — не приговор. Я найду хорошего психотерапевта, и тебе помогут. Я же журналист, у меня хорошие связи. Главное — не отчаиваться. Не знаю, почему Артур раньше...

Катя засмеялась — хрипло, взхлеб — и закрыла лицо руками. Смех, кажется, перешел в рыдания.

— Артур, — бормотала она. — Артур...

— Успокойся! — прикрикнула Марина.

Вытерев Катю и завернув ее в халат, отвела обратно на кухню. Налила чай. Помедитировав на содержимое холодильника, соорудила горячие бутерброды с сыром и помидором. Вспышка активности у девушки прошла, она снова погрузилась в себя, но машинально жевала и прихлебывала чай.

Щеки Кати слегка порозовели, на лбу от горячего питья выступили капельки пота.

Марина решила сделать еще одну попытку разговорить странную гостью.

— Давно ты болеешь? К врачам обращалась?

— Здесь есть еще комната? — Девушка заозиралась. — Не хочу... не могу тебя видеть. — Она рассмеялась. — И не жалко ни капельки, так тебе и надо!

На миг Марина опешила, но быстро спохватилась и успокоила себя тем, что Катя больна и потому неадекватна.

— Это однушка. Катя, не ерунди. Конечно, брат запустил твою болезнь...

— Брат... Запустил. — Катю перекосило. — Именно — запустил. Я ничего тебе не скажу. Просто не могу сказать, даже если захотела бы.

— Почему? — не поняла Марина.

— Да потому что ты... Из-за тебя. — Она открыла рот, хлебнула воздух, как вынутая из воды рыба, мотнула головой, бессильно уронила ее на грудь и шепнула: — Потому что пообещала не говорить.

Марина остолбенела. Происходящее нравилось ей все меньше и меньше. Вот те на: приютила человека себе в ущерб — и пожалуйста.

— Из-за меня — что?

Катя молчала. В голове шевельнулась гаденькая мыслишка. У нее ведь сходства с Артуром никакого... Но неужели он приволок сюда свою бывшую любовницу?! Это какой же надо быть бессердечной тварью! Довел девушку до суицида, таскает за собой, но почему-то не бросает.

Нет, неправда. Марина потрясла головой и попятилась от Кати. Это не по-человечески. Он ни во что не ставит ни «сестру», ни Марину, ему плевать на них обеих...

Но почему он бросил Катю здесь? Это по меньшей мере непредусмотрительно. Думает, что надежно спрятал? Но от кого? И зачем, если ему на нее плевать?

Неправда, неправда, неправда... Тяжело опустившись на табурет, Марина уставилась на Катю, не решаясь спросить о главном. А если предположение верно? Как жить дальше?

Мир пошатнулся, но пока еще стоял, и планы на будущее были осязаемыми; в них прочно поселился Артур, вытеснив все прочее, как кукушонок выталкивает из гнезда более слабых птенцов. Синяя таблетка или красная? Что так, что эдак, твоя жизнь уже не станет прежней. Наконец Марина решилась и прохрипела чужим голосом:

— Скажи, Артур ведь не брат тебе...

Катя повернула голову и замерла, будто шизофреник в кататоническом ступоре. Ни отрицания, ни утверждения, какие-то непонятные молчанки. Хотелось схватить девушку за ворот и трясти, пока она не признается.

И вообще, с какого перепуга она должна терпеть в своей квартире женщину, которая ее ненавидит? А вдруг ночью решит прирезать? Сенсация! Таинственный Артур прячет свою первую любовницу у второй.

Марина поднялась и проговорила:

— Или ты отвечаешь на вопрос, или... Убираешься на все четыре стороны.

Щеки девушки порозовели, она развела руками и ответила радостно:

— Не могу.

Похоже, она серьезно решила обосноваться в квартире. Марина рассмеялась, прошлась по кухне взад-вперед, ощущая, как где-то возле солнечного сплетения зарождается жгучее пламя ярости, глушит обиду и грядущую боль утраты. Пока оно просто жжет, набирает силу, но вскоре взорвется и потащит, как толпа в метро, и тогда Марина наверняка наделает глупостей.

— Убирайся.

Катя не шелохнулась, побледнела и снова уподобилась манекену. Ах ты ж! Артур, скотина ты подлая! Не звонить, значит, тебе. Опасно это. А черта с два! Марина выхватила телефон, протопала в спальню и набрала Артура. Гудки, гудки... Щелчок — он ответил, и пламя ярости потухло, остался его голос, от которого разум слабеет и делается горячо в низу живота.

— Что случилось, малыш?

От неожиданности Марина онемела. Хотя чего она ожидала? Для такого человека относиться к людям как к расходному материалу — нормально, вот он и воркует. И рождается ощущение, будто ничего страшного не произошло, все вернулось на круги своя, на душе тепло и радостно...

Ну что за наваждение? Марина мотнула головой, освобождаясь от гипнотической зависимости и пытаясь разжечь ярость.

— Артур, ответь честно...

— Я никогда не врал тебе, — сказал он твердо, и Марина отметила, что у него и правда пунктик на честности: о том, что она его сестра, Катя говорила сама, Артур просто не опровергал этого.

— Катя ведь твоя любовница...

Он с сожалением вздохнул:

— Это в прошлом. Она для меня ничего не значит.

И тут Марина не сдержалась:

— А я? Да ты... Да как ты мог притащить ее в мою квартиру?

— Так надо, поверь.

— Тебе — да, а мне — не надо. Это скотство и по отношению ко мне, и тем более — по отношению к ней...

Ответил Артур спокойно, без ноты сожаления:

— Ладно, сейчас вернусь и заберу ее.

И опять Марина онемела. Ну что за чурбан бесчувственный! Неужели он не понял, что сотворил? Прилюдно вытер ноги о Катю и продемонстрировал, что ждет Марину, когда она ему надоест. Извинился бы, что ли, для приличия, но нет — отключился.

Марина протопала в зал, рухнула на диван, закрыла лицо руками, засмеялась. Господи, до чего же грязно, обидно закончилась сказка.

А была ли она — сказка? Не нарисовало ли ее собственное воображение? Марина была уверена — нет, у нее был самый лучший мужчина в мире, и от осознания того, что все теперь в прошлом, тянуло волком выть. Малодушно хотелось принять и Катю, и прочих его бывших, лишь бы коснуться Артура еще раз.

Но самолюбие вопило, что такое простить — все равно что позволить вытереть о себя ноги, превратиться в бессловесное подобие Кати.

Только не реветь. Только продержаться до момента, пока он уйдет.

— А ты молодец, — донесся из кухни бесцветный голос Кати. — Я так не смогла.

Может, не так уж Катя и не права, что платит самоуважением за право быть с лучшим мужчиной? Лучшие всегда полигамны, так природа распорядилась. Хранят верность мужчины с недостатком энергии, без харизмы, на каких Марина не обращала внимания. Получается замкнутый круг...

Но ведь тут не в измене дело, а в наплевательстве.

Запиликал звонок Марину бросило в пот, сердце ухнуло в пятки. Она не решалась открывать дверь, до последнего надеялась, что это сделает Катя, и они с Артуром уйдут, и не будет соблазна броситься ему на шею.

Но пришлось впускать его самой. Он прошел в квартиру, оттеснив Марину плечом, словно ее тут попросту не было и не ее он пару минут назад называл малышом. Заглянув в спальню, Артур сунулся в кухню и скомандовал:

— Катя, быстро собирайся, мы уходим.

Марина, прислонившаяся к дверному косяку, кусала губы и чувствовала себя не просто использованным презервативом — презервативом, который не подошел по размеру. Артур демонстративно ее не замечал, и было ясно, что это конец.

Ни слова ей не сказал Артур, ни взгляда на нее не бросил. Не оправдала ожиданий, повела себя неудобно — но разве она не человек? Разве трудно понять, что его поступки ранят ее? А что было бы дальше? Он заставил бы ее лечь в постель с Катей и плевать, хочется это кому-то, кроме него, или нет?

Правильно, пусть уходит и не возвращается. Как-то же Марина жила без него, вот и теперь выживет: все в мире переживаемо. Да, ради достойных мужчин стоит чем-то жертвовать. Но никто не стоит того, чтобы ради него превращать себя в тряпку. От такого человека надо бежать.

Катя, не стесняясь Марины, молча переделась в свою одежду и направилась к выходу, Артур последовал за ней. Марина надеялась, что он начнет оправдываться — не дождалась. Он даже не обернулся, чтоб попрощаться, когда захлопывал дверь.

Марина метнулась к окну, прижалась к стеклу лбом. Воровато оглядевшись, Артур сел за руль, хлопнул дверцей. Катя устроилась позади него. Да, она действительно для него ничего не значит, как и Марина, как и кто бы то ни было. Его гипертрофированное эго заслоняло даже солнце.

А чего ты хотела? Чтоб восток и запад поменялись местами? Чтоб случилось чудо и вместо снега в январе с неба посыпались розовые лепестки? Поведение Артура вполне предсказуемо. Да, безумно хочется, чтоб он одумался, позвонил в дверь и все объяснил, тогда Марина простила бы ему даже Катю, даже то, что он своим равнодушием чуть не довел бедную девушку до самоубийства, — несмотря ни на что, она продолжала его любить.

Но машина Артура дернулась, объезжая припаркованный синий автомобиль с засиженным голубыми кузовом, и медленно покатила к выезду из двора. Возвращаться он не думал, извиняться — тем более.

Марина легонько стукнулась лбом о стекло, слизнула предательски бегущие по щекам горячие капли. В ее душе проснулась часть собственной сущности, с которой она раньше не сталкивалась. Это даже не второе — третье «я» ныло, канючило, билось головой о стены и лопотало: «Ну что тебе стоило потерпеть Катю, видно же, что Артур не знает, как от нее избавиться, но ему ее попросту жалко: она шантажирует его суицидом. Тогда Артур часто бывал бы рядом, и можно было трогать его, чувствовать его в себе. Да, он жестокий, но разве тебе это не нравится? Нужно принимать человека со всеми его недостатками. Тем более что у Артура достоинств больше».

— Нет! — крикнула Марина и ударила стену кулаком, распахнула окно и заорала: — Ну и вали, нарцисс. Гад бесчувственный!

Понятное дело, никто, кроме соседей, ее не слышал: «Мицубиси» Артура уже исчез из виду, и Марина впервые в полной мере ощутила натянувшиеся канаты уз. Будто привязанную к автомобилю, теперь ее вздернуло, протащило по комнате и ударило о стену.

Оглушенная, она села на пол, обхватив себя руками, и принялась себе доказывать:

— Думаешь, ты единственный мужик и я буду убиваться? Черта с два! Да я завтра же кого-нибудь найду, козел! Ты еще пожалеешь!

Марина понимала, что уже послезавтра Артур ее вряд ли вспомнит, и от этого делалось тоскливо и бесприютно. Безумно хотелось остаться хотя бы в его памяти — она ведь сделала для этого все: отвергла его, не стала прогибаться, в отличие от Кати и сотен таких же дурочек. Ну не умеет она подставлять другую щеку.

Вот и пусть помнит как единственную женщину, давшую сдачи.

Но самоутешение работало слабо, слезы катились, а в душе ширилось, росло чувство

утраты, как растёт расстояние между берегом и удаляющимся кораблем с алыми парусами, куда она безнадежно опоздала.

Поднявшись, Марина протопала к холодильнику, хлебнула холодной воды из запотевшего стакана. Все, Кнышева. Пореву сегодня-завтра, а потом станет легче, ты успокоишься и забудешь... Нет, такого не забудешь, но воспоминания о нем померкнут, утратят материальность, и ты положишь их в копилку опыта, чтобы доставать иногда и любоваться, как драгоценными камнями.

Сейчас же тебе нужно разорвать все, что вас связывает. Первым делом — удалить его номер из телефона, чтоб не было соблазна позвонить. И все сообщения — тоже. Да, не хочется, но это необходимо.

С минуту телефон просто лежал в ладони, Марина смотрела на него, как на живое существо, приговоренное к казни. Потом набралась мужества, отыскала номер Артура и нажала Del, подтвердила, что действительно хочет его удалить, и всхлипнула, когда на экране высветилось «операция прошла успешно». Наступила очередь сообщений. Их Марина стирала равнодушно, только над последним долго думала, ловила и пыталась осмыслить ощущение.

Это как приводить приговор в исполнение, причем казнить нужно самое дорогое.

— Зачем Герасим утопил свою Муму, — пробормотала она и криво усмехнулась.

Закончив с сообщениями, Марина вспомнила о том, что у нее припрятано полбутылки коньяка, неплохо бы использовать его как обезболивающее.

Пила она из горлышка, закусывала тонко нарезанным сыром. Спирт обжигал горло, согревал, отодвигал боль на задний план, и она делалась приятной, как в шестнадцать, когда любовные терзания доставляют странное наслаждение, их смакуешь, ими упиваешься.

Уснула она за полночь под песни «Ночных снайперов».

Обрывки снов напоминали горячечный бред. Марина много раз распахивала глаза и снова падала в сон, похожий на фрагменты калейдоскопа.

Проснулась она по будильнику, разбитая и больная. Голова трещала, ломило каждую мышцу, каждый сустав. Но не это было самым отвратительным: из груди словно вырвали сердце, и в разверзшуюся черную дыру втягивалась реальность.

«Это пройдет, — утешила себя Марина. — Не сегодня, так потом. Главное — доползти до завтра целой. А сейчас — доползти до аптечки, выпить таблетки от головы и плестись на работу».

От последней мысли Марину замутило, перед глазами заплескали разноцветные круги, она покачнулась, схватившись за трюмо. Хреново-то как, какая работа? Вызвать врача, сделать больничный...

Пошатываясь, она добрела до кровати и будто упала в липкую черноту. Перед глазами проносились лица, места, в душе рождались эмоции — нереальные, болезненные. Некоторое время она словно барахталась посреди темноты, чувствуя себя шаром в воздушных потоках.

Потом — снова калейдоскоп видений, смешанный с реальностью. Артур, Наташка, горячий чай. Вроде бы кто-то звонил, а может, и нет.

Когда наконец удалось сфокусировать взгляд, над ней нависало одутловатое мужское лицо. Если бы не белый халат, Марина бы заорала и принялась отбиваться. Врач глянул в сторону и проговорил:

— Теперь ей станет полегче.

Врач встал и направился к выходу, прихватив чемоданчик с инструментами, Наташка отправилась его провожать. Щелкнув щеколдой, уселась на кровать рядом с Мариной и покачала головой:

— Ну и напутала ты меня, подруга.

— Что было? — прохрипела Марина.

— Что-что... Вчера тебе позвонила, а ты бредишь, ну, я и примчалась.

— Спасибо... Вчера? — вяло удивилась она. — Прошли сутки, и сегодня понедельник?

— Ну да.

— Моим ты не звонила?

— Нет.

— И не надо их волновать... Спасибо. А как же работа...

— Забыла? Я ж в отпуске, — на лоб легла прохладная рука Наташи. — И где ты умудрилась поймать ГРИПП среди лета?

Марина соображала туго. Одно она понимала — это не ГРИПП, а самая настоящая ломка. Уколы не уберут причину, и только Артур избавит ее от мучений. Захотелось к нему прикоснуться. Настолько, что она готова была валяться у него в ногах, вымаливать прощение, лишь бы он позволил дотронуться до себя. И хорошо, что нет сил, иначе...

Никогда. Больше — никогда. Лучше сдохнуть.

— Ты что, ревешь? — поинтересовалась Наташа, и Марина отвернулась к стене.

— Дела-а-а, — проговорила подруга. — Давай поговорим об этом?

— Извини, нет.

Большинство женщин с радостью делятся сокровенным, раздают частички боли близким, и им становится полегче. Для Марины же исповедь перед чужими людьми всегда казалась чем-то стыдным, особенно когда приходилось рассказывать о неприятном. Какое там «поделиться» — все равно что призывать покойника, как в открытой ране ковыряться, лучше подождать, когда она заживет.

— Ната, спасибо, мне уже полегче, у тебя малая одна...

— Она с бабушкой, ничего.

— Да нормально все со мной.

Наташка покивала.

— Ага, ага, ты в зеркало себя видела? — Наташка метнулась в ванную и ткнула Марине под нос зеркало, откуда на нее смотрела заморенная женщина с красными глазами и потрескавшимися бескровными губами. Но самое страшное, эта женщина напоминала смертельно больную: черты лица заострились, щеки ввалились.

Марина зажмурилась, вспомнила Оливию, Катю, и от этого понимания по спине пробежал холодок. Сковывающие ее невидимые цепи тянулись к Артуру, хотелось прекратить мучения даже ценой собственной жизни.

В глубине души шевельнулась злость. Всему есть медицинское объяснение: самка всегда выбирает самого сильного, харизматичного самца — так задумано природой. На него начинает вырабатываться дофамин, внутренний наркотик, и человек попадает в зависимость от другого человека. Но чтобы так... до болезни и полного растворения.

Танцующий огонь — это красиво. Можно бесконечно наблюдать за ним, если б не одно «но» — ему нужно сжигать, чтобы жить. Сейчас Марина ощущала себя лесом, где догорает последняя роща. Потом огонь умрет и останется пепел. Не пустыня, как раньше, нет. В пустыне есть жизнь. Выжженная пустошь. Джунгли после напалма.

И сейчас она борется за то, чтобы сохранить хотя бы несколько ростков, из которых когда-нибудь можно будет возродиться.

— Это из-за него? — Наташка села рядом и погладила по волосам.

От ее прикосновения, от сочувствия появилось желание завывать в голос, но Марина сдержалась, а Натка исправилась сама:

— Извини, я помню, что ты не любишь делиться, когда больно.

— Мне правда лучше. Криз уже позади, — чтобы доказать это, Марина села в постели и свесила ноги — перед глазами заплескали мушки, но вскоре зрение восстановилось.

Нет, это не с ней. Она сильная и не попадает в зависимость. Или же происходящее — на грани были и фантастики, и Артур... Да что Артур? Приворожил ее? Хватит оправдывать собственную слабость небылицами.

Вспомнилась книга про вампира, где обескровленная жертва сама впускала убийцу, ждала его, бредила им. А ведь похоже! Поневоле согласишься. Замирая, она взяла зеркало, которое принесла Наташка, осмотрела шею, локтевые сгибы, улыбнулась. Все можно объяснить научно. Организм требует дофамина, который вырабатывается на Артура. А вот хрен тебе, а не доза!

Ната кусала губу, будто хотела что-то сказать, и наконец не выдержала:

— Знаешь, что мне кажется. Что твой Артур не простой человек тебе надо к бабке сходить.

Марина фыркнула.

— У меня нет лишних денег, сама справлюсь...

А ведь он предупреждал, что с ним связываться опасно. Что он имел в виду: свое темное прошлое или...

— Есть у меня одна знакомая, очень хорошая знакомая, которая не возьмет денег, просто посмотрит. Я бы на твоём месте...

— Не сейчас. А домой к себе мошенников не пушу.

Марина поймала себя на мысли, что понемногу здравый смысл капитулирует и она готова поверить во что угодно, отдать все свои сбережения хотя бы за надежду, что кто-то оборвет зависимость. Наташка включила музыку на телефоне, где играла одна из ее любимых песен. Марина и раньше ее слышала, но считала бредом, ныне же давно известные слова отзывались в ее душе по-новому.

Очень жаль, что ты тогда мне поверить не смогла. В то, что новый твой приятель не такой, как все. Ты осталась с ним вдвоем, не зная ничего о нем. Что для всех опасен он, наплевать тебе.

— Да уж, и в Вельзевула согласишься, — пробормотала она, отмечая, что не все в этой песне — вымысел.

А что, если в ней есть доля истины, и Марина понемногу меняется, потому и не помнит прошлой ночи? Наташка вроде была рядом, но вдруг спала? Невольно Марина посмотрела на свои пальцы, сама не зная, что рассчитывала увидеть. Каждую ночь она будет терять по частице себя, как Оливия, как Катя, она не превратится в вампира или оборотня, но от нее ничего не останется, только оболочка, имитирующая живого человека...

— Ты завтра на работу не ходи, — посоветовала Наташка, — врач тебе больничный выписал, вот он. — Она накрыла рукой белый лист на столике рядом со стаканом и таблетками.

Марина подумала о том, что во вторник у нее запланировано интервью, это значит, можно выспаться (если шерсть и клыки расти не начнут), пойти в ресторан и побеседовать с Кречетом ближе к вечеру. Голова кружиться перестала, появилась жажда деятельности. Захотелось пойти туда прямо сейчас, увидеть кабинки, стилизованные под столетние дубы, в стволах которых стоят столики, послушать

великолепный блюз, выпить вина, сесть на то самое место...

Тьфу ты, опять! Вообще не следует туда ходить, беречь раны. Но ведь надо! Тампошка одобрил план на неделю. Марина принялась продумывать интервью, но это оказалось неожиданно тяжело.

Мысли начали путаться, и Марина сама не заметила, как заснула.

Очнувшись утром, разбитая и тяжелая. Сил встать с кровати не было, проклятая слабость никуда не делась, возбуждение, овладевшее ею предыдущим вечером, исчезло без следа, оставив свинцовую уверенность: ничего нельзя сделать. Хотя ты лопни, хотя ты тресни, хотя выйди из дома и отправься брать интервью — это будут жалкие потуги на существование, а не жизнь. Имитация, безвкусная, как безалкогольное пиво.

Марина лежала в постели, свернувшись клубком, смотрела прямо перед собой на смятую простыню и твердила про себя: надо вставать. Пора уже встать.

Засесть дома — значит, круглосуточно жалеть себя, дойти до нервного истощения. Выйти, заняться работой — шанс.

Новых тем для интервью не выдумать, одобренный Тампошкой план не обойти. А кстати, предупредил кто-нибудь коллег о болезни Марины? Должно быть. По-хорошему, надо было позвонить в издательство, но при мысли о грядущем диалоге Марине сделалось дурно.

Нет, лучше просто поехать, взять интервью, скинуть его Тампошке — пусть наслаждается. И заодно приписать: я-де на больничном, не ждите.

Правильно. Поехать в ресторан.

Марина уже почти собралась подняться — но сил по-прежнему не было. Вспомнилось, как Катя безучастно сидела в углу. Преданная любовником, в доме нынешней фаворитки Артура — сидела молча и безропотно. И на единственную форму бунта ее хватило — намекнуть на правду, а уж остальное Марина додумала.

Что ж так плохо? Она не была неопытной девочкой и понимала: всякое расставание тяжело. Однако с Артуром получилось хуже, чем обычно. Никакая, даже самая огромная и светлая любовь, разрушаясь, не заставляла Марину опустить руки. Выпить, пострадать, порыдать — и жить снова, не влачиться, а скакать, из шкуры выпрыгивать, лишь бы забыться. А тут...

Может быть, он в том ресторане?

Ехать утром в подобное заведение — безумие, но только после полудня Марина, повинаясь зову гидробудильника, встала с кровати. Ее шатало, аппетита не было, движения оказались вялыми и замедленными. Стараясь не смотреть на себя в зеркало, Марина оделась, кое-как причесалась и вышла из дома.

Пешком и на общественном транспорте? Последнее исключено, а идти далеко.

И все-таки, не решившись вызвать такси (каждый контакт с внешним миром казался не по силам), она пошла пешком в центр города.

День был не жаркий, прозрачный, с редкими облаками, Марина выбирала обходные, безлюдные пути, и какая-никакая активность взбодрила ее. По-прежнему шатало, мысли были ватными, но все-таки Марина двигалась вперед, запоздало соображая, что дома остался диктофон, блокнот и ручка, а еще — мобильник и документы. Она только с ключами и кошельком вышла из квартиры.

То есть интервью не взять.

Ну и ладно, раз уж выбралась — не пропадать же дню. Найдёт Кречета и договорится о будущей встрече. Заодно что-то съест.

Марина остановилась и огляделась. Она находилась на Соборной площади, одной из центральных: на нее выходили фасады католического и православного собора, а также —

городской ратуши. Здесь обычно, и сегодня тоже, былолюдно и шумно, бойко торговали всем подряд — от леденцов на палочке и магнитиков на холодильник до бус из натурального камня и женского белья — лоточники зазывали покупателей, бросались наперерез девочки с рекламками и флаерами. Замерли в ожидании подачи живые скульптуры, крашенные медянкой и серебрянкой. Уличные музыканты пытались переиграть друг друга, и над площадью, мощенной брусчаткой, кроме криков, цокота каблучков, плыла плотная сеть мелодий.

У фонтана в центре играл флейтист. Играл, не обращая ни на кого внимания. Марина знала о нем: городской безобидный сумасшедший, талантливый музыкант-импровизатор, он не был нем, но не разговаривал ни с кем, видимо, звуками пытаясь донести ведомое лишь ему.

Она приблизилась, остановилась, прислушиваясь. Мелодия рождала смутное беспокойство, предупреждала об опасности, умоляла остановиться, развернуться, укрыться, уехать...

— Нет, — пробормотала Марина.

И встретила взгляд музыканта — пронзительным и не очень добрым. Музыкант покачал головой, будто осуждая. Марина отвернулась.

Суэта площади, обычно праздная, расслабляющая, вдруг показалась ей неестественной. Скорее, скорее отсюда!

Она ускорила шаг, пытаясь проскочить в переулок, ни с кем не столкнувшись, и оказалась нос к носу с цыганкой.

У нее были черные волосы, забранные в тяжелый узел под сползшей косынкой, множество юбок разной степени заношенности и цветастости, украшенные блестками стоптанные тапочки, массивные золотые — или поддельные — серьги и перстни, стеклянные бусы, наводящие на мысли о контакте с аборигенами Америки. Кожа у цыганки была столь смуглой, что выглядела грязной.

— Ой, красавица! — завела свою песню попрошайка. — Дай судьбу расскажу!

Марина машинально прижала к ребрам сумочку с кошельком. Она так и не выложила оттуда сумму, подаренную Артуром. Главное — не заговаривать с цыганкой. Начнешь отвечать — останешься без штанов. Самое мудрое — быстро пройти мимо.

Она не могла бы объяснить, чем ее напугала замарашка. Была цыганка одна, хотя обычно они ходят шумной толпой. Невысокая, немолодая, на вид не сильная, забитая какая-то. В другое время Марина просто прошла бы мимо, не обратив никакого внимания. Гадалка вдруг выбросила вперед тощую птичью лапку и ухватила Марину за рукав пиджака.

— Тебе нужно судьбу узнать, красавица. Кто еще расскажет? Я расскажу. Съели тебя, ой, съели! Не ходи ты к нему, не отдавай последнее, побереги себя. Да не бойся, не возьму денег. Я с других беру, у которых всех забот — перед кем выгоднее ноги раздвигать, а тебя не обижу, тебя уже обидели. Плохо тебе было вчера?

Марина опешила. Сделала робкую попытку забрать руку, но не смогла пошевелиться.

— Вижу, плохо было, сегодня еле встала, дело себе придумала, да и пошла. А спроси себя, красавица, к кому идешь? Куда идешь?

— Откуда...

— Ты мне поверь, я много лет живу, а он — и того больше. Наш народ памятью силен. Что один знает, то все ромалэ знают, что одному ведомо — всем ведомо. И младшая жена моего деда такое видела, что с тобой сделали. Видела, как съели человека. Вроде и ходит, и говорит, а нет там ничего, кукла одна. Если забрать такого — побежит к упырю, поползет, любой предлог использует, что угодно... Ай, красавица, и ты сейчас так. Послушай меня, не ходи. Ступай домой, на все засовы закройся, телефон выключи, к окнам не подходи — и сиди. День, два, три, неделю. Потом легче станет. Потом справишься, а поначалу — плохо будет, тяжело будет и маятно...

— Отпустите меня наконец! — Внезапно Марина разозлилась и нашла в себе силы вырвать руку, оттолкнуть надоедливую гадалку. — Ничего мне от вас не нужно.

— Ой, красавица, — в карих глазах блеснули слезы. — Не ходи.

Марина развернулась к ней спиной и побежала прочь. Сплошные сумасшедшие по дороге попадают, кошмар какой-то.

Она не добралась до ресторана. В стеклянной витрине модного бутика она наткнулась на свое отражение. И дело было не в опущенных уголках рта и бескровном лице. И даже не в одежде — она умудрилась «на автомате» надеть вполне приличный костюм и лодочки. Дело было в затравленном, голодном взгляде наркомана в поисках дозы.

Марина заметила это и поняла, что предполагаемое интервью только предлог, чтобы сорваться к Артуру.

На минуту мир будто прояснился, ушла заполняющая голову болезненная пелена, Марина остановилась и вздрогнула: что же я делаю, немедленно надо возвращаться домой, цыганка была не так уж не права...

А если это — последствия разговора с гадалкой? Простейшее нейролингвистическое программирование для того, чтобы Марина отправилась в квартиру, где, она косвенно подтвердила, живет одна, и цыганская мафия проследила за ней, ограбила?

И почему бы, если так хочется, не повидать Артура?

Нельзя оставлять невыясненными отношения, это плохо сказывается на психике.

Она просто придет — и поговорит с ним. В конце концов, пощечину залепит. И вернет деньги. Или не вернет. Там видно будет.

Как ни странно, сразу стало легче. Будто бы смысл жизни появился.

Марина огляделась, сориентировалась — до дома Артура вполне можно добраться пешком за полчаса. Сил прибавилось, болезнь отступила. И Марина пошла, почта побежала, выяснять отношения.

Консьерж узнал ее — пустил без вопросов. Сердце колотилось, казалось, в ушах, ладони потели, и Марина повторяла про себя продуманную речь: «Здравствуй. Ты обошелся со мной гадко... нет, не так, так нельзя, надо через „я-послание“: здравствуй. Я очень на тебя обижена. Ты... Меня оскорбило то, что ты... тьфу... Меня оскорбило появление Кати в моем доме. Я была бы рада, если бы ты объяснился». Именно так Спокойно, доброжелательно, просто расставить точки над «и», понять, почему он так поступил, какие цели преследовал.

Ведь, думала Марина, поднимаясь в лифте, не хотел же он расстаться. Для этого можно было подобрать не столь изощренный способ.

Может, ему и правда угрожала опасность. И — через него — его бывшей.

У Артура не было выхода. И у Кати не было выхода, и любить Марину она, конечно, не обязана.

Вероятен такой вариант? Конечно. Отсюда и холодность Артура, и поспешность, с которой он забрал Катю в другое безопасное место.

Тренькнула, открываясь, дверь. Марина зажмурилась от страха, шагнула вперед, и тут ее стребли в объятия. Она не решалась открыть глаза. Тело наполнилось ликованием, Марина жадно вдыхала запах Артура, чувствовала, как он дрожит, и сомнения покидали ее: не может быть, чтобы Артур так плохо с ней поступил, всему есть оправдания... колени внезапно ослабли, Артур подхватил ее на руки:

— Маленькая. Ты вернулась. Я знал, что так будет.

Она наконец-то посмотрела на него. Любимое лицо было совсем рядом.

— Я... Поставь меня, пожалуйста.

Они были в той самой гостиной, где всего несколько дней назад Марина проснулась совершенно счастливой.

— Я хотела спросить. Зачем все это было?

— Мне угрожала опасность. Кате тоже. Я просто хотел ее спрятать.

— Но почему ты не сказал мне правду?

— Я никогда не вру, — повторил он то, что уже говорил, — я боялся ранить тебя. Я тебя и так ранил.

— Правда всегда лучше! — запротестовала Марина. — Я хочу все знать!

— Это опасно, — предупредил он. — Маленькая, я бы не хотел, чтобы ты в это влезала сейчас. Я все расскажу потом, когда ты будешь готова.

Вспомнились невнятные угрозы гадалки, предупреждения Кати.

— Она сейчас здесь? Катя?

— Нет. Ее здесь нет. Маленькая. Я соскучился.

Она не хотела сдаваться так сразу, но Артур вдруг с силой сжал ее запястья, поднял руки вверх и прижал Марину к стене. Она выгнулась ему навстречу и зашипела от боли — не сильной, но ощутимой.

— Ты — моя.

Ужалил поцелуем, укусил за нижнюю губу. Одна рука его продолжала удерживать Марину, прижимая ее к стене, другая нырнула под пиджак, грубо и больно сдавила грудь.

— Ты — моя. Ты не можешь думать иначе.

Артур рывком развернул Марину лицом к стене, сгреб волосы в пригоршню, заставил прогнуться, задрал юбку. Он тяжело дышал, и Марине передалось возбуждение. В таком обращении было что-то животное, первобытное, и она почувствовала себя древней женщиной, которую сильный охотник оглушил и приволок в пещеру, и сейчас будет иметь — без всяких изысков и прелюдий.

Шлепнул по попе, прижался.

— Только моя. И всегда будешь моей.

Он засунул пальцы в рот Марине, и она принялась жадно обсасывать их. Она изнемогала от желания и постанывала, прижимаясь к бедрам любовника. Но Артур не спешил. Снова развернув Марину, он заставил ее опуститься на колени, расстегнул ширинку. В губы ткнулось его мужское достоинство. Марина снова застонала и начала лизать член, обхватив его ладонью.

Это продолжалось мучительно — и сладостно — долго. Наконец Артур снова поднял ее, Марина наклонилась, уперлась ладонями в стену, и он вошел — грубо, резко, не раздеваясь и не раздевая ее.

Сознание, и до того едва мерцавшее, отключилось. Марину качало на волнах, она кричала и извивалась, хотела только, чтобы Артур заполнил ее собою полностью, без остатка... Мир взорвался, Марина едва удержалась на ногах, Артур задвигался сильно и часто...

— Моя, — шепнул он.

Марина отлипла от стены, обхватила его, прижалась. Так хорошо. Такое счастье.

— А теперь тебе нужно идти.

— Как?! — не поняла она.

— Уходи сейчас, Марина. Потом придешь — когда я позову тебя. Поверь, это я делаю для твоего же блага.

— Блага?! — Такое чувство, что ударили в солнечное сплетение. — Блага?! Ты просто используешь меня!

Он молчал. И вовсе не выглядел виноватым. Сытым и довольным он выглядел, как вампир, получивший дозу свежей крови.

— Ты просто меня используешь! — повторила она уже тише.

Слезы сами собой полились из глаз.

— Уходи, — повторил Артур. — Потом поймешь — так было надо.

Она не помнила, как выскочила из его квартиры, из проклятого дома.

Глаза застелила пелена, разум свернулся клубком, и Марина на автопилоте шла, куда ноги несли. Дома-машины-лица. Перекрестки-высотки-строительный забор...

Очнувшись, Марина обнаружила себя возле того самого заброшенного особняка, куда в полнолуние привез ее Артур... упырь проклятый!

Из припаркованного неподалеку автомобиля звучало:

Если можешь, беги, рассекая круги, Только чувствуй себя обреченной. Стоит солнцу взойти, вот и я Стану вмиг фиолетово-черным.

Будто само мироздание предупреждало об опасности. Как запоздало, господи! Нет, она просто не хотела слышать.

С ужасом она отметила, что тело больше не принадлежит ей и живет своей жизнью, стоило ненадолго отключиться, и она оказалась там, где могла столкнуться с Артуром.

А если бы он не выгнал ее, а позвал за собой? Велел лечь в постель с Катей... или привел бы любовницу, а ее запер в соседней комнате, как тогда сделал с Катей, это она плакала — теперь сомнений не было.

Бежать, бежать отсюда! Увольняться, продавать квартиру, съезжать... В Сибирь, в Магадан, где он никогда не найдет ее. Плевать на все, жизнь дороже.

Он ведь не простой человек, сто процентов. Как в той песне... и ведь предупреждал, а она наобещала всякого. И что теперь?

Поскрипывал на ветру флюгер — резной медный петушок Марина отогнула жестяной забор, осмотрела двор: развалины, заплесневелый фонтан, у сатира нет ноги, у девушки, льющей ему в рот невидимую воду, отломан нос. Куда подевалось очарование места? Ну почему всегда все заканчивается? Карета превращается в тыкву и так далее.

Вопросы «зачем» и «за что» здесь не уместны. Артур намеренно ее привязал, прошелся по всем скрытым желаниям, приручил и бросил в бушующее море, как котенка, а сам скрестил руки на груди и смотрит, как она захлебывается. Гад!

А вот выплыву. Назло и вопреки. Пусть ты и не увидишь, как это случится, но я выплыву. Клянусь. Пусть для этого надо будет вывернуться наизнанку, отречься от самого дорогого... Да, мне не хочется жить и не захочется еще долго, но я заставлю себя...

А для начала надо вспомнить об обязательствах. Вытереть слезы. Взять себя в руки и отправиться брать интервью у Кречета. И не вспоминать, что когда-то Артур открыл для нее этот бар, держал ее за руку... Тьфу!

Это как бросать курить: для начала нужно осознать, что смолы и никотин тебя убивают, потом — научиться не думать о том, как бы сунуть гадость в рот. Через месяц желание появляется уже реже, а через полгода избавляешься от зависимости полностью.

Продержаться полгода... Это много или мало?

В «Филин» Марина решила идти пешком, чтобы проветриться и прийти в норму — негоже брать интервью с красными глазами и хлюпающим носом.

Боль отступила, на ее месте бушевало негодование. Такое нельзя оставлять безнаказанным!

Говорят, что злость — разрушительная эмоция. Сейчас Марина бы с этим поспорила, потому что спасалась от нервного срыва только злостью.

В тридцати метрах от «Филина» она остановилась, раскрыла сумочку и принялась рыться в ее недрах, чтобы отыскать зеркальце, удостовериться, не выдают ли красные глаза недавних слез. Чего тут только нет: салфетки, конфетная обертка, визитка... Марина вытащила ее и вспомнила блондина из детективного агентства, который интересовался Артуром.

Зародилась подленькая мыслишка сдать Артура, но Марина отогнала ее. Не по-человечески это. Вот если он начнет ее преследовать, не будет отпускать, тогда можно пригрозить... как звали блондина? Ян. Рассказать Яну все, в том числе выдать адрес Артура.

Улыбнувшись, она положила нужную визитку в отделение, где хранились деньги. А ведь и Ян предупреждал об Артуре! Но влюбленная женщина слепа и дурна. Все не добра желают, а стремятся помешать счастью.

И все-таки, что за человек Артур? Чем он опасен? От него веет чем-то первобытным, мощным, мистическим. Или это сознание пытается оправдать слабость фантастикой?

Прямо хоть звони этому Яну, расспрашивай.

Марина решила подумать над этим позже, а сейчас — идти беседовать с Кречетом или, если его нет на месте, что вероятнее всего, взять его номер и договориться о встрече.

Железный филин, сидящий у входа, тарашил лампы глаз. Марина толкнула дверь: заперто, чего и следовало ожидать. Пришлось звонить в медный колокол и ждать, когда откроют, но вместо охранника ответил замаскированный домофон:

— Здравствуйте, девушка, вы по какому вопросу?

Вот так поворот...

— Добрый день. Я — Марина Кнышева, сотрудник журнала VIP. — Мне нужно побеседовать с Михаилом Кречетом, вашим музыкантом. Он сейчас на рабочем месте?

— Извините, но у нас закрытое заведение, и без предварительной договоренности...

— У меня она есть, — солгала Марина. — Ваш постоянный клиент, Артур... — она поймала себя на мысли, что даже фамилии его не знает, — с ним обещал договориться.

— Обещал? Тогда проходите.

Щелкнул замок — дверь приоткрылась, приглашая Марину в пахнущий хвоей полумрак, откуда лилась музыка. Когда она спускалась по ступеням, впереди нее тянулась собственная тень. Факелы, развешанные на закопченных стенах, казались настоящими.

Отчего-то муторно, тревожно делалось на душе. Словно она сейчас войдет — а за тем самым столиком Артур. И так мучительно-сладостно от этой мысли...

Шаг, еще шаг... Поворот. Отодвинуть в сторону волокна пакли, заменяющие занавес.

Их столик пустовал. И мир мгновенно опустел. Разверзлась в душе воронка...

Марина велела себе подобрать сопли, перевела взгляд на Кречета, увлеченного игрой настолько, что он никого и ничего не замечал. За столиком справа обосновалась парочка: молодая, чертовски обаятельная женщина лет тридцати с искрящимися глазами и родинкой над губой и сидящий спиной к Марине длинноволосый блондин. Нагнувшись через стол, он погладил женщину по волосам, и ее зеленые глазища вспыхнули двумя сверхновыми.

В двух кабинках, похоже, тоже были клиенты. Заведение процветало, несмотря на дороговизну.

Марина села за свободный столик, ожидая, когда Кречет освободится. Прошло десять, пятнадцать минут, а он все играл, и медиатор порхал над струнами подобно мотыльку. Официанта, устремившегося к Марине, остановил охранник, что-то шепнул на ухо.

Место пробуждало воспоминания, Марина ощущала, что слабеет, ее воля капитулирует, и хотела поскорее отсюда уйти. Но теперь она должна дожидаться Кречета, не железный же он, когда-то да устанет.

Чтоб не маяться от безделья, она расчехлила фотоаппарат и принялась смотреть предыдущие снимки, удаляя неудачные. И вдруг что-то грохнуло, в помещение ворвались вооруженные люди:

— Всем оставаться на местах! Лечь на пол, руки вверх! Полиция!

Марина повернула голову к входу. Полицейские были одеты в штатское. Три... Нет, четыре человека. Блондин, что сидел через столик от Марины, вдруг перевернул стол — его спутница завизжала — и рыбкой нырнул к барной стойке, рассчитывая там укрыться.

Марина рухнула на пол и накрыла голову руками, и вовремя: она как раз находилась на линии огня. От выстрелов заложило уши. Она лежала, накрывая собой фотоаппарат и не решаясь пошевелиться.

Тоненько плакала женщина блондина, переговаривались полицейские. Марина решила поднять голову, огляделась: в двух метрах от продырявленного перевернутого стола лежал прошитый пулями мужчина, он совсем чуть-чуть не допрыгнул до стойки. Зеленый костюм чернел, напиваясь кровью.

Некоторое время Марина заворуженно смотрела на кровь, потом перевела взгляд на повернутое к ней лицо убитого и оторопела: она знала его. Это был любовник Оливии. Да-да, сомнений нет, это именно он. Маленький пузатый полицейский наклонился над ним, проверил пульс и выпрямился, вытирая руки о джинсы.

Остальные толпились возле кабинки, что вдали от входа. Там бормотала женщина и истерично матерился мужчина, обещал перегрызть всем глотки, если «с ее головы упадет хотя бы волосок». Официанты выстроились возле стойки, заведя руки за головы.

Кречет сидел на своем месте — возвышенности, похожей на болотную кочку, поставив гитару между расставленных ног. Ни горечи на его лице не читалось, ни сожаления.

Их обыскивал полицейский, показавшийся Марине смутно знакомым. Лица она не видела, но походка, прическа опять же... С ним вполголоса беседовал охранник. Видимо, он и впустил сюда наряд. Марина выключила вспышку на фотоаппарате, перевела его в режим ночной съемки и сделала несколько кадров, затем спрятала его в сумку и проговорила:

— Что тут происходит? Мне можно встать?

— Можно, но оставайтесь на месте, — проговорил полицейский, обыскивающий охранников.

Марина села и только сейчас отметила, что ее трясет и зуб на зуб не попадает. Над убитым рыдала влюбленная женщина. Толстый полицейский замер над ней, разведя руки.

Что будет, когда Оливия узнает, что ее избранник мертв? Разорвет ли это связывающие их узы?

Наконец полицейские вывели из кабинки молодую женщину. Закованная в наручники, она плелась, опустив голову, и ее лицо скрывали волнистые платиновые волосы.

Толстяк, наблюдающий за бьющейся в истерике женщиной, чувствовал себя неловко и улыбнулся двум сослуживцам:

— Сколько их осталось?

— Трое, еще трое по моим подсчетам, — проговорил полицейский у барной стойки и повернулся.

Марина разинула и тотчас захлопнула рот. Это был Ян. Тот самый Ян из детективного агентства. Это что же, Артур состоит в какой-то банде? Или тут гнездо вампиров? Нет, судя по вытекающей из убитого крови. Здесь что-то другое, но выяснять это Марина не стала, потому что пришлось бы рассказать об Артуре. Да, он гад, но она не желала ему смерти. Наверное, потому что любила. Хотя можно ли назвать любовью маниакальную зависимость?

Подождав, пока Ян отвернется, Марина встала и, пошатываясь, подошла к толстяку, тронула его за рукав:

— Извините, можно задать вам несколько вопросов?

Полицейский от неожиданности крикнул, Марина же включила диктофон и сунула ему под нос удостоверение журналиста.

— Нет, — тотчас рывкнул он и воровато заозирался, взял ее под руку и повел прочь. — Что вы тут делаете?

— Пришла взять интервью у музыканта, это легендарный Михаил Кречет, слышали о таком?

Рука больно сжала плечо. Полицейский остановился на ступенях и прошептал:

— Убирайтесь прочь и никогда не возвращайтесь сюда, это очень плохое место.

— Вы взяли глав преступного синдиката? — прикинулась дурочкой Марина.

Полицейский таких слов не знал и снова крикнул, а затем чуть ли не взащей вытолкнул ее на улицу.

Марина перевела дыхание и зашагала подальше отсюда, ощущение было, будто с места преступления скрывается. Стоило сомкнуть веки, и взору являлся убитый любовник Оливии.

Странно себя вели полицейские. По идее ее должны были задержать, взять показания, выяснить, кто она и что делала в злачном месте. Полицейский же, узнав, что она журналистка, вытолкнул ее прочь. О, если бы он еще знал, что ей удалось сделать несколько фотографий!

Значит, имела место или бандитская разборка при помощи подкупленных полицейских, или действовало особое секретное подразделение. Тогда понятно, почему Ян представился частным детективом.

А также значит, что они убьют Артура, как только найдут, и ему нужно убираться из города. Они сильнее, за ними — закон, иначе они не действовали бы так нагло.

Надо предупредить его... Нет, он и так знает. Пусть уезжает, и подальше — легче будет переломаться. У-у-у, до чего же хочется выть от этой мысли!

Не помня себя, расстроенная, растрепанная Марина доковыляла до остановки, где села в нужную маршрутку и поехала домой.

Едва она переступила порог, как навалились усталость и апатия. Лечь и не двигаться. Марина ударила кулаком стену, поморщилась от боли. Злость, где ты? На помощь, SOS! Снова начала кружиться голова, тело затрясло в ознобе. Так что, будет теперь каждый вечер?

Наглотавшись таблеток, Марина села за компьютер приводить фотографии в порядок и писать статью о перестрелке. Тамишке следовало ее выслать вечером, то бишь прямо сейчас.

Но слова разбежались, руки опустились. Смысл барахтаться, когда ничего не радует, и

да, будет по-другому, но лучше — вряд ли.

Наверное, именно поэтому знаменитости уходили из жизни на заре карьеры: они понимали, что лучшее создано, самые яркие впечатления пережиты. Дальше — хуже, дальше — только отголоски и повторения.

Мотнув головой, Марина заставила себя работать. Получились всего две удачные фотографии: убитый блондин смотрит в объектив остекленевшими глазами, на заднем фоне — перевернутый стол и женщина с перекошенным лицом, второй снимок — Ян, обыскивающий барменов. Ну ничего, этого достаточно.

По сути, тут два репортажа: первый — о смерти таинственного любовника Оливии, второй — о налете на клуб «Филин». По-хорошему надо бы еще с полицейскими побеседовать, чтобы внести ясность, в курсе ли они, что происходит, но не было ни сил, ни желания. Зародилось предчувствие, что она прикоснулась к чему-то древнему, неведомому, что не каждому положено знать, и от мысли об этом по спине пробежал холодок.

Когда она выплывет, избавится от зависимости, обязательно докопается до правды.

Назовем статью «Застрелен бывший мужчина Оливии». И шрифтом помельче: «Загадочная гибель рокового красавца, ставшего причиной суицида поп-звезды». Нормальный заголовок. Теперь ищем, чем славен клуб «Филин»... Ага, депутаты и бизнесмены любят там сиживать. Хозяйка — Яна Ларина. Опачки! Так это ее задержали!

А кто такая Яна Ларина? Гуглим... Восходящая звезда отечественного рока Михаил Кречет... Марина шумно сглотнула слюну. Она тоже, как и Артур, как и любовник Оливии, привязывает к себе людей? Она превратила талантливого человека в бессловесную куклу, которая создает музыкальный фон? Что ж у них за секта такая? Кто они, в конце концов? Люди ли?

О господи. Бежать, бежать, пока не поздно. Если не поздно. Часто наркоман, когда собирается бросать, с ужасом осознает, что не может жить без дозы.

Вспомни Оливию, дурочка! Катю. На Кречета посмотри.

Но если отослать статью, завтра Интернет взорвется сенсацией, Артур прочитает и уедет, и Марина никогда больше его не увидит...

Уронив голову на руки, она разрыдалась, но все-таки нашла в себе силы отправить статью Тампошке.

«Снова ломает, опять на грани я, глупы, беспомощны все угрозы. Знать бы, что вызовешь привыкание, не подышать бы сейчас без дозы», — бормотала она, вперившись в синий экран.

Понемногу начало действовать снотворное, и Марина уснула, откинувшись на спинку кожаного кресла.

Разбудил ее телефон. Она открыла один глаз и прищурилась на солнечный луч. Голова раскалывалась, телефон разрывался, двигаться не хотелось, говорить — тоже. Подождав, пока телефон замолчит, Марина подъехала на кресле к кровати, где бросила сумочку.

Шевельнулась надежда, что это Артур, и растаяла. Семь пропущенных от Тампошки, один — от Танюхи, два — от Наташки. А времени — полтретьего.

Вообще-то она на больничном! Но труд — лучшее лекарство. Механически умывшись и собрав растрепанные волосы в хвост, Марина вызвала такси. Спасибо, Артур, за доллары, они пойдут на реабилитацию.

На звонок Тампошки она так и не ответила, решила принять удар у него в кабинете.

В коридоре издательства столкнулась с Танюхой, которая вместо приветствия схватила за плечи, встряхнула:

— Фак! Марина, что с тобой?

— Нормально все, проспала, — прохрипела она, сжала ладонь Тани. — Не переживай, выплыву. Все будет хорошо.

— Тампон рвет и мечет.

— Хрен с ним, — ответила Марина и направилась к его кабинету, постучала в дверь и вошла, не дождавшись разрешения.

Тампон любил страшать своим суровым видом, сейчас же он рвал и метал. Впился в Марину глазками-буравчиками и прорычал:

— Кнышева, тебе надоело у нас работать?

— Нет, — уронила Марина и села на краешек стула. — Извините. Я вообще-то на больничном, если вы забыли.

— Это уже входит в систему! А твоя статья! Ты ее перечитывала? Материал сказочный, тебе везет, но язык, фактологический ряд...

— Я исправлюсь. — Марина уставилась за окно, туда, где за крошечным самолетом гю небу тянулся белый след, перечеркивая то ли смог за синеватыми высотками, то ли формирующийся грозовой фронт.

— Кнышева, теперь тебе придется доказывать свою профпригодность, заново зарабатывать авторитет. — Он взял паузу. — Или увольняться.

В душе Марины вспыхнула искра возмущения — и угасла. Подул ветер, и всю ее жизнь, все стремления и чаяния присыпало пеплом, припудрило, и они стали серыми, бессмысленными. Что кому доказывать? Зачем?

Она поднялась, тяжело опершись на стол, и проговорила, глядя на Тампошку:

— Хорошо, я напишу заявление об уходе. Отрабатывать нужно?

Тампон, видимо, не ожидал такого поворота сюжета, побледнел, клацнул зубами и вытаращился. Марина понимала, что выглядит он смешно, но на веселье не осталось сил. Тампошка пришел в себя, щелкнул толстыми пальцами, привлекая к себе внимание:

— Марина... Марина?

Она просто смотрела, и главред съеживался под ее взглядом, потому что не обида была в нем и не злость — леденящий душу холод пустоты, абсолютного нуля.

— Ну, Кнышева, — пробормотал он, воровато завертел головой, шагнул к Марине и схватил ее за руку. — Идем со мной. Разговорчик есть.

И Марина пошла, не боясь, что он сделает ей что-то плохое. Она разучилась бояться, радоваться и будто отупела. Она была марионеткой с отрезанными нитями, за которые сейчас пытался дернуть главред.

Они выскочили на душную улицу, перебежали дорогу на мигающий желтый. Тампошка открыл перед Мариной дверь всегда безлюдной кофейни и пропустил девушку вперед. Уселись за крайним столиком.

— Сиди тут, — велел он, отправился делать заказ и вернулся с двумя чашками эспresso и блюдами с пирожными.

Марина бездумно уставилась на угощение, сжала фарфоровую чашку, отстраненно отмечая, что она обжигает ладонь.

Тампон уселся, положив локти на стол, поерзал немного, крикнул, поправив очки.

— Извини, Марина, — прошептал он, наклоняясь над столом. — Я не буду спрашивать, что у тебя произошло, и так ясно. Просто послушай меня, старого циничного мужика... Да что ты так смотришь. — Он хлопнул ладонями по столу, и Марина опустила взгляд.

— Думаешь, я такой гад, кровопийца, да? Думаешь, я не знаю, как вы меня прозвали? —

Он недобро улыбнулся. — Разговор не об этом. Ты еще слишком молода, будет тебе сорок, поймешь. Все эти потрясения, любовные драмы — оно все преходящее... Банальность, да, но это так. Думаешь, я не влюблялся? Еще как влюблялся! А женился. — Он махнул рукой. — И не жалею, между прочим. Но ты посмотри на себя. — Он приподнял голову Марины за подбородок. — Ты же не я, ты — красавица. Ты молода, талантлива. Да-да-да, очень талантлива, ты — лучший сотрудник журнала и к тому же искренний, хороший человек.

— Спасибо, — прошелестела она.

— И я не хочу, чтобы ты наделала глупостей. — Он отправил в рот половину пирожного.

— У меня есть больничный...

— К черту больничный! Завтра же ты идешь в отпуск. И не идешь, а едешь. Куда-нибудь подальше, где много загорелых мачо. И возвращаешься полной сил и посвежевшей, хорошо?

— Наверное, именно это мне нужно, — сказала она безучастно.

— Наверное, — передразнил он, кривляясь. — Я на тебя Таню спущу, чтоб проконтролировала. Все, иди домой. — Он поднялся, допивая кофе.

Марина не ожидала от Тампона сочувствия. Что-то под пеплом трепыхнулось, и она шагнула к главреду, наклонилась и чмокнула его в щеку:

— Спасибо. Я еще напишу хороший материал, только...

Тампон постучал себя по лысине:

— Голову, голову лечи, Кнышева!

Под контролем Танюхи Марина отправилась в туристическое агентство и предоставила подруге самой выбирать, куда и когда ее отправить. «Только бы не было людей, — озвучила Марина единственное требование, — не хочу никого видеть». Танюха принялась за дело со всей ответственностью, и вскоре Марина перестала слушать диалог подруги с симпатичной девочкой-менеджером, улавливала только отрывки фраз: «... лечение, нет-нет, просто отдохнуть, недельки три, вдали от цивилизации, в тишине и покое. И чтобы море. Нет, бюджет не ограничен, платит издательство, кстати, вот визитка, льготная подписка»...

Значит, Тампоша платит? Удивительно. Мысль о том, что главред бережет ее и готов раскошелиться, в другое время заставила бы Марину если не возликовать, то хотя бы улыбнуться, но сейчас прошла практически мимо.

Весь интеллект, вялый и сонный, как зимняя муха во время случайной оттепели, был направлен на решение простой задачи: почему, собственно, настолько плохо? Артур явно вызвал у Марины биохимическую зависимость на самом примитивном уровне. Что-то вроде вампиризма, но вряд ли... да нет, не может быть. Укушенный упырем сам становится вампиром, это раз, кровососов, кроме комаров, не бывает, это два. Но как же похоже, как похоже. Будто он выпил из Марины всю жизненную силу и, выгнав, обрек на смерть.

Обычная ломка, успокаивала себя Марина, организм настроился на Артура, привык получать от него дозу эндорфинов. И все же, все же...

— ...вас устроит?

Марина, очнувшись от сна наяву, уставилась в красочный проспект. Море. пляж. Галечный длинный-длинный пляж, море — стрелы волнорезов, горы, поросшие лесом. И никого.

— Где это?

— Приморское. Не самое популярное место. — Менеджер выдавила извиняющуюся улыбку. — Зато очень тихое. В этом сезоне там практически никого. Наше агентство

вообще-то не занимается такими турами, там нет нормальных гостиниц, только полузаброшенный пансионат. Но мой знакомый сдает номера в мини-отеле. Все удобства, лес. Вам же этого хотелось?

— Наверное, — откликнулась Марина.

— Именно этого, — согласилась Танюха. — Давайте напишем вашему знакомому и возьмем билет на ближайший самолет.

Приморское встретило Марину прохладой — неожиданный циклон принес дожди и туманы и будто бы смыл отдыхающих. Хозяин частной гостиницы выделил номер с отдельным входом и долго извинялся за отсутствие вай-фая, впрочем, Марину это совершенно устраивало. Она гуляла по набережной — явно знававшей лучшие времена, с выщербленным асфальтом, размытым пляжем и без ларьков, лотков и дискотек, дышала сырым воздухом, каждый день поднималась в горы по узким извилистым тропам.

Душа ее оцепенела. Вставать утром было подвигом, зато по вечерам, измотанная долгим променадом, Марина падала и засыпала, и снов не было. Вообще ничего не было, только темнота.

На смену дождям пришло солнце. Постепенно завязывались знакомства: здесь отдыхали год за годом одни и те же люди, и Марину тянули в компанию. Она вежливо отказывалась. Она не следила за новостями, ни разу не заскучала по телевизору или Интернету не покупала газет.

Она даже толком не знала, сколько дней уже на море.

Вода помогала. Морские волны смывали усталость, а шум волн заполнял душевную пустоту мягко, как материнская колыбельная. Городская жизнь постепенно истиралась, становилась похожей на обкатанную серую гальку, такую шершавую и теплую, но не имеющую к самой Марине никакого отношения.

Звонить кому-нибудь не хотелось.

Первые ночи она проплакала, кусая себя за пальцы — так тянуло набрать номер Артура, узнать, что с ним, не поймал ли его загадочный псевдополицейский Ян... а потом Марина выбросила сотовый, скинув с хозяйского номера сообщения маме и Танюхе о том, что жива и здорова и на связи будет по этому телефону, если вдруг что.

Постепенно становилось легче. Марина понимала это с отстраненностью наблюдателя, не изнутри. Вот уже не в каждом прохожем видится Артур, вот уже не всякая встреча напоминает о Кате, и вот уже даже не пережевывает она раз за разом подробности встреч.

Она загорела, похудела (не то чтобы в этом была нужда, но, лишившись аппетита, Марина «подсушила» фигуру, о чем мечтала давно), волосы выгорели и стали медными, а на носу проступили крапинки веснушек. Мужчины начали бросать на Марину заинтересованные взгляды.

Закрутить интрижку, клин вышибить клином? Она даже подумать об этом не могла. Не интересно, не нужно, и ни один из отдыхающих не может сравниться с Артуром, не вызывает отклика в душе и теле, сладкого предвкушающего томления. Лучше остаться одной.

И потом, у Марины все еще было чувство, что она не свободна, что Артур не отпустил ее. Прогнал — и не отпустил. Будто осталась она должной, будто связывают их невидимые нити и Артур на расстоянии продолжает пить ее силы.

А если разобраться: было что-нибудь? Не было ничего. Несколько встреч и мечты о прекрасной жизни вдвоем.

Зной набирал силу, облака таяли, не успев сформироваться, в синем небе, в море плескались дельфины, загоня ставриду, Марина сидела на берегу в широкополой шляпе и бросала в воду камешки. Не «лягушку» пускала, а просто отправляла в полет и любовалась тем, как волны комкают расходящиеся круги.

Сегодня на пляже было людно.

Двое вислоусых мужиков за пятьдесят с жаром обсуждали дельфинов:

— Ты что, не видишь? Это — огромные рыбы с острыми плавниками, акулы!

— Вижу, — обмерев, отвечал паникеру товарищ, — но как они сюда попали, неужели доплыли по рекам?!

Марина прыснула в кулак. И внезапно все встало на свои места: солнце стало ярким и горячим, ликующее лето пробирало насквозь, и внутри поднималось щекотное, как пузырьки в шампанском, счастье: я здесь, на море, меня ценят и ждут дома и на работе, я выкарабкалась, пережила самый поганый роман за всю личную историю и теперь наконец-то свободна!

Марина вскочила, закружилась в танце, переступая по камням босыми ногами. Она готова была расцеловать абсурдных дядек, облобызать толстых теток с вареной кукурузой, бежать на гору, признаваться в любви всему миру, лететь птицей.

Она кинулась в воду и поплыла, опуская в прохладную влагу разгоряченное лицо и улыбаясь. Наконец-то. Артур, у тебя нет власти надо мной. Ни у кого нет больше власти надо мной!

Этот день и вечер были наполнены ликованием вернувшегося к жизни коматозника: Марина после пляжа отправилась в кафе, заказала вино и шашлык и прекрасно посидела с видом на закат, наедине с собой, и даже потанцевала под иностранную попсу, не такую доставучую, как отечественная. Ничто не вызывало грустных и мучительных ассоциаций, Марина снова ощущала вкус и запах и могла получать удовольствие. Она поулыбалась мужчинам на танцполе, покрутила бедрами, но, конечно, знакомство завязывать ни с кем не стала.

Внезапно, уже расплатившись, она почувствовала укол беспокойства.

Ничего серьезного, просто внезапный холодок по позвоночнику, приподнявший волосы на затылке и заставивший резко обернуться.

На первый взгляд в кафе было спокойно. Низкие столики, мягкие кресла-мешки с немногочисленными отдыхающими, свечи на столах под навесом, вид на море, едва шевелящиеся белые легкие занавески. Никто не дрался, никто не задибался, играла медленная лирическая мелодия, и на танцполе топталась, самозабвенно обнявшись, парочка. Женщина доверчиво прильнула к мужчине, его сильные руки оглаживали ее узкую спину.

Почему же так неприятно на них смотреть?

Они не выходят за рамки приличий и кажутся вполне гармоничной парой: он — высокий, мускулистый, харизматичный, она — явно влюбленная, тонкая, со вкусом одетая.

Очень знаком Марине был этот танец. Эти объятия. Этот взгляд мужчины. Доверчивая открытость женщины.

И, хотя он был кудрявым шатеном, а девушка — рыжеволосой, Марина увидела в них себя с Артуром.

Ее зрение переключилось, Марина оперлась на стену, чтобы не упасть.

Лампы под потолком были расположены так, что танцующие отбрасывали сразу несколько пар разноцветных теней. Эти призраки, эти участки ночи на глянцевом полу двигались будто бы отдельно. Они сплетались и расплетались, и тень мужчины становилась все ярче и больше, а девушка будто съеживалась.

Марина подняла взгляд на людей.

Шатен был окутан мерцающим прозрачным сиянием, пульсирующим с редкой тошнотворностью. В ритме было что-то хищное: так подергивается удав, заглатывающий добычу... рыженькая меркла на глазах. Отдавала добровольно — но больше, чем может

отдать.

Музыка стихла, пара разлепилась, но Марина продолжала видеть связывающие их узы, призрачные и все-таки реальные.

Ее мутило. Она наблюдала за вампиром и жертвой, за собой и Артуром, и не знала, как остановить это. Крикнуть: «Прекратите!», налететь с кулаками, поднять тревогу, объяснить девчонке, во что та вляпалась? Не поверит. В дурку еще сдадут. Марина бы сдала еще несколько недель назад.

Лицо рыженькой лучилось счастьем. Марина знала, о чем она сейчас думает: мечтает о собственном домике, прекрасном мужчине рядом, толпе умных и красивых детишек, вечной любви.

Марине захотелось крикнуть: «Ничего этого не будет, глупая!»

Она выскочила вон, так ничего не сказав и не сделав.

Теплая южная ночь приняла Марину в свои объятия. Сердце колотилось бешено, Марина почти бежала, стараясь успокоиться и понять: что же она видела? И почему видела? Галлюцинации? Но сомнений в реальности происходящего у нее не возникло. Наверное, от того, что, встречаясь с Артуром, Марина инстинктивно чувствовала: так все и происходит, ее попросту едят. Доел Катю и принялся за следующую жертву. И привязал к себе, чтобы еда не убежала.

Интересно, сколько на десять обычных зависимостей от существа — таких, потусторонних, что ли? Мистических, когда жертву привязывают невидимыми цепями?

Похожим образом поступают мерзейшие из насекомых — осы-наездницы. Они парализуют инстинкты жертвы и заготавливают «живые консервы» — жертва еще биологически жива, но просто служит кормушкой для личинки.

Марине повезло — удалось вырваться, спастись.

Она остановилась резко, будто ударившись о стену.

Тот детектив или полицейский, Ян. Он заходил к Марине после первой ночи с Артуром. Что же он говорил?

«Опасный человек». И еще «кажется, я опоздал».

Тогда Марина не обратила на его слова внимания, но сейчас поняла: Ян видел то же, что она сейчас, догадался, что она попала и не сумеет избавиться от власти Артура.

Хорошо, предположим, Ян осведомлен об истинном характере «любви». И очевидно уже, что Артур — не один такой паразит.

Так получается, тот застреленный блондин, любовник несчастной Оливии, доведший ее до суицида, — такой же, как Артур и этот танцор? И убили его именно из-за этого?

Она обнаружила, что стоит, опершись ладонями на парапет, смотрит невидящим взглядом на море и часто дышит. Уже взошла луна, и дорожка протянулась из-за горизонта к пляжу.

«Зря я выбросила телефон, — подумала Марина. — Ох, зря».

Впрочем, инстинкт или Провидение не дали выкинуть визитку Яна.

Перетянув на живот сумочку, она порылась в ней, вытащила плотный квадрат картона. Есть!

Мимо прогуливался одинокий мужчина в светлом костюме, достаточно интеллигентного вида, приставать не должен.

— Извините, — обратилась к нему Марина, — вы не одолжите мне на минутку телефон? Мне срочно надо позвонить, а свой я то ли потеряла, то ли украли...

После моря дожди и серые тучи родного города действовали на нервы, и Марина постоянно мерзла. Раздражало все: очереди за багажом, таксисты аэропорта, наглые, ломящие несусветную цену и при этом настойчивые. Теснота аэроэкспресса — очередного нововведения мэрии. Раздражала необходимость встретиться с Яном прямо сейчас, хотя сама договаривалась. Домой бы, в ванну.

Марина тащила за собой багаж, шлепала босоножками по лужам, мысленно ругалась и понимала: все в родном городе ассоциируется с ловушкой, куда она чуть не угодила... куда она, если быть честной с собой, угодила-таки, но чудом вырвалась.

Опасность — вот чувство, которое вызывал любимый город.

И мириться с этим Марина не собиралась. Она не знала, что предложит Ян, по телефону он сказал только: «Прилетайте ближайшим завтрашним рейсом, я забронирую билет. Встретимся в кафе „Абажур“ через два часа после прилета и поговорим». И отключился. Билет он действительно забронировал, и Марина сорвалась с насиженного места, едва успев собраться и попрощаться с гостеприимным хозяином. Даже в море в последний раз не окунулась. И Тампошке, и маме не отзвонилась.

Кафе она нашла без труда — оно было рядом с вокзалом, куда прибывал аэроэкспресс. Внутри оказалось неожиданно уютно: повсюду — разноцветные торшеры, вызывающие ощущение праздника, на каждом столике — лампы под матерчатыми абажурами. Мебель, похожая на домашнюю, полки с книгами, кактусы на подоконниках, лилась еле слышная классическая музыка.

Ян сидел в самом углу и при виде Марины поднялся. Она подтащила к столику чемодан, плюхнулась в кресло и попросила:

— Чаю!

— Сейчас закажу. Здравствуйте, Марина. Как добрались?

— В меру погано. Но главное — добралась.

— Главное, что вы мне позвонили. Признаюсь, когда увидел вас в последний раз, думал, вы не выкарабкаетесь. От вас уже только оболочка оставалась. Шансов было один к тысяче.

— Стоп! — Она подняла руку ладонью вверх. — Сейчас принесут чай, и вы мне все расскажете. Понимаете, кажется, я видела мужчину, — она замялась, — похожего на Артура. Я думаю, он... в общем, вампирил...

— Все не так просто. — Ян подозвал официантку и сделал заказ. — Но давайте по порядку.

Она слушала, не перебивая, забыв про чай.

Ян рассказывал удивительные вещи.

— Вы же слышали про секту словопоклонников?

— Кажется, что-то писали про это... Какие-то странные люди.

— Это чудаки, которые якобы не врут, и слово их обладает настоящей силой, как в стародавние времена. Те, что создали еще одну секту, к реальности отношения не имеют. Точнее, к таким, как Артур. Казалось бы, смешно. Но такое явление есть на самом деле, правда, скажем прямо, не совсем в вашей реальности. Сила таких, как Артур, в том числе в слове. Вы же наверняка заметили, что прямо он вас не обманывал. Только чужими устами? Только недоговорками? Впрочем, правдивость — не единственное их свойство. Еще они поглощают людей. Не как каннибалы, а на энергетическом уровне. Мы, такие, как я, стоим на страже порядка. Артур зашел слишком далеко. Десятилетиями, если не столетиями (он бессмертен по вашим меркам) он играл с людьми, не преступая наш закон. И — сорвался. Катя стала первой его жертвой, не способной к дальнейшему автономному существованию. Полностью подчинив ее, он принялся за вас.

— Он бессмертный?

Ян тряхнул головой:

— Скорее, не умирающий.

— Так тот, кого расстреляли...

— Тоже был ловцом душ, если пользоваться нашей терминологией. И на его счету, в отличие от Артура, есть несколько трупов. В прямом смысле. Той певичке повезло, но человеком... в смысле, личностью, она уже не станет. Мы боремся с преступлением закона. Нас можно назвать полицией душ. Иногда мы опаздываем. Иногда успеваем. Иногда нам приходится убивать.

— Много вас?

— Нас мало. Меньше, чем ловцов душ, — они хорошо маскируются. Тот же Артур прожил много десятков лет, и каждые два года менял круг общения полностью, чтобы его ни в чем не заподозрили. Не выпивал жертв досуха, так, надкусывал, и потому мы не обращали на него внимания.

— А их? Их — много?

— Мы не знаем. Благодаря силе своего слова они влиятельны, богаты, но не знамениты. Не светятся на публике, хотя часто хорошо знакомы с сильными мира сего. Понимаете?

— Понимаю... но почему же... но как же так! — в досаде воскликнула Марина. — Почему я сразу не поняла, что со мной происходит?!

— Но теперь понимаете? И умеете видеть их?

— Кажется...

— Марина, — проникновенно сказал Ян. — Нас, как я уже говорил, мало. Очень мало. И ловцы душ умеют нас замечать. А вот вы выглядите как обычный человек. Вы понимаете? И еще мы связаны клятвой и не имеем права вмешиваться, пока нас не попросят. Так что...

Теперь понятно, почему тогда он так забавно разевал рот — хотел сказать и не мог.

— Вы что, меня вербуете?

— Именно, — улыбнулся Ян, и на щеках залегли ямочки, чуть раскосые зеленые глаза блеснули. — У тебя не осталось выбора. Переступив черту, ты заглянула в глаза смерти, она пометила тебя, и теперь ты не вполне человек. К тому же он вернется за тобой. Наверняка вернется. Так что выбирай, с кем ты.

Возможность ловить гадов и спасать таких девочек, как та, рыженькая. Возможность остановить насилие, возможность уберечь от переживаний и ломки ни в чем не повинных людей...

— Знаете, Ян... Закажите вина. Кажется, нашу сделку надо отпраздновать.

Часть вторая

Квест «Умри, но успеи!» подходит к завершению. Ян сказал, что сегодня всех, кто опоздает, ждет анафема. К чему такая срочность, Марине думать было некогда: она взмокла, тщетно пытаясь перестроиться в левый ряд, и ругала себя последними словами за то, что села за руль.

Как назло, по среднему ряду машины двигались сплошным потоком, Марина ползла, едва не тыкаясь бампером в попу «КамАЗа», который иногда дергался и пускал черное облако.

Зато машина отвлекает знатно, уговаривала она себя. Страх неумелого водителя, знакомый каждому новичку, помогал не думать об Артуре. Опыт придет со временем. И сейчас она размышляет не о том, почему вынуждена, выпучив глаза, лететь из редакции в агентство, хотя у нее свободный график работы, а о том, как бы не въехать в «КамАЗ» и не угореть от выхлопных газов.

Наконец удалось втиснуться перед красным «Ниссаном», Марина перевела дух и вытерла лоб, с ненавистью покосилась на обгоняемый грузовик. Теперь не забыть перестроиться и не затупить. Благо светофор на перекрестке хороший: не надо пропускать едущих навстречу.

Поворотник. Вторая передача... Машина запыхтела. Черт!!! Не четвертая. Фууф. Тормоз, нейтралка. Ждать, вперившись в светофор с часами. Желтый. Зеленый. Марина отпустила сцепление, заглохла. Ну что за невезуха! Сзади засигналили.

— Не видите, что за рулем «У»? — пробормотала она себе под нос, завелась и наконец тронулась.

Поворот. Следующий поворот — во двор. А теперь веселенькая задачка «припаркуйся». К счастью, агентство располагалось на первом этаже жилой пятиэтажки и напротив были места для офисных сотрудников. Потев от страха, Марина задом припарковалась между белым «Лексусом» и таким же «Ланосом». Получилось с одного приема. Как-никак месяц уже она трясется за рулем.

Схватив сумочку с соседнего сиденья и накинув пальто, она выбежала в осеннюю сырость, покосилась на клубящиеся тучи и мысленно взмолилась, чтобы не пошел снег. Да, у нее зимняя резина, но гололед — это слишком для неокрепшей водительской психики.

Агентство располагалось в полуподвальном помещении, вниз вела лестница, зажатая бетонными стенами, а на двери висела эмблема фирмы: темно-желтый щит, перечеркнутый двумя пересекающимися молниями.

Марина глянула на часы: опоздала всего на две минуты — ввела код и шагнула в теплый холл, пахнущий кофе и сладкими духами. Насколько Марина помнила, ни секретарша Аленка, ни уборщица по прозвищу Напалмовна такими не пользовались.

Из кабинета Яна журчал женский голос. Марина бросила пальто на стул возле ресепшен, кивнула Аленке, скучающей на рабочем месте. Девушка встрепенулась, пригладила рыжие кудри и прошептала:

— Там все серьезно.

— Спасибо, — шепнула Марина, постучала и толкнула приоткрытую дверь, не дожидаясь приглашения. И оторопела. За столом, клацая ручкой по коричневой лаковой поверхности, восседал сам Главный.

Главного Марина видела единожды — он редко снисходил. Крайне неприятный тип, лысый, как кегельный шар, со взглядом голодного удава. Наверное, он жил слишком долго, отчасти растерял человечность, от него веяло чуждостью, словно в его душе отворили дверцу в неприветливый мир и оттуда тянет холодом. Вот и сейчас смотрит, будто препарирует взглядом или примеряется, как удобнее заглотнуть жертву.

— Присядьте, — проговорил Главный Марине, не ответив на ее приветствие, и она

поплелась к стулу с краю, возле двух незнакомых дам, блондинки и шатенки.

Ян, скрестив ноги, сидел на стуле у стены. Подле него, сцепив руки на животе и растопырив ладони, дремал Толстяк. Марина устроилась напротив, покосилась на дам. Да, они — именно дамы. У обеих — ухоженные прямые волосы ниже лопаток, французский маникюр, минимум косметики. Розовые аккуратные ушки, плотно прижатые к голове, тонкие запястья с синими жилками, осиные талии, подчеркнутые узкими черными юбками до колен. Лица сердечком, тонкие черты, какие рисуют иконописным святым. Лет им могло быть и двадцать, и сорок — женщины такого типажа поздно стареют.

Марина почувствовала себя тягловой лошадкой рядом с породистыми кобылками. И откуда они взялись, такие совершенные?

— Все в сборе, — скорее констатировал, чем спросил, Главный. — Начнем. — Он еще раз просканировал Марину взглядом — она сжалась и забыла о гостях и своем несовершенстве. — Рад, что вы с нами и все у вас хорошо. Теперь о насущном. — Главный перевернул лежащий на столе лист формата А4.

С него улыбалась молоденькая девушка, даже скорее девочка: вздернутый нос со стайкой веснушек, прищуренные глаза: один — зеленый, другой — серый в крапинку, улыбка, обнажающая ровные мелкие зубы, и совершенно белый пух волос. Даже на фотографии волосы выглядели мягкими.

— Новая жертва, — проговорил Ян, скользнул взглядом по коленкам шатенки и посмотрел на Марину. — Предположительно ею занялся ловец душ, который чуть не убил тебя. Причем занялся недавно. Он очень хитер. Летом мы ликвидировали притон, но этот все равно ушел.

Сердце ухнуло в пятки. Бросило в жар, и Марина едва сдержалась, чтобы не приложить руки к пылающим щекам. Какой шквал эмоций! Злость, разочарование, но самое отвратительное — ревность. Руки Артура ласкали эту девочку, стискивали ее грудь...

— Марина, не бойся. Это лишь предположение. Может, я ошибаюсь. Теперь мы будем следить за жертвой. Благо это падчерица хозяина сети ресторанов «Суши-паб», она всегда на виду.

Марина потупилась, будто Ян был способен проникнуть в ее мысли. Артур здесь, и скорее всего придет за ней, чтобы... Зачем? Убить? Снова привязать? Но над ней больше нет его власти. Она не могла себе представить их встречу. Как это будет? Выстрел из-за угла? Или он явится к ней домой, задушит, глядя в глаза, а тело запихает в багажник авто?

Все те, кому удалось выкарабкаться, просто исчезали. Или она снова лишится разума и пойдет за ним, будто ребенок — за Крысоловом? А дальше что?

Поднялась волна негодования. Нет, она не позволит. Она слишком любит жить и теперь точно сдаст Артура, как только найдет.

— Фотомодель? — поинтересовалась блондинка с легким акцентом.

— Да. Юлия Тикус, — проговорил Толстяк. — Восемнадцать лет. Английский, испанский, немецкий. Ай-кью 150. Талантливая девушка. Впрочем, все как всегда. Обычные люди для ловцов душ невкусные.

— Ян, — заговорила шатенка с более выраженным акцентом, она словно спотыкалась на каждой букве, но в построении фраз ошибок не делала, — мы знакомы, теперь представь нас своим сотрудникам.

— Извините. Познакомьтесь, это Марина.

Пришлось вставать и кивать дамам.

Блондинку звали Агнета, шатенку — Сигрид. Приехали они из Эстонии, чтобы помочь столице избавиться от ловцов душ, которые по непонятной причине обосновались тут.

— Ми рады, что тебе удалось уцелеть, — проговорила Сигрид и улыбнулась так что мороз продрал по спине. Будто с ледника холодом потянуло. Если бы Марина снимала «Снежную королеву», то пригласила бы кого-то из эстонок. — А та женщина... Певьица, как она?

— Оживает понемногу, — ответила Марина и подумала, что Ян уже все им рассказал, даже о том, что она пыталась вытащить Оливию из депрессии, причем небезуспешно. — Ее уже выписали, с ней мама, я раз в неделю к ней заглядываю.

— За ней тоже надо присматривать, — сказала Агнета совершенно безэмоциональным голосом, каким объявляют остановки в метро.

Марина заметила, что гости напоминают сестер, но если сравнивать каждую черту и детали, то они совершенно разные. Сигрид шире в кости и в плечах, у нее полные губы и нос «уточкой», миндалевидные карие глаза. Агнета же — типичная модель в прошлом, чья-то дорогая жена: узкобедрая, тонкая, нос с горбинкой, глаза голубые.

А еще они неуловимо похожи на Главного. Наверное, своей отчужденностью. Агнета наклонилась, поднимая сумочку, упавшую со спинки стула, и Марина заметила избегающую с ключицы на шею светло-голубую татуировку. Женщина подняла голову и закрыла ее воротником.

Марина потупилась. Показалось? Она покосилась на Агнету, но белый воротник-стойка скрывал татуировку. Нелепость какая! Хотя, если верить Яну, эти женщины, как и она, отмечены смертью. Каждую из них ломали, каждая прошла по лезвию ножа — неизвестно, кем они были до того, как встретили ловца.

После возвращения с моря Марина промаялась сентябрь, в октябре более-менее пришла в себя, осуществила давнюю мечту и купила машину сдружилась с Оливией. Забота о поп-диве ей самой помогла выкарабкаться. И только сейчас она почувствовала себя целой. Но непонятные люди вторглись в ее хрупкий мирок, и одно упоминание имени Артура заставило его содрогнуться.

— Марина, — проговорил Главный. — Вы вращаетесь среди людей. Наблюдайте. Как только почувствуете что-то подозрительное, сразу ставьте нас в известность. Попытайтесь подобраться поближе к Юле Тикус, побольше выяснить о ее новом возлюбленном, но сами от него держитесь подальше. И не забывайте: вашей жизни тоже угрожает опасность.

— Контора будет тебе помогать, насколько это возможно, — добавил Толстяк.

Марина набралась смелости и задала вопрос, который давно вертелся в голове:

— Не понимаю, почему ловцы душ возвращаются туда, где их ждут? Почему бы им не поехать в провинцию и не пользоваться там людей в свое удовольствие? Никто и не заметит.

Главный приспустил очки на кончик носа и так зыркнул, что желание спрашивать улетучилось. Марину удивило, что говорил он с паузами, будто подыскивал правильный ответ:

— Дело в качестве людей, которых они используют. Да и следы им надо замести.

Спорить Марина не стала. Какой там «замести следы», когда все и так все знают об их проделках? Да и смысл делать это сейчас? Подождал бы год-полтора, пока все уляжется, вернулся и сделал свое черное дело. Нелогично. Или ей просто не положено знать правду? Скорее всего. Кто она такая? Еще вчера — обычная женщина. Марина и сама не была уверена, что при встрече с Артуром поведет себя достойно.

Ян утешал, что всему свое время. Когда окрепнет, она все сама узнает, но пока так лучше для ее же спокойствия и безопасности.

— Значит, — прошептала Марина, — от меня требуется быть внимательной, осторожной и постараться понаблюдать за Юленькой Тикус, желательно подобраться к ней поближе?

От мысли о том, что придется шпионить за новой любовницей Артура, сразу хотелось

удавиться.

— По возможности, — ответил Толстяк. — Тебе лучше не встречаться с ловцами душ, почему, сама должна понимать.

Конечно, Марина понимала: она — слабая женщина, которая только излечилась от зависимости, лучше беречь себя от стрессов.

— Всем все ясно? — Главный обвел собравшихся тяжелым взглядом. — Нам надо торопиться. Марина, будь осторожной.

Он поднялся и, не попрощавшись, направился к двери. Хотелось сказать ему «до свидания», но Марина прикусила язык. Значит, так надо. Она покосилась на Агнету: блондинка будто окаменела, странную татуировку под блузкой было не разглядеть.

Бразды правления принял Лев Анатольевич по прозвищу Толстяк. Ян откинулся на спинку стула и выдохнул облегчением, расплел руки, скрещенные на груди. Марина встретила с ним взглядом — ощущение было, будто окунаешься в ласковое августовское море, — и отвела глаза.

Толстяк почесал за ухом и повторил все, что сказал Главный, выразил обеспокоенность судьбой Марины, она покивала, задумалась теперь о том, как оправдаться перед Тампошкой, что она сорвалась среди рабочего дня. На маму не сошлешься: все знают, что она с сестрой и племянником вчера укатила на отдых в Турцию. Остается надеяться, что отряд не заметит потери бойца, ей удастся вернуться незамеченной, а Кристина не наступит.

Пока она лихорадочно искала оправдание для Тампошки, совещание закончилось. Толстяк Левушка замолк уставился на фото Юлечки Тикус. Эстонки замерли манекенами. Ни тени эмоций не читалось на их фарфоровых лицах.

Ян встал, остановился напротив Марины:

— Пойдем. Тебе ведь на работу?

Задумчиво посмотрев на коллегу, она поднялась. Оказавшись с ним лицом к лицу, невольно отступила. Она и раньше замечала заинтересованность Яна, но не придавала этому значения: на самом деле клином клин не вышибают, а загоняют еще глубже.

Теперь же она иначе посмотрела на этого высокого спортивного мужчину с глазами яркими, будто подсвеченные солнцем кристаллики льда. От него пахло свежестью морозного утра. Светлые, почти белые волосы ниспадали на плечи. Секретарша Аленка сходила по Яну с ума. Да что там Аленка — на него оборачивались женщины, и Марине льстило его внимание. Но в душе будто что-то умерло, сломалось, а срослось вкривь и вкось.

В приемной, где Аленка на ресепшен сверлила взглядом соперницу, Ян взял пальто Марины, помог ей одеться. Эстонки тоже облачались, их действия были точными, будто механическими. За все время, пока одевались, они не проронили ни слова.

На улице с серого неба срывалась ноябрьская морось, заставляла прятать зябнущие руки в карманах. Ян хлопнул себя по лбу:

— Совсем забыл. Это очень важно. Мы десять лет вычисляли «гнездо» ловцов. Думали, что это бар «Филин», но он оказался точкой, где они просто собирались. Попытайся вспомнить, может, Артур говорил о каком-то месте, где находятся его друзья, или приезжал туда вместе с тобой.

— Ничего такого. Да и вряд ли он потащил бы меня туда.

— И все же попытайся.

Марина напрягла память, перебрала места их встреч. Квартиру Ян и коллеги вычислили, но, когда устраивали облаву, там никого не было. «Филин» тоже взяли, но без Артура — именно про этот бар говорил Главный, называя его «притоном». Где еще могли собираться ловцы? Ну, не вампиры же они, чтоб обитать на кладбище, в гробах?

— А каким должно быть это место? — задала она наводящий вопрос.

Ян дернул плечами:

— Не знаю.

Возле машины он развернул Марину к себе и проговорил:

— Пожалуйста, будь осторожной. Я предложил бы тебе пожить у меня — во избежание, но ты не примешь моего приглашения.

Марина сглотнула, ощущая щекотное, уже подзабытое чувство, зарождающееся в низу живота и расплавленной смолой текущее по позвоночнику, решила сменить тему:

— Ян, эти женщины... Они странные. И... как бы сказать, доверия не внушают.

— Помнишь, когда в первый раз ты пришла в контору, Лев говорил, что те, кто прошел по лезвию и выжил, немного уподобляются ловцу...

Марина кивнула:

— Да, как укушенные вампиром сами или гибнут, или становятся такими же.

— Нам повезло больше, мы сохраняем человеческое, но сами уже не вполне люди. Чем больше проходит времени, тем заметней разница.

Марина скривилась. Неужели и она уподобится говорящей кукле, растратит огонь души? Ян продолжил:

— Например, мы с тобой, как недавно инициированные, еще способны лгать. Эстонки вынуждены говорить только правду, но и возможностей у них больше, чем у нас.

— Как давно они инициированы? — поинтересовалась Марина.

— Не знаю. Береги себя.

Он махнул рукой и зашагал в контору. Две парикмахерши, курящие у входа в салон с дурацким названием «Гла-Мур-мур», приосанились и проводили его жадными взглядами.

Марина села за руль, но уезжать не спешила, пыталась осмыслить новое ощущение. Что это? Симпатия? Она снова оживает? Наверное. А почему бы и нет? Ян — интересный мужчина, состоятельный, эрудированный. Все женщины от зависти полопаются. У древних греков было семь видов любви, один из них — сторге, любовь-дружба, основанная на длительных теплых отношениях.

Нужно ли ей такое сейчас?

Марина прислушалась к себе и ощутила звенящую пустоту. Как говорится, подумаем об этом позже. Она завела авто и покатила к выезду из двора.

К счастью, Тампошка не заметил ее отсутствия, Марина прокралась в свой кабинет, уселась за невыключенный комп, свернула статью о пользе овсяного киселя и настрочила новый заголовок «Посмотри в глаза своей страсти». Нет, немного не так. «Страсть» надо заменить на «манию».

— О чем пишешь? — без интереса спросила Кристина, увлеченная подпиливанием ногтя.

Дева изменила имидж, состригла волосы и теперь носила каре, которое шло ей гораздо больше.

— О людусе, сторге и агапе, — ответила Марина.

Кристина вскинула брови и продолжила с невозмутимым видом:

— Это иностранцы, что ли? Мы же пишем только про отечественный бомонд... Или они приезжают на карнавал? Погоди-ка. О сторге я что-то слышала. Это финская порнозвезда?

Танюха легла на стол, сотрясаясь от хохота.

— Ага, только греческая. И не порнозвезда, а примерная жена. А вот Мания — порнозвезда еще та. И Эрос с Людусом — тоже. Когда они оприходовали бедную Манию...

Кристина заподозрила неладное и полезла гуглить. Танюха сжалилась и объяснила:

— Крис, это виды любви у древних греков. Эрос — жажда обладания, людус — это про меня, секс для взаимного удовольствия. Прагма — про тебя, любовь с выгодой. Манию мы недавно наблюдали у Маринки, когда полный крышеснос. Сторге — скорее дружба. Еще что там было?

— Агапе, — сказала Марина. — Жертвенная любовь, это не про нас. Молодцы греки, столько оттенков разглядели. А у нас одно слово «любовь» — и раскрашивай, как знаешь.

— Филию забыли, — гордо произнесла Кристина и зачитала: — «Духовная любовь-дружба. Это спокойное чувство, в нем нет страсти эроса и самоотверженности агапе»... Бла-бла-бла... глупость, короче говоря.

— Мания — глупость, — возразила Марина.

Кристина поднялась, пригладила юбку:

— Ну что, идем?

Танюха тоже встала. Одна Марина была не в курсе и спросила:

— Куда?

— Главред приготовил нам сюрприз, — шепнула Кристина. — И не говорит, с чем он связан.

Марина оставила статью и последовала за Танюхой в конференц-зал.

Тампон пришел минута в минуту, облобызал взглядом свою новую любовь — уборщицу Полиночку. Девушка вспыхнула, приложила ладони к пухлым щечкам.

Говаривали, что Тампон так запал на деревенскую простушку, что собрался разводиться. Но Марина знала, что «собрался разводиться» у большинства мужчин не более чем мечты — духу не хватает.

Зато все издательство с умилением наблюдало разворачивающийся роман. Молодежь была за Полиночку, женщины из бухгалтерии Тампошку всячески осуждали.

— Добрый день, кого не видел, — улыбнулся он. — Все знают, что в честь дня рождения любимой внучки господин Антонов проводит карнавал, куда званы лучшие люди столицы? — Он выдержал паузу. — Сегодня кому-нибудь из вас повезет, и он выиграет приглашение на двух особ. Каждый из вас уже получил номерок. Если нет, — он поставил на стол стеклянную коробку, — подойдите сюда и достаньте.

Номерка осталось два — один забрала Авдеева, второй передали Марине, но, задумавшись, она не сразу развернула скрученный рулетиком листок. Влюбившись, Тампошка подобрел и стал чудить. Сейчас вот решил разыграть приглашение на карнавал, считая, что любой из сотрудников поскачет туда с радостью. Даже поглощенная детьми Авдеева, обреченно смотревшая на начальника.

— У меня есть вторая коробка, — проговорил он, вытащил ее, сунул туда руку. — Итак, кто же этот счастливец?

Он простер над головой свернутую белую бумажку, глянул на номер и прищурился.

— Девять. У кого девятка?

Зал загудел. Танюха вздохнула с облегчением:

— Фууф, пронесло. У меня восемь.

Марина восторгалась и принялась разворачивать свою бумажку. Судя по тому, что победитель не объявлялся, высока была вероятность, что посчастливилось ей. Так и есть!

— Это я, — сказала она, поднимаясь.

— Кнышева, вам везет! — Тампон слез с трибуны, протопал к ней и торжественно вручил два пригласительных — скромных лаково-белых билета с голограммой в углу. Марине не особо хотелось на вечеринку. Тем более это уже завтра, а надеть нечего и хлопотать по этому поводу нет желания. Может, отказаться? С одной стороны, светские вечера, где нужно улыбаться и держать лицо, утомляли ее. Но с другой — не каждый день выпадает счастливый билет, за который любая Золушка душу продаст.

Да и наверняка Тампон затребует репортаж. И надо подумать, кого пригласить «вторым лицом». Невольно вспомнился прием, где она блистала в бирюзовом, подаренном Артуром платье, и счастье было так близко, руку протяни.

Это в прошлом и не повторится никогда. Но ведь может, может повториться! Встречу-укол, и заструится по венам адреналин, и мир сойдет с орбиты, закружится в бешеном танце, чтоб вспыхнуть сверхновой и погаснуть уже навсегда.

Марина скрипнула зубами. Когда же это закончится, черт побери? Когда ты отпустишь меня, проклятый упырь? Изйди из сердца, из мыслей, из памяти.

А что если пригласить Яна? Почему бы и нет? Марина прислушалась к себе, но не смогла понять, захочется ли ей в такой момент видеть рядом коллегу. Как бы то ни было, получится жалкое повторение того вечера и сплошной стокгольмский синдром.

— Спасибо. — Марина дежурно улыбнулась и чмокнула Тампона в щечку. — С меня материал!

Она прошествовала к выходу, ловя на себе завистливые взгляды коллег.

Усаживаясь на рабочее место, Марина положила пригласительные на край стола, еще не решив, что с ними делать. Иногда вечер утра мудренее, вдруг найдется оригинальное решение?

В конце концов, есть более важные дела. Например, замаячивший на горизонте Артур и его новая жертва Юля Тикус. В Интернете имелись фотографии его и Катеньки. Почему бы не водиться снимкам, где он рядом с новой жертвой?

К тому же следовало немного «разработать» Юленьку, чтобы знать, как к ней проще подобраться. Подружиться с ней вряд ли получится — они разного полета птицы, но вооружиться знаниями не помешает.

Марина набрала в поисковике «Новый возлюбленный Юлии Тикус», но палец замер над кнопкой «enter». При мысли о том, что сейчас увидит Артура с другой, ее начинало трясти.

Кнышева, будь сильной! Не позволяй ломать свою жизнь. Сделай это! Ну же! Просто нажми на кнопку. Вот так, молодец!

На тебе тысячу ссылок. Как упростить себе задачу? Правильно, выбираем только фотографии и среди многочисленных знакомых Юли ищем Артура.

Юля любила фотографироваться, и снимков было море: вот она позирует на берегу океана, вот задувает свечи на торте, окруженная смеющимися друзьями. Вот обнимается с огромным синим зайцем. Юля и ее мама. Юля с отчимом. Юля с неопознанной брюнеткой. Юля и ее новый автомобиль, VolvoXC90. Юля и известный ведущий ток-шоу, спортивный мулат с дредами... и харизматичный парень, похожий на молодого Мика Джаггера. Опять она и этот парень. Юный Джаггер, Юля и еще толпа блондинок А-а-а-а, это ее двоюродный брат, понятно.

Меняем задачу: «Юля Тикус, новый возлюбленный, Артур, брюнет».

И снова ничего. Хотя, кто сказал, что Артур — настоящее имя? Паспорта-то его Марина не видела. Короче, пусть будут не фотографии, а статьи, может, что нужное промелькнет.

Вторая ссылка заставила Марину оцепенеть. Это был форум начинающих моделей и сочувствующих, где девушки угадывали, какой костюм будет у Юли на карнавале Антонова.

Вот так! Значит, Юля звана на тот самый карнавал! Марина придвинула пригласительные к себе, положила в сумочку. Вот тебе и дорожка к Юле, само мироздание помогает — видимо, хочет обезопасить юную модель.

Или хочет, чтобы Марина снова увидела Артура? Только не это!

Теперь надо выяснить, чем Юля интересуется, чтобы проще было наладить контакт. Языки — не подходит, Марина забыла английский за ненадобностью. Живопись. И тут недоработки. Творчество Оливии. О! Значит, во что бы то ни стало надо уговорить певицу пойти на карнавал!

Заодно она поможет приодеться, вместе можно будет пофлиртовать с мужчинами. Да и Оливии полезно проветриться. Вдруг ей захочется вернуться к прежней жизни?

В кабинете, пока соседки не вернулись, Марина набрала певицу и, услышав ее «Алло», затараторила:

— Оль, привет. Ты в курсе, что завтра в семь мы идем на карнавал Антонова?

Оливия не нашлась, что ответить, и Марина продолжила, стараясь надавить на чувство ответственности поп-дивы.

— У меня два флаера. Надо придумать, что надеть. Поможешь?

— Так неожиданно, даже не знаю...

— Зато я знаю. Это полезно, приятно и весело. Жди меня сегодня в восемь.

Марина отключилась, поставив Оливию перед фактом. Итак, теперь надо раскошелиться на карнавальный костюм. Или быстренько соорудить что-нибудь самой? Благо руки из нужного места растут.

Нет-нет! Есть фантастическое платье, подарок Артура, лазурное, с открытой спиной. Надо использовать его. Купить симпатичную маску-очки, разрисовать лицо листьями и цветами, сделать прическу, украсить ее опять-таки живыми цветами. Вот тебе и костюм нимфы.

Скрипнула дверь — вошла Танюха и сказала:

— Надеюсь, ты хотела на карнавал. Мне было бы напряжно.

— Да это просто подарок! Не представляешь, как мне туда нужно!

— Кого ты пригласишь? — Танюха крутнулась на кресле, закинув ногу за ногу и сплетя пальцы на коленке, выглядывающей из разорванных джинсов.

— Оливию.

— Тьфу ты, я думала, мужчину.

— Некого. Да и Оливия там своя, мне будет не так неловко.

Марина вперилась в монитор, заставляя себя не думать о предстоящем приключении, а писать статью о любви древних греков.

В полседьмого Марина уже была дома. Приняла душ и, обернувшись полотенцем, замерла напротив зеркального шкафа-купе, где отражалась стройная девушка с волнистыми каштановыми волосами. Потянулась к дверце и отдернула руку, будто внутри прятался монстр из детских кошмаров.

Это всего-навсего платье. Платье и тонкая цепочка с кулоном в форме капли. Марина боялась прикоснуться к прошлому, словно скелет, спрятанный в шкафу, способен был обрасти плотью и хищно оскалиться.

Ты выиграла самую тяжелую битву — поединок с собой. Разве властны над тобой отголоски прошлого? Давай же.

Платье Марина спрятала на плечиках под кожаным пальто. Распахнув его и увидев платье, не почувствовала ни тоски, ни сожаления.

Стало радостно, аж сердце застучало часто-прчасто. Марина закружилась по комнате. Прощай, любовь-мания, испепеляющая душу!

Платье село как влитое и смотрелось даже лучше, чем раньше. Марина подняла волосы, собрала в пучок, мотнула головой. Нет, пусть будут распущенными. Нужно сходить на цветочный рынок, купить пушистой травы, какую используют для украшения букетов, живых цветов и вплести в прическу.

Ну, и надо зайти в салон красоты, чтоб лицо разрисовали и там же вплели зелень в волосы.

Оставив платье на кровати, Марина набрала Оливию — предупредить, что выезжает, но, как назло, закончились деньги на телефоне, а «кидать бомжа» было стыдно.

Ничего, Оливия и так знает. Можно выдвигаться. Апартаменты певицы были на другом конце города, но сейчас она жила в маминой простенькой «трешке» в полчасе езды. Если повезет и не будет таянучки, можно и за десять минут добраться.

Она завела машину и поползла к трассе, выхватывая из темноты криво припарковавшиеся авто. На выезде из двора привычно заглохла, пропуская поток машин, завелась и выехала на пустую дорогу.

Доехала без особо сильных эмоций. Припарковалась возле полицейского «бобика», у которого курил водитель, накинула пальто и выскользнула на улицу. Благо возле круглосуточного ларька рядом с подъездом Оливии был автомат для пополнения счета телефона — Марина кинула денежку на аппарат.

Обычно закрытая дверь в подъезд была распахнута, и закрывать ее Марина не стала: мало ли, вдруг кто-то ждет гостей или, вон, полицейских.

На лестничном пролете стоял медведеобразный дядечка. Раздвинулись дверцы лифта, Марина прижалась к стене, остальное пространство заполнил толстяк.

— Вы не знаете, что стряслось? — кокетливо поинтересовался он. — Полицейских полон дом.

Марина помотала головой и выскочила на шестом этаже, едва не столкнувшись с полицейским. Вот те на! Никак ограбили кого-то! Она устремила к серой металлической двери с номером 267 и уже потянулась к горящей красным кнопке звонка, но ее окликнули:

— Гражданка, погодите, туда нельзя.

Марина обернулась, широко распахнув глаза. Ее остановил полицейский — молодой брюнет с ямкой на подбородке. Обувь начищена, стрелки на брюках... Первой пришла мысль, что Оливия покончила с собой, на этот раз успешно.

— Там живет моя подруга, — проговорила Марина и шагнула к полицейскому, театрально сложив руки на груди. — С ней что-то случилось?

— Прежде я задам несколько вопросов, — сказал он с нажимом, в его взгляде читался интерес.

Марина уперла руки в бока, стараясь не злиться. Пусть будет, как он хочет.

— Как давно вы виделись с подругой?

— Неделю назад. Она только выкарабкалась из депрессии, но была в норме...

— Не говорила ли она о том, что ее кто-то преследует?

Марина потерла подбородок.

— Нет. Никто ее не преследовал. И все-таки...

Воровато оглядевшись, полицейский приблизился к ней:

— Она исчезла, мать вызвала наряд, потому что имел место взлом.

— Какой взлом, если Оливия была дома?

— Видимо, она вышла в магазин, а когда вернулась, в квартире ее ждали.

— Но почему она не заметила, что замок вскрыт?

— У нас тоже много вопросов.

Закружилась голова, и Марина привалилась к стене, закрыла лицо рукой. Вспомнилось предупреждение Главного. Она вытащила Оливию буквально с того света, получается, что и певица стала не совсем человеком, и вот за ней пришел кто-то из ловцов душ, она исчезла.

Полицейский взял Марину под локоть, думая, что она собралась падать в обморок, объяснил:

— Вообще-то мы исчезновения расследуем, когда проходит три дня. Но поскольку взлом и все прочее, вынуждены принять заявление. Не волнуйтесь так. Это не взлом, а попытка взлома — замок раскурочен, но не поврежден. Скорее всего обеспокоенная мать так пытается привлечь наше внимание.

— Да? — Марина отлипла от стены, она была уверена, что без ловца душ тут не обошлось, но для этого надо проникнуть в квартиру, все осмотреть — она надеялась, что почувствует его след.

— Уверен на девяносто девять процентов. Оливия ушла прогуляться, а матери не сказала, вот и результат. — Он попытался ободряюще улыбнуться. — Меня Виталием зовут.

Марина протянула руку и представилась, он неуклюже приложился губами к ее запястью и тут же отпрянул — открылась дверь, и из квартиры Оливии вывалились два уставших и разочарованных опера. Виталий незаметно вложил визитку в руку Марины и подмигнул, шагая к сослуживцам:

— Что-то новое?

Невысокий опер, похожий на Тампошку, покосился на Марину и буркнул:

— Нет, все, как мы думали.

Виталий исчез в лифте, не простившись, а Марина толкнула незапертую дверь и перешагнула порог знакомой квартиры. В нос ударило корвалолом так, что слезы навернулись на глаза. Она сосредоточилась на ощущениях, как ищейка, берущая след. Тогда, на море, ей удалось почувствовать опасность, исходящую от ловца душ, она надеялась, что и сейчас будет так. Но — нет, кажется, ничего необычного.

Тамара Викторовна сидела в кухне, подперев голову руками, посеребренные сединой рыжие локоны закрывали лицо.

— Здравствуйте, — проговорила Марина, осматривая кухню.

Женщина встрепенулась, повернулась. Даже в свои шестьдесят она не утратила обаяния и сумела сохранить фигуру. Встала, молча шагнула вперед и сгребла Марину в объятия так, что едва ребра не захрустели. Ни слез, ни сдавленных рыданий — всеобъемлющее отчаяние. Мать чувствовала, что ее дочь в беде.

— Она мне все рассказала, — прошептала Тамара, отстраняясь. — И что ее «привязали», и что шансов не было, но ты ее вытащила. И что за ней могут прийти. Я не верила до сегодняшнего дня.

— Замок вы сломали? — спросила Марина.

Женщина потупилась:

— Они бы приехали только через три дня. Впрочем, и так толку нет. Марина! — Ее глаза сверкнули безумием. — Что с ней? Она жива?!

— Я не знаю. — Марина опустила на табурет, как была, в плаще. — Скажите... Она просто исчезла, не забрав вещи? А следы борьбы были?

— Пойдем. — Тамара устремила в залу, где на старом паркете белели осколки чашки и крепкий заварной кофе застыл, будто пятно крови. — Это все. Из вещей пропала только куртка. Она ушла в домашних вещах. Понимаешь? Если бы ее утащили, не стали бы брать куртку, к тому же ее любимую.

С портрета на стене улыбалась молоденькая Оливия с букетом алых роз. На столе тоже стояла ее фотография — красивая молодая женщина вполоборота, голова гордо вскинута, белые волосы струятся по обнаженной загорелой спине.

— Но почему она не предупредила меня? Я ее знаю, она не поступила бы так жестоко! — Тамара рухнула на диван и разрыдалась.

Марина положила ладонь на ее вздрагивающий затылок, ощущая себя виноватой во всех этих несчастях.

Значит, Оливия впустила ловца душ и ушла, не оказав сопротивления. Ловцы умеют подавлять волю? Почему бы и нет. Или тот, кто однажды попал под влияние, всегда останется уязвимым для любого из этих подонков? Неужели и Марина, подобно зомби, безропотно последует за палачом? Будь ты проклят, Артур, и все, тебе подобные!

— Она даже телефон не взяла, — всхлипывая, пробормотала Тамара. — Не верю, что она так со мной поступила! Скажи, что она жива!

— Надеюсь, что так Она еще найдется.

Марина говорила, а сама не верила. Нужно срочно позвонить Яну, расспросить его. Но только как оставить Тамару Викторовну в таком состоянии? Марина села на кровать рядом с ней, вздохнула.

Действительно, что с Оливией? Она стала зомби и теперь в вечном служении у ловцов? Или ей нужна помощь? Или она уже мертва?

В дверь позвонили, но Тамара не шелохнулась, и открывать пошла Марина — крадучись, на цыпочках. Неужели певица вернулась?

Улыбаясь, Марина посмотрела в глазок, и улыбка стерлась с ее лица: на пороге стояла пожилая женщина в собольей шапке, похожая на двоюродную тетку Оливии, о которой певица много рассказывала. Марина открыла дверь, впуская гостью, которая окинула ее взглядом, повесила шубу на вешалку и, не разуваясь, протопала в зал, где упала рядом с Тамарой и принялась что-то ей шептать на ухо, перебирая рыжие локоны.

— Пожалуй, я пойду, — проговорила Марина, одновременно испытывая облегчение и горечь.

Гостя попрощалась с ней, не поворачиваясь, Марина вышла на плохо освещенную лестничную клетку. Снаружи было уже темно, и она почувствовала себя маленькой и беспомощной. Будто бы ей снова пять лет, зловещие тени по углам таят угрозу, а за каждой дверью живет чудовище. Хотелось, чтобы кто-то большой и сильный защитил, приласкал и объяснил, что все хорошо...

Какой там «хорошо»! За Оливией пришли, и Марина думала, что она следующая на очереди. Больше всего пугала неизвестность. Что стало с Оливией? Пальцы сжали

телефон, и Марина набрала Яна — единственного человека, которому она мало-мальски доверяла, к тому же он знал правду о ловцах душ.

Трубку он снял сразу:

— Что случилось, Марина? С тобой все в порядке?

— Оливия пропала, — затараторила она, воровато оглядываясь. — Я только что говорила с ее матерью. Все очень странно.

— Плохо, — ответил Ян. — Диктуй адрес, я приеду, и поговорим.

Не прошло и пятнадцати минут, как прикатил Ян на своей «Ауди». Марина боялась выходить из дома и наблюдала с лестничной клетки третьего этажа. Вот автомобиль выхватил фарами ее «Ланос», проехался по двору. Не найдя места для парковки, Ян бросил машину посреди дороги и, кутаясь в плащ, зашагал к подъезду.

Марина сбежала вниз и с трудом подавила желание броситься ему на шею, повиснуть и разрыдаться. Она успела привязаться к Оливии и искренне за нее переживала.

Когда распахнулась дверь подъезда, Ян шагнул навстречу, взял ее за руки и сжал пальцы.

— Ты вся дрожишь, — привлек к себе и повел к «Ауди», усадил на переднее сиденье. — В таком состоянии тебе нельзя за руль. Поехали, выпьем кофе в ближайшем кафе, там мне все и расскажешь.

— Она ведь жива? — пролепетала Марина, вжимаясь в кожаное кресло.

— Надеюсь, что так.

— Так надеешься — или точно жива? Ответь прямо.

— Я не знаю, где она и что с ней. Никто не знает, кроме существа, которое увело ее и, возможно, прикончило.

Припарковались возле кофейни, где Марина раза два сживала с Оливией, Ян открыл перед ней дверцу и помог выйти.

Порыв холодного ветра привел ее в чувство. Марина взяла Яна под руку и взошла на порожек кафе, где красовался стул с манекеном — женщиной девятнадцатого века в атласном синем платье, шляпкой под цвет и с чашкой кофе.

Выбрали самый дальний столик, чтобы никто из посетителей не мешал беседе. Ян помог Марине снять пальто, повесил на кованую вешалку, сделанную в виде деревца, сбросившего листья. Марина обхватила себя руками, пытаясь унять озноб. Ей все чудилось, что Оливия где-то рядом, ей плохо, она просит о помощи, но никто не слышит.

Ян заказал по кофе и молочному коктейлю, избавив Марину от проблемы выбора. Официантка, одетая в форму горничной, кокетливо потеребила завязочки на чепце и сделала реверанс. Здесь так было принято, но эта девчонка пыталась обратить на себя внимание Яна. Он настолько привык к успеху у женщин, что даже глазом не повел.

Марина поймала себя на мысли: почему-то ее злит официантка. Что это? Неужели просыпается ревность? Вот перед ней коллега, видятся почти каждый день, уже примелькался настолько, что и синева его глаз поблекла, и на обаяние внимания не обращаешь. А ведь он чертовски хорош! Он даже с Артуром, не к ночи будь помянут, может потягаться.

Изящные пальцы. Блестят запонки на снежно-белой рубашке, контрастирующей с черным жилетом. Черные брюки, даже скорее джинсы. Творческий беспорядок на голове. Марина всегда питала слабость к длинноволосым мужчинам.

Будто сама судьба говорит: «Открой глаза и утешься! Это именно то, что тебе нужно. Идеальный вариант, и к тому же он — хороший в отличие от некоторых».

Сплетя пальцы, он положил руки на стол и подался вперед:

— Хочешь ты или нет, но домой я тебя провожу, посмотрю, все ли в порядке.

— Спасибо. — Марина попыталась улыбнуться. — Думаешь, он придет именно сейчас? Это безумие. Вы ведь ждете его. Надо быть дураком, чтобы так поступить.

— Понимаешь. — Ян огляделся и наклонился ниже. — У них с жертвой обратная связь. Ты от зависимости избавилась, он — может, и нет. Пока ты жива и независима, не будет ему покоя.

— Но ведь кавалер Оливии мертв, — возразила Марина. — Почему же она пропала?

— Значит, кто-то из его подельников хочет завершить начатое.

Марина всплеснула руками, ударила по столу с возмущением:

— На земле десятки... сотни агентств, подобных нашему. Многие из них попросту простаивают без работы. Почему бы не вызвать подмогу? Почему не устроить облаву на ловцов?

— Женщины, которые прибыли, лучшие из лучших, они справятся.

— Но Оливию ведь не защитили!

— Теперь все точно будет под контролем. Даже несмотря на то что Главный — старый карьерист, ему нужно выслужиться, доказать свою полезность. Понимаешь?

— А я тут при чем? Получается, он выслуживается при помощи меня? Я, знаешь ли, против!

— Главный редко ошибается. Поверь, нам хватит сил, чтобы справиться. Я видел, на что способны эстонки, и это... впечатляет.

Когда-то Ян говорил, что постепенно теряет способность врать. Вот еще один фрагмент калейдоскопа. Пара месяцев, и Марина увидит картину целиком. Настораживало, что Артур никак не хотел оставлять ее в покое. Она решила поразмышлять над этим вслух:

— Выходит, ловцы душ — тоже своего рода наркоманы и «подсаживаются» на жертву, пока не выпьют ее досуха?

— Возможно. — Ян принял из рук официантки белую фарфоровую чашку, зажмурился, нюхая кофе, поставил ее на стол. — Мне известно далеко не все.

— А женщина... ловец, которая тебя... Какая она?

Ян потупился, сдул упавшую на лицо прядь волос и ответил с неохотой:

— Она была мулаткой. Невысокой, тонкой... Волосы черные, очень мелко вились. В общем, экзотика.

Марина обхватила свою чашку ладонями, будто стараясь вобрать недостающее тепло.

— Полная противоположность тебе.

— Да. В конце концов я сам все понял и сбежал, уже почти очухался, но она меня нашла. В общем, я ее убил. — Он мотнул головой. — Это как наваждение. Я знал, что она не человек... Позвонил в полицию, а приехал Толстяк, завербовал меня.

— Ужас, — посочувствовала Марина.

— Ужас был потом, пока я не научился с этим жить.

Исповедь Яна будто приблизила его к Марине, сделала ее соучастницей преступления. Подавив сочувствие, она заставила себя включить мозг.

Итак: тот, кто привязал Оливию, мертв, но теперь подключились его подельники. Может, ловцы связаны между собой и чувствуют тех, кто привязан к умершим? То есть жертва переходит кому-то по наследству. Тут она вспомнила, что не поделилась важным.

— Забыла сказать: мне выпали пригласительные на маскарад, а там будет... Отгадай, кто.

Ян пожал плечами, Марина продолжила:

— Юля Тикус! Думала, Оливию пригласить — Юля интересуется ее творчеством... Слушай, с Оливией не получилось, может, вместе пойдем? Не исключено, что и ловец туда явится.

— Во сколько мероприятие и когда? — заинтересовался Ян и тут же добавил: — Мне лучше не ходить, меня ловец почует.

— Завтра в семь, в «Эдеме».

Ян присвистнул:

— Ничего себе! Значит, в семь. — Он потер подбородок. — Скажу всем, не переживай, уверен, что мы будем ждать неподалеку и приедем по малейшему твоему зову.

Кофе оказался настолько замечательным, что Марина на пару мгновений выпала из реальности. Зажмурилась, ощущая сладковатую ароматную горечь. Когда открыла глаза, Ян уже опустошил свою чашку и тянул молочный коктейль через трубочку.

Все-таки синеглазые люди кажутся более отстраненными. Даже в момент сильнейших переживаний их глаза напоминают подсвеченный лед. Вот и сейчас на лице Яна — обеспокоенность, а во взгляде — изморозь, но есть в ней что-то притягательное, неизведанное. Как не ведаешь, каким станет морозный узор на стекле после того, как растопишь его дыханием.

Марина молча пила кофе. Ян тоже молчал. Едва слышно играло что-то из классики в современной аранжировке, из динамиков шумело море, кричали чайки. Марина ненадолго перенеслась в Приморское, в пору щемящей тоски, на длинные бетонные волнорезы, к кипарисам и цикадам.

Когда закончился молочный коктейль, Ян все так же молча расплатился с официанткой, помог Марине одеться и следом за ней вышел на улицу:

— Пусть твоя машина постоит во дворе, — сказал он. — Ничего с ней не случится, а ты слишком неопытна, чтобы садиться за руль в таком состоянии. Я отвезу тебя домой.

— Спасибо. — Марина плюхнулась на пассажирское сиденье, глядя на светящуюся приборную панель, отстраненно подумала, что это не машина, а космический корабль.

«Ауди» рванула с места, Ян без труда влился в автомобильный поток.

Будь Марина одна, она тревожно оглядывалась бы, подходя к своему подъезду. В темных силуэтах прохожих ей мерещился бы Артур, который пришел, чтобы привязать ее навсегда. Теперь же, держа Яна под руку, она чувствовала себя в безопасности, лишь изредка поглядывала на него.

Ян шел неспешно, оглядывался и замирал, будто делая стойку. Марина тоже останавливалась, вертела головой.

— Похоже, тут никого из них не было, — прошептал Ян уже в подъезде.

— Как ты чувствуешь их? — поинтересовалась Марина. — Будто... холодок по спине и волосы дыбом?

— Где-то так, — кивнул Ян. — Со временем и ты научишься отличать это ощущение от обычной тревоги.

Медленно поднялись по лестнице, Марина осмотрела замок на двери: не тронут. Ян прошелся по коридору, улыбнулся:

— Ни намека.

— Но это не значит, что он не придет завтра. — Марина повернула ключ в замочной

скважине и распахнула дверь. — Проходи.

Ян переступил порог, сразу же повесил пальто на вешалку, разулся и прислонился к стене. Ощущая некую неловкость, Марина предложила:

— Еще кофе хочешь?

Ян кивнул, шагнул в кухню и сел на табурет. С топотом вылетела мамина кошка Мисска, оставленная на передержку, забила под кровать, испугавшись Яна. Марине стало стыдно за свою крошечную кухню два на три. У обеспеченного человека она способна вызвать приступ клаустрофобии. У Яна, наверное, шикарная кухня-столовая, как у Оливии.

Сварив кофе, Марина разлила его по чашкам, села напротив Яна, подперев голову рукой. Он будто распространял вокруг себя ауру спокойствия.

— У меня есть шарлотка. Будешь? — Марина поставила на стол пару кусков пирога, положила самые лучшие серебряные вилочки.

— Сама готовила? Вкусно, — сделал комплимент Ян и принялся уплетать шарлотку за обе щеки.

Марина подумала, что протаптывает путь к сердцу мужчины. Мысли приходили странные: о домашнем уюте, горячем пироге из духовки. Любовь многолика — недавно она писала об этом статью. В случае с Яном будет любовь-дружба, не ослепленная страстью. Но сумеет ли Марина находить в этом радость, зная, как кружится голова и свистит ветер во время падения в бездну?

Из мечтаний Марину вывел зазвонивший телефон гостя. Ян глянул на экран, извинился и ушел разговаривать на балкон.

Вот тебе и мечты. Наверняка женщина звонит. Марина ведь ничего о нем не знает, а уже нашла рыцаря, который спас, и размечталась. Вдруг он женат и у него полон дом детей?

— Увы, надо ехать. — Ян снова сел на свое место и принялся поглощать шарлотку, превратившись из лощеного господина в домашнего мужчину. — Но пирог я все равно доем, а то буду жалеть.

— Приятного аппетита, — улыбнулась Марина.

— Это звонил Толстяк, — сказал Ян, прожевав. — Он подтвердил, что завтра мы будем подстраховывать тебя всем составом.

— Отлично. — Марина кисло улыбнулась. — Я бы предпочла, чтобы вас было больше, но раз решено не подключать агентства из других городов...

— Поверь, у нас достаточно сил, чтобы остановить ловцов.

Отправив в рот последний кусок, Ян пошел в коридор. Марина встала в проеме двери в кухню. Сейчас он уйдет, и наступит пустота с привкусом ожидания беды.

— Просто не приближайся к двери, не слушай, что он тебе будет говорить. Заткни уши.

Марина кивнула. Ян подошел к ней, погладил по волосам и чмокнул в лоб.

— Это правда очень срочно. Если хочешь, поехали ко мне.

Значит, все-таки он не женат. Но Марине его жест доброй воли показался унижительным, и она предложила другой вариант:

— А что, если мне пожить в другом месте?

— Это ничего не даст, ловец почует тебя, как охотничий пес — дичь.

Обрадовал так обрадовал!

Сначала Марина подумала, что справится с паникой, когда Ян уйдет, но едва за ним захлопнулась дверь, ожили тени в углах, отблески фар поползли по потолку зловещими пятнами прожекторов.

Забиться под одеяло, как в детстве, обнять огромную лысую обезьяну — островок стабильности и тепла. А вокруг рыщут монстры, прячутся в шкафу и под кроватью. Некому прийти на помощь и разогнать их.

Мама!

Хватит паниковать, теперь ты взрослая. Давай, вставай и сражайся за свою жизнь! Цепенея, Марина зашторила занавески, допила свой кофе. Одной оставаться было невыносимо, мама уехала на курорт — ее не пригласить. А что, если позвонить Наташке? Вино в баре есть, чтобы ее заманить.

Марина набрала подругу, но ответа не дождалась. Спит, что ли? Так вроде рано еще — полдесятого. Или просто в душе и не слышит?

Наташка перезвонила через десять минут. В ее шепот вплетался звон текущей воды.

— Привет, Марина. Прости, не могу разговаривать.

Клацнула дверь, донесся пьяный мужской голос, и Наташка отключилась. Марина закатила глаза и выругалась вслух. Все ясно, подруга вернулась к гопнику Саше, который запрещает общаться с развратными и аморальными женщинами. Кра-со-та!

Как ей надо, так лети сквозь ночь, развлекай погибающую, хотя ничего фатального не случилось. Тут же Марине угрожает опасность, а Наташке, видите ли, запрещено с ней разговаривать. Тьфу!

От злости страх рассеялся, Марина плюхнулась на кровать и принялась переключать каналы. Выбрала программу про животных: там рассказывали о мерзейшем насекомом — наезднике. Наездники откладывали личинку в жертву, и та продолжала жить, пока паразит пожирал ее изнутри. Почти как Артур. Поморщившись, Марина выбрала другую программу.

И ведь сегодняшний день — не последний виток кошмара, кошмар только начинается, и с ним надо научиться жить. Например, поехать завтра на карнавал, улыбаться там, приблизиться к Юле Тикус, а не забиваться в угол. Забыть об Оливии. Потому что стоило о ней вспомнить, и начинал бить озноб.

Когда в дверь позвонили, Марина уже начала засыпать. Встрепенулась, свесила ноги с кровати. Телевизор мигал «снегом», бросая отблески на стены. В его трескотню впелся повторный звонок, и волосы на голове зашевелились, а по позвоночнику поднялся уже знакомый холодок.

Словно невидимый удав обвился вокруг нее, сдавил, едва позволяя дышать. А потом она услышала зов. Даже не услышала — почувствовала. В нем было отчаяние подбитой птицы, провожающей взглядом улетающую стаю; промозглая ноябрьская тоска приморского городка, где почти никого не осталось.

Босиком она ступила на пол и с обреченностью приговоренного направилась к двери. Она просто не могла по-другому, каждая ее клетка стремилась на зов. Если Марина остановится, то он не прекратится никогда.

Здравый смысл, будто запертый в клетке, бился о стальные прутья чужого упрямого желания, и Марина действовала, как кукла, — она помнила наставления Яна, но ничего не могла с собой поделать. Рука потянулась к замку, повернула ключ.

Беги, пока не поздно, захлопни дверь, закрой уши, что же ты делаешь, ты ж погибнешь!

Но Марина уже не принадлежала себе и наблюдала за собой со стороны.

Скрипнули петли, и дверь отворилась сама. На пороге стояло нечто, кажется, в длинном плаще и шляпе. Вокруг клубился мрак, а глаза горели алым. Лицо будто плавилось и меняло форму, но Марина узнала Артура. Он шагнул в квартиру, сгреб безропотную

Марину в объятия, сдавил ребра так, что стало нечем дышать, припал губами к губам, его язык проник в рот.

Голова закружилась, перед глазами заплясали разноцветные мушки, реальность поблекла и отодвинулась на второй план. Ударить его в пах, оттолкнуть! Но она шевельнула губами, отвечая на поцелуй. Артур прижался к ней, и она ощутила жар, вливающийся в нее.

Артур положил руку на голову Марины, и она опустилась на колени, изнемогая от животного желания.

Что же ты делаешь! Беги, спасайся, глупая! Ян! Кто-нибудь, помогите!

Но голос здравого смысла захлебнулся текучей магмой страсти и вскоре стих. Остался лишь жидкий огонь, струящийся по жилам. Желание отдаваться, чувствовать естество Артура в себе, двигаться в такт; стонать, кусаться, царапать его спину.

Схватив за волосы, Артур поднял ее, прижал к стене. Марина ногой обхватила его за талию. Артур поднял ее за бедра и насадил на себя. Она закричала, запрокидывая голову. Казалось, что ее кружит, затягивая в огненную воронку.

Толчок, еще толчок. Судорожно сжать его плечи. Подняться и опуститься, чтобы он проник глубже... Вот так. Еще и еще!

Оргазм прокатился по телу волной судорог — Марина ударилась затылком о стену, закричала. Ее будто выбросило из тела в водоворот разноцветных вспышек.

Вскрикнув еще раз, Марина открыла глаза: Мисска легла на живот и массировала его лапами, изредка выпуская коготки. Телевизор все еще работал, под монотонное бормотание ведущего по саванне друг за другом гнались страусы, вдалеке зебры опустили головы к земле.

Марина читала, что многие женщины испытывают оргазмы во сне, с ней такое случилось в первый раз. Наверное, тому виной трехмесячное воздержание. Сердце колотилось, по телу разливалась усталость, разум возмущался пережитым приключением и генерировал страх. Вскоре затряслись руки — Марина осознала собственное бессилие.

Если Артур придет, она точно так же потеряет голову и делай, что хочешь.

Марина обняла кошку, благодарная ей за то, что в такой момент рядом теплое, живое существо. Почесала вислое кошачье ухо, чмокнула в приплюснутую морду — Мисска обалдела и не сопротивлялась.

Убаюканная мурлыканьем, Марина заснула, а проснулась по будильнику — разбитая, как после пьянки, в дурном настроении. Итак, сегодня до четырех — работа, потом — марафет и карнавал, черт бы его побрал!

После карнавала она решила поехать в пустую мамину квартиру. Дома, даже если Артур не придет, кошмары замучают.

Утром Марина вызвала такси, доехала до парковки, где оставила машину, и села за руль. Даже сейчас она чувствовала чужое пристальное внимание. Наверное, подобное ощущает человек, знающий, что его заказали киллеру.

На работе мысли об Артуре то и дело возвращались. И если пару месяцев назад, когда догадывалась, что попала в беду и Артур опасен, она боялась за его жизнь больше, чем за свою, то теперь, узнай, где он скрывается, сдала бы его Яну без сомнений. Отомстила бы за себя, за Оливию. Эмоции, которые испытывает обычный человек, у Марины были или сломанными, или скомканными. Первозданными остались только страх и злость. Злость поможет сопротивляться до последнего!

Сегодня ей нужно было написать статейку про лечебную косметику и косметику не очень лечебную, и Марина полезла в Интернет. Сначала она всегда проверяла почту, а потом уже плыла по потокам информации, отыскивая нужное.

Ее сразу же привлекло письмо от Яна с пометкой «срочно». Она открыла текст, прищурилась, сияясь разглядеть фотографии. Люди, цветы, девушка в белом. Свадьба, что ли? Непонятно, придется увеличивать. Но сначала надо прочесть текст, наверное, кто-то из звезд тайно женился, ничего важного. «Помнишь Катю, что с Артуром ходила? Якобы сестру? Мертва. Труп всплыл в реке. Самоубийство или нет, разбирается полиция».

Марина оторопела. Она приняла похороны за свадьбу из-за обилия молодежи и цветов. К тому же хоронили Катю в подвенечном платье.

Марина закрыла рот рукой, покосилась на Танюху и Кристину: обе самозабвенно стучали по клавиатуре. Открыла первую фотографию: лицо Кати крупным планом. Белые волосы завиты локонами, фата украшена алыми розами. Бескровные губы напояжены, впалые щеки тронуты румянами. Красивая. И не скажешь, что она мертва — просто фотограф сделал неудачный кадр, когда невеста моргнула.

На втором снимке — заламывающая руки мать и светловолосая сестра с опухшим от слез лицом, тоже в трауре. Отец потупился в сторонку, видно, что он держится из последних сил.

«Со мной такое же могло случиться, — подумала Марина с ужасом. — Посещали же мысли о том, что проще прекратить страдания раз и навсегда. И рыдала бы мама над гробом, и Анька выла бы тоненько... Или Катю убили? Как бы то ни было, смерть молодой девушки на совести Артура, и это не должно остаться безнаказанным».

Марина поймала себя на мысли, что плакать от жалости не хочется. В душе бурлила, клокотала ненависть, окрашивая все в багряные опенки. Марина старалась избегать роли жертвы. Быть жертвой недостойно человека, унизительно, с ней это не случится. Так она думала, пока не повстречала Артура, который превратил ее в амебу, вытер об нее ноги, вышвырнул вон, унизил и обрек на смерть. Она выкарабкалась и стала другим человеком. Одному богу известно, чего ей это стоило. Но до сих пор воронка в душе не затянулась. Оттуда веет холодом, Марина сторонится людей, шарахается от мужчин, к которым может привязаться. Даже спустя три месяца она слаба настолько, что готова рыдать без повода, готова спрятаться за первого встречного и вверить ему жизнь, потому что бороться самой не хватит сил.

Вот и сейчас безумно хотелось зареветь. Уронить голову на руки, сложенные на столе, и зайти в припадке жалости к себе. Стыдно, Марина! Держись! Тебе надо жить, а чтобы жить, необходимо работать. Итак...

Помимо статьи о косметике Марина написала про талантливую модель, безвременно ушедшую из жизни. Не смогла тогда помочь Кате, остановить в шаге от гибели, хоть так почтит ее память. Вспомнилась теория, что человек на том свете жив, пока о нем помнят. Живи в людских сердцах, Катенька!

Все-таки грядущий карнавал здорово помогал отвлечься от проблемы. Если бы не приглашение, Марина бы съела себя, издергалась, забила в норку, а теперь надо держаться и держать лицо.

Так, нужно взять с собой фотоаппарат и с культурной программой карнавала ознакомиться — вчера не до того было. Что у нас по плану?

Девятнадцать ноль-ноль — торжественное открытие. Первый сектор — выступление группы «Хаос». Второй сектор — группа «Сахар лести». На это точно не пойдем, от сахара попа слипнется. Двадцать ноль-ноль — две попсовые группки. А вот в девять вечера в зеленой зоне у беседки состоятся поэтические чтения: дочь олигарха пишет стихи, причем довольно приличные, и пригласила поэтов, которых уважает. Наверняка там и Юля будет, она интересуется искусством.

Затем планировалась дискотека, которую ведет диджей Звезда. Можно сначала поплясать, а потом пофоткать подвыпивших знаменитостей — для удовольствия, а не для протокола.

Жаль, что Юля Тикус не вела блогов: из блогов легко узнать, чем дышит человек. Единственное, она вела колонку о здоровом образе жизни на уже известном портале для

начинающих моделек. Марина прочитала ее колонку и не нашла зацепок: она сама кропала подобные статейки, ничем конкретным, будь то вегетарианство, лечебное голодание или раздельное питание, Юля не интересовалась.

Итак, сегодня первым делом следует посетить салон красоты. Главное — не вспоминать и не думать о будущем, а ловить мгновение. Разбить день на достижение маленьких целей: прическа, макияж, платье, поездка, поэтический вечер, знакомство с Юлей.

Или все-таки согласиться на предложение Яна и пожить у него? От мысли об этом сделалось горячо.

Целый день Марина нервничала, слонялась туда-сюда и гоняла кофе с сотрудниками. Когда она допивала четвертую чашку, в комнату отдыха вошла Кристина, хлопнула по электрочайнику:

— Давно кипел?

— Минут пять назад, — ответила Марина.

Кристина сделала себе чашку растворимого, села в кресло возле китайской розы, закинула ногу за ногу.

— Мы с девчонками ставки делаем, бросит ли Тампон жену ради Полины. Я поставила на уборщицу, ты как?

— Ты в меньшинстве? — Марина отхлебнула глоток. — Нет, не уйдет он от своей гангрены.

— Да не верю. Помнишь, как она его оскорбляла при всех на корпоративе?

Конечно, Марина помнила. Это был Новый год, точнее, канун оного. Жена Елена, вечно недовольная фундаментальная дама с полумесяцем рта, весь вечер делала главреду язвительные замечания. Пунцовый от злости главред раньше времени ушел домой и больше на корпоративы Елену не брал.

— Мне так не понравилась его жена, что из принципа поставлю на Полину, — сказала Марина, отставляя чашку. — Но, сдается мне, он не уйдет, как и все прочие. Потому что страшно начинать с нуля, когда тебе за сорок, не хочется делить нажитое добро, стремно покидать болото — а вдруг будет хуже.

— Не знаю, не по-человечески это. Но нас теперь четверо. — Кристина потерла руки.

Рабочий день пролетел, Марина села за руль, отправилась в цветочный магазин, где купила мохнатой травы, похожей на ковыль, и пять орхидей — чтобы вплести в волосы.

Облачившись в бирюзовое платье, она задумалась о том, что если накинуть сверху кожаное пальто, будет смотреться нелепо, но ничего другого не было, и она решила наплевать на общественное мнение. Кроме того, ей не придется ехать в такси. Представив себя всю в цветах, с разрисованным лицом в метро, Марина невольно улыбнулась.

Кулон, подаренный Артуром, она тоже надела — самое изящное украшение из всех, что есть в ее коллекции. Хоть какая-то польза от кровопийцы. Надо было еще тогда добиться, чтобы он ей машину купил. Но разве задумываешься о насущном, когда влюблена? Все мысли, как бы не спугнуть, удержать подольше возле себя. Чем больше мужчина тратит на женщину, тем ему больней ее терять — так гласит женская народная мудрость.

Покрасовавшись перед зеркалом, довольная собой, Марина спустилась к машине, проехала двести метров до салона красоты. Очереди там не было, и она уселась в кресло Оли — и парикмахера, и стилиста. Оле могло быть и двадцать, и сорок: маленькая собачка до старости щенки. Будь Марина мужчиной, ей нравились бы такие женщины — миленькие миниатюрные брюнеточки с губками бантиком и большими глазами.

— Что делать будем? — поинтересовалась Оля, заглядывая в лицо.

Марина поделилась задумкой и показала, какой цветок где на лице должен быть.

— Оригинально, — оценила Оля и обернула Марину клеенчатым фартуком, чтоб не заляпать платье. — А куда ты собираешься?

— Про карнавал у Антонова слышала? — Марина с удовольствием наблюдала, как вытянулось лицо стилистки.

Теперь Оля смотрела на постоянную клиентку, с которой обычно хихикала и обсуждала мужчин, с почтением. И не настораживал ее ни «Ланос», когда светской львице положено ездить на авто покруче, ни обувь... Или она не разбирается в торговых марках? Марина и сама не была спецом в этой области, знала азы и считала, что этого достаточно.

Марина расслабилась, предоставив себя рукам стилистки, размешивающей краски. Первый мазок, второй мазок — расслабляющие прикосновения, от которых хочется спать. Чтобы не портить впечатление от эффекта, Марина закрыла глаза, а когда распахнула их, едва не ахнула. Оля — профессионал и воплотила ее фантазии правильно. Лицо по носу разделялось на две половины. Правый глаз, обильно подведенный черным, находился будто на огромном буковом листе, заканчивающемся на виске. Левая половина лица, выкрашенная в белое, была украшена листочками клевера, порея и цветами. Губы Марины превратились в маковый бутон, от него направо и вверх уходил зеленый стебель, прячущийся под большим листом подорожника.

Стилистка занялась волосами, комментируя, что она собирается сделать и почему именно так. Марина соглашалась, довольная результатом.

Наконец прическа была готова: в локоны, немного обработанные блеском, Оля вплела живые растения. Марина встала, сняла фартук, покрутилась перед зеркалом, и ей почудилось, будто не себя она видит — настоящую нимфу из фантазий.

— Шикарно. Оля, ты — суперпрофессионал!

Стилистка подмигнула ей:

— Если моей работой заинтересуются там, замолви за меня словечко.

— Конечно! Хорошему человеку ничего не жалко. — Марина отсчитала заранее обговоренную сумму и положила пару сотен сверху.

Удивительное дело, но краска не стягивала лицо, позволяла улыбаться и гримасничать. Даже судьба сегодня благоприятствовала Марине: на дорогах не было пробок, это однозначно добрый знак.

Но когда выехала за город, радость поджала хвост и ретировалась, уступая место леденящей тревоге. Чем дальше от города, тем сильнее тревога. Один раз Марина даже остановила машину, но уняла дрожь и сердцебиение и заставила себя ехать дальше.

Если побежит сейчас, ей придется бежать всю жизнь. К тому же Ян и остальные обещали быть рядом.

Под мероприятие Антонов арендовал имение «Эдем», где частенько проводились свадьбы и юбилеи сильных мира сего. Марина ни разу там не была, но представляла, что входит в комплекс: три одноэтажных овальных здания под двойным стеклянным куполом. Вне построек, но под куполом — тропический сад, бассейны, летние площадки. Один сад занимал около пятисот квадратных метров. Там росли финики, агавы, кактусы, фикусы, бамбук, пальмы и даже араукарии. Понятное дело, на отопление хозяева не скупились, и под куполами всегда было лето.

«Эдем» располагался за городом посреди леса, в стороне от многочисленных элитных поселков. На повороте с трассы перед шлагбаумом уже ждали своей очереди красный «Феррари» и белый, заляпанный грязью «Инфинити».

«И я на своей кляче», — подумала Марина и снова испытала острое желание повернуть назад. Впервые она стеснялась своего автомобиля. Раньше гордилась им: сама купила, не подарили, честно на права сдала, аккуратно водит, за машинкой следит. Но приехать сюда на «Ланосе» — все равно что заявиться на коктейльную вечеринку в калошах. Победив стеснение и немного разозлившись на мажоров, она встала за «Инфинити»,

надеясь, что ее лица никто не запомнит, чтоб на вечеринке ткнуть пальцем.

Позади уже пристроился «мерс», отрезая пути к отступлению. Марину начало трясти — пугала возможная близость Артура. Ну не Штирлиц она, а молодая слабая женщина!

Документы на КПП проверяли двое мужчин с автоматами. Опустив стекло, Марина протянула паспорт и приглашение, подумала, что нечестно поступила, не использовав пропуск на второе лицо. Следовало его Кристине подарить — вот счастья было бы!

Но сейчас что-либо менять поздно, и Марина положила ненужное приглашение в сумочку. Один охранник просветил пригласительный, другой проверил паспорт, глянул в планшет, сверяясь со списком. Посмотрел на Марину без выражения, кивнул и проговорил:

— Приятного отдыха, госпожа Кнышева.

Переведя дыхание, она тронулась с места, по асфальтовой однополоске, между рядами корабельных сосен. Въехала в распахнутые черные ворота, миновала КПП и припарковалась на запруженной автомобилями площадке возле стены из дикого камня, над которой возвышался стеклянный купол.

«Вольво» Юли Тикус среди них вроде не было. Значит, модель еще не на месте.

Рядом остановился «Хаммер», откуда вылез водитель, открыл дверцу перед пассажиром. Коротышка в смокинге, с бабочкой, тонкий в талии до неправдоподобия, подал руку верзиле в пышном платье восемнадцатого века. Присмотревшись, Марина поняла, почему дама на голову выше кавалера: мужчина переоделся в женское, женщина — в мужское. Оригинально.

Подождав, пока они отойдут от «Ланоса», Марина накинула пальто и засеменила к стальным воротам, у которых охранники в смокингах снова проверяли пригласительные. Скорее бы попасть внутрь, повесть стыдное пальто, и тогда ничто не будет намекать на то, что между доходами Марины и большинства собравшихся — бездна.

Конечно, верхнюю одежду можно было оставить в салоне машины, но Марина боялась замерзнуть в очереди и подхватить простуду: здоровье дороже общественного мнения.

Пока она ждала своей очереди, «боярыня» пожирала ее взглядом, а «кавалер» ревниво рассматривал рисунок на лице и наверняка гадал, кто из знаменитостей перед ним. Кожаный недорогой плащ скорее всего казался парочке верхом эксцентричности и личной смелости. Настроение улучшилось. Ну с чего она взяла, что окружающие сочтут ее наряд признаком бедности? Карнавал же. Можно и в мешке прийти, если воображения и находчивости хватит.

Наконец трансвеститы вошли в развлекательный центр, Марина протянула вышколенному охраннику пригласительный, дождалась, когда он проверит списки. Без очереди и пригласительного прошел худой господин в драповом пальто, разукрашенный Дракулой, под руку он вел модельку в серебристой маске, с пучеглазой собачкой в руках. Псевдопес дрожал, хотя на нем были шубка и сапожки, стоящие наверняка как Маринин «Ланос».

Марина передала пальто гардеробщику получила номерок и по белому мрамору «фильтрационной» направилась к стеклянной двери, за которой буйствовала зелень и, будто бабочки, порхали женщины в разноцветных нарядах.

Под куполом пахло цветами и хорошим кофе. Марина зашагала по булыжной дорожке, коснулась лаврового куста, стриженного в форме шара, следующий был кубический. За ним угадывалась клумба с кактусами, а дальше — заросли тропических растений с огромными листьями, скрывающие гостей.

Написав Яну сообщение, что прибыла на место, Марина отметила, что вытяжка и обогреватели работают отменно: температура была комфортной, не тянуло сыростью, но и глаза не пересыхали от кондиционеров. Раздвинув руками заросли диковинных растений, она вышла в парк, где между гостями сновали официантки в белоснежных чепцах и пышных клетчатых платьях. Голова закружилась от пестрого великолепия, сердце зачастило от мысли, что где-то тут, на расстоянии вытянутой руки, — Артур. Как

загипнотизированный кролик, она сама идет в пасть удава.

Пару минут Марина стояла истуканом, вглядываясь в лица и прислушиваясь к чувствам, но вроде Артура тут пока не наблюдалось.

Кого здесь только не было! Возле каскадного водопада рыцарь расшаркивается перед Снежной королевой. На мостике хохочут две пчелки — чьи-то дети. Пара вампирш в масках тянет «Кровавую Мэри», шепчется. Робин Гуд беседует с Зевсом. Женщина-кошка идет под руку с Хищником.

— Госпожа желает что-нибудь выпить? — проворковала миловидная розовощекая официантка.

Все они были милыми, краснощекими, полноватыми и немного деревенскими — дабы не затмевать красоту дорогих гостей.

На подносе стояли бокалы с мартини, белым, красным и розовым вином, рюмки с коньяком, водкой и чем-то еще. Если выпить, потом за руль нельзя. Но разве можно удержаться? Уж лучше шикануть, вызвать такси. К тому же не придется стыдиться своей машины. Пока Марина раздумывала, прибежала вторая официантка с едой.

— Черный мускатель есть? Или лучше «Черный доктор»? — спросила Марина.

Официантка расплылась в улыбке:

— И то и другое имеется в наличии. Вам принести или вы пройдете к стойке?

— Спасибо за предложение, пожалуй, прогуляюсь.

Официантка спикировала на зеленого инопланетянина в маске поросенка, с антеннками. Пока Марина никого не узнавала. Сфотографировала рыцаря, пчелок, официантку, убрала фотоаппарат в сумочку и пошла к стойке, убеждая себя, что алкоголь немного расслабит.

И как тут узнать Юлю? Все в масках, волосы закрыты париками. Квест еще тот!

Едва она получила бокал и пригубила вино, как вдалеке, за пальмами, откуда доносился восторженный гул, зазвенел гонг, и бодрым голосом проговорили:

— Добрый вечер, дамы и господа! Сегодня солнечно и тепло! Знаете почему? Посмотрите на женщин! Каждая из них — солнце. Спасибо, что пришли, что освещаете наше мероприятие!

Дальше ведущий начал хвалить организатора. Марине совершенно неинтересно было слушать о достижениях Вячеслава Антонова, о детстве его дочери, но она пообещала Тампошке репортаж и отправилась к сцене, с наслаждением отхлебывая вино. В гущу событий лучше не лезть, а держаться в стороне, чтобы не бросаться в глаза, но всех видеть.

Чужой голос заставил ее вздрогнуть:

— Боже мой! Настоящая нимфа, какая прелесть!

Марина обернулась. За ней увязался молодой мужчина в белом парике локонами, с короной и в маске. Одет он был в штаны, дутые на бедрах, и трико, белоснежную рубашку с жабо.

— Я дух места, — отшутилась Марина. — А вы принц какого королевства? Тридевятого?

— Тридесятого. — Мужчина согнул локоть, и Марина взяла его под руку, отметив, что ее спутник молод: у него нежная, почти детская кожа. Наверняка какой-нибудь мажор, и его родители где-то рядом. Например, вон тот лысый носатый дяденька в костюме то ли кота, то ли крота.

— Готов поклясться, что не видел вас раньше, — рассыпался в комплиментах принц. — Иначе запомнил бы такую красоту. Когда вы в последний раз были на подобной вечеринке?

— Попытаюсь вспомнить. В конце августа в «Космосе».

— Да? Странно, я тоже там был, но вас не помню.

— Наверное, потому, что прошло слишком много времени, — сказала Марина.

— Знаете, в чем особенность мероприятия господина Антонова, известного гуманиста?

— Понятия не имею, — она остановилась возле лимонного дерева с ярко-желтыми плодами, подальше от сцены, чтоб не так орали и не мешали разговаривать.

— Двадцать процентов пригласительных он раздал быдлу. Но я сразу понял, что вы не из этих, хоть и не знаю вас. — Он коснулся кулона на ее груди. — На чем вы приехали?

— На тыкве, — отрезала Марина и зашагала прочь, надеясь, что мажор за ней не увяжется, однако он семенил следом.

— Я могу рассчитывать на вашу благосклонность?

Марина остановилась и посмотрела недобро.

— Вы нарушаете правила маскарада.

— Почему же?

— Здесь положено быть в маскарадных костюмах, а уровень вашего презрения выдает в вас как минимум наследника нефтекачки. Думаю, ваши родители не одобряют столь неравный брак.

Пока мажор переваривал услышанное, Марина ввинтилась в пеструю толпу, защищая бокал с вином свободной рукой. Протиснувшись к кактусовой горке, где было более-менее свободно, поискала Юлю Тикус, снова не нашла. Напрягла чувства, пытаюсь понять, есть ли в «Эдеме» ловцы — ничего не поняла. То ли их не было, то ли большое скопление людей притупляло чутье.

На сцену вышел господин Антонов — молодящийся мужчина в строгом костюме и сине-черном полосатом галстуке, под руку он вывел дочь — красавицу незапоминающегося типа, какие обычно притягивают взгляды, но забываются спустя минуту. Дочь баюкала младенца в розовых пеленках.

Гости заплодировали. Активизировались официантки с подносами. Марина запрокинула голову: за куполом начался дождь. Капли разбивались о стекло и скатывались вниз.

А здесь — тропики. Цветут кактусы, наливаются плоды на апельсиновых деревьях, даже банановые пальмы наличествуют. Спасибо Тампошке за глоточек лета!

Когда Антонов покинул сцену грянула музыка, выскочили акробаты, а следом за ними — три певички из известного трио. Как и положено, блондинка, брюнетка и рыженькая.

Эльфийка, стоящая спиной к Марине, начала пританцовывать, периодически вертя головой по сторонам, будто кого-то потеряла. Совершенно белый пух волос ниспадал до талии. Бледное загримированное лицо было беспристрастным, а вот разноцветные глаза — один зеленый, второй серый в желтую крапинку — выражали вселенскую тоску.

Марину будто током ударило. Это ведь она, Юлия Тикус! Жертва. И она наверняка ждет своего палача! Марина расфокусировала взгляд, снова посмотрела на модельку: теперь она казалась бледнее, ее будто очерчивала темнота. Не фатально, девушка еще не перешагнула грань, и если остановить Артура, ее можно спасти.

В памяти всплыли фотографии с похорон Катеньки. С Мариной могло быть то же самое. То ли она оказалась сильнее, то ли вовремя «соскочила», спасибо Яну и его команде. Теперь она должна помочь Юле. Вот только как? Подойти и сказать, чтоб держалась от Артура подальше? Так ведь не послушает, не поверит. Влюбленная женщина — существо жалкое и безвольное, а жертвы ловцов — и подавно. Достаточно себя вспомнить.

Марина ощутила слабость. Самой бы рассудка не лишиться! Безумно захотелось, чтоб

рядом был кто-то, о кого можно опереться, например Ян. Привыкшая рассчитывать только на себя, она засомневалась, что справится без его помощи.

Боковым зрением она продолжала наблюдать за Юлей. А та вдруг подпрыгнула, махнула рукой, заулыбалась. Неужели...

Но к эльфийке подбежала девушка в костюме белки из «Ледникового периода», обняла ее, чмокнула в щеку. Фууф, пронесло. Но не факт, что Артур не явится позже.

Увидеть его хотя бы мельком... Увидеть, чтобы сдать Яну, а потом рыдать над несбыточным. Здесь не до сантиментов: или Артур, или Марина. Третьего не дано.

Нащелбетавшись с подругой, Юля двинулась прочь от сцены. Судя по выражению лица, ей не нравилась музыка. Марину и саму она начала напрягать. К тому же следовало подобраться к Юле поближе.

Вынув телефон, она написала Яну: «Юля здесь. Ловца пока не вижу».

Туда, где играл рок, девушки не пошли. Подозвали разносчицу, взяли что-то с тарелки и сели на кованую лавочку в виде мостика над ручьем, где плескались золотые рыбки.

Опустошив бокал, Марина подозвала официантку; заказала себе еще вина. Приняв заказ, девушка сделала реверанс и удалилась, а Марина заняла скрытую рогозом лавочку-мостик. Не стоит привлекать к себе внимание, если Юля решит уйти и поднимется, ее будет видно.

Минут через пятнадцать над рогозом появились голова эльфийки и белки. Подруги куда-то направились. Марина не спешила идти за ними, подождала, пока скроются из вида, и двинулась в том же направлении, но навстречу попала толпа, перемещающаяся из одного сектора в другой, и Марина вынуждена была пропустить ее, остановившись с краю булыжной тропки.

Оказывается, противная группа уже отыграла, и начались поэтические чтения, вот изрядно поддатые гости и потекли слушать попсу. Стеклопанная дверь перед Мариной распахнулась, и она шагнула в тишину, пахнущую кофе и корицей. На сцене настраивал микрофон мужчина в костюме длинноклювой птицы, в смокинге, с черной бабочкой.

Слушателей было немного, не больше тридцати человек, в основном молодежь. Рядом с Мариной обмахивалась веером грудастая женщина в черном атласном платье с алой окантовкой. На правой груди красовалась красная пика, как в картах. Такая же была на левой ягодице. Волосы цвета воронова крыла пиковая дама уложила в подобие короны.

— Хочу начать стихотворением Александра Барабашева. «Все, кого мы любили», — проговорил чтец приятным контральто. — Но прежде хотелось бы вам всем пожелать взаимной любви. Итак, с вами Николай Матросов.

Все, кого мы любили, от нас не уходят, Остаются в углах, смотрят с легким укором, По Нескучному саду их призраки бродят, Развлекая деревья ночным разговором. Все, кого мы любили, нас жаждут и ранят, И от них не умчатся, мигнув стоп-сигналом, А умчишься, найдут и в болото заманят, И напорют душой на холодное жало. Все, кого мы любили, вовек не отпустят, Будут мчаться по следу, как гончие ада, И любовью убьют... и от этого грустно... Так что лучше не пейте любовного яда.

Слушая, Марина не заметила, как выпила вино. А ведь правда, каждая строчка — правда! Не избавиться ей от любви. Да, это глупо, да, разрушительно... Бежать отсюда надо. Позвонить Яну, пусть принимает дежурство, и уносить ног и, пока цела.

Она осмотрелась, но Юлю не нашла и потому следующее стихотворение не слушала — зашагала прочь. Едва не налетела на стеклянную дверь, выскользнула к своей лавочке. Народ разбрелся по парку; Кто-то танцевал под медленную музыку, кто-то прогуливался, кто-то аплодировал возле сцены. Голова кружилась от гремющей музыки и обилия красок.

А потом Марина остолбенела. Ее будто захлестнуло волной. Она ощутила себя замерзающей бабочкой, которую накрыла теплая ладонь, и ничего, кроме этой ладони, не осталось.

Чтобы не упасть, она вцепилась в лавочку, села, уверенная, что Артур или кто-то, ему подобный, на маскараде. Интересно, он тоже чувствует ее? Жарко сделалось, тесно. Телефон едва не выскользнул из вспотевшей ладони.

Телефон — та самая соломинка, ухватись же за нее, набери Яна. Он приедет, и все закончится. Накручивая себя, Марина вспомнила, как Артур вышвырнул ее на улицу, затем вспомнила мертвую Катю, пропавшую Оливию... Надо его остановить. Плевать на себя. Ради Оливии, да хоть ради Юленьки Тикус.

Давай же, сделай это! Марина уставилась на телефон, как на заклятого врага, открыла последние вызовы и с минуту не решалась позвонить Яну. Наконец зажмурилась, набрала его.

Щелчок.

— Марина? С тобой все в порядке?

— Похоже, он здесь, — прохрипела она.

— Уверена?

— Чувствую. То в жар, то в холод. — Она воровато огляделась. — Дышать нечем. Приезжай скорее.

— Хорошо. Слушай меня внимательно. Оставайся на месте и делай вид, что ничего не случилось...

— Ты в своем уме? — едва не сорвалась она на крик. — Извини. Мне страшно. Очень-очень страшно. Кажется, что снова сорвусь. Приезжай скорее!

— Тамлюдно, он не посмеет ничего сделать, — невозмутимо ответил Ян. — А вот если увидишь... Будь все время на виду, договорились? Попытайся найти его. Все, до связи.

Марина сунула телефон в сумочку, к фотоаппарату. Глянула в прозрачную воду, треплющую плавники золотых рыбок, перевела взгляд на небольшой пруд с кувшинками, где отражалась леди в алом платье и с бриллиантовой подвеской. Она что-то нервно доказывала скучающему богатырю с накладной бородой. Мужчина кивал, устремив взор в никуда.

Марина встала, вооружилась фотоаппаратом, сделала кадр. Потом сняла золотых рыбок и отраженную в воде пару. Огляделась. Где же скрывается Артур? Она была уверена, что узнает его по фигуре, но пока, слава богу, не видела никого похожего.

Затем начались парные танцы. Ее схватил под руку кудрявый сатир и принялся вертеть — едва успела сунуть фотик в сумку, — отчего голова закружилась еще сильнее. В толпе промелькнул давешний принц, развешивающий лапшу на уши женщины-кошки в черном латексе. Юленьки Тикус видно не было. Неужели Артур почувствовал опасность и сбежал, прихватив ее с собой?

Нет, странное ощущение не исчезло. Хотелось забиться в темный угол и не двигаться, но она вынуждена находиться здесь, искать взглядом Юленьку. Вот в паре с пандой кунг-фу танцует ее подруга-белка. Промелькнула — и исчезла. Сатир передал Марину Робин Гуду и ускакал с феечкой, гад похотливый.

Столько масок, под которыми не узнать человека! В полуметре проскользнул Дарт Вейдер — точно такой, как в фильме, и Марине сделалось совсем дурно. Она посмотрела на Вейдера пристально: высокий, с Артура ростом, голова повернута в ее сторону, но смотрит ли он на нее, из-за маски непонятно. Конечно, узнал, но понял ли, кем она стала?

Можно сказать, контакт произошел. Не осталось ни тоски, ни жалости, лишь холодная уверенность в своих действиях.

Надо затеряться в толпе, залечь на дно, дожидаясь Яна. Будто прочитав мысли, Робин Гуд увлек ее к зарослям бамбука, откуда она наблюдала за Бейдером, что возвышался над танцующими и вертел головой. Марина была уверена — он ее ищет. Убрав вспышку,

она сфотографировала ловца.

Наконец музыка стихла, Робин Гуд поднес к губам руку Марины, благодаря за танец, она улыбнулась и бочком, бочком стала протискиваться к выходу, чтобы встретить Яна и вручить пригласительный.

Чтобы не толкаться у входа и не привлекать к себе внимания охранников, Марина затаилась за зарослями тропических кустов с огромными листьями, формой напоминающими кофейное зерно. Привязанный за лапу по дереву лазал алый попугай с белой грудкой и черными крыльями.

Марина рассчитывала, что Ян наберет ее, и заставляла себя не суетиться. Как только наберет, она выйдет и вручит ему пригласительный. А вот что будет дальше, представить было трудно. Перестрелка в стиле Тарантино?

— Здрррасьте! — заорал на ухо попутай — Марина аж подпрыгнула, выругалась в сердцах и сосредоточила внимание на охранниках. Их было четверо: по эту сторону купола — два молодчика в костюмах, будто сошедшие с обложки журнала, еще двое угадывались снаружи, в гардеробной. Стояли они, чуть растопырив ноги и заведя руки за спину.

Марина глянула на мобильный. Яну она позвонила пятнадцать минут назад. Осталось потерпеть еще столько же, и он появится, и станет легче...

Запиликал телефон. Марина от неожиданности чуть его не выронила: Ян! Наверное, сейчас попросит ее выйти и вынести флаер.

— Алло, — проговорила она, прикрывая мобильный ладонью.

— Затаись где-нибудь, — велел он. — Спрячься, чтоб тебя видно не было.

— Но как ты пройдешь без приглашения?

— Это мои проблемы. Делай, что тебе говорят.

Из трубки донеслись прерывистые гудки. И что это значит? У конторы Яна уровень доступа, как у ФСБ, и перед ним открываются даже двери сильных мира сего? Крайне сомнительно. Но ему виднее, конечно, как ей лучше поступить. Марина огляделась и посчитала, что место выбрала удачное: гости сосредоточились вокруг сцены, здесь, в зарослях, ее почти не было видно. К тому же она удовлетворит любопытство и проследит, как Ян проникнет на маскарад без пригласительного.

Наверное, предъявит удостоверение и будет долго уговаривать охранников.

Она чуть рот не разинула, когда перед Яном распахнулась дверь, а охранники даже не шелохнулись, будто не видели его! Мало того, за его спиной появились эстонки, но и на них охранники не отреагировали.

Что же получается, Ян с напарниками умеют отводить взгляды простых людей? Или они загипнотизировали охранников? Ведь те не замечают непрошенных гостей!

Марина попятилась за кусты, поближе к толпе, сама не понимая, чего она испугалась. Интуиция подсказывала, что Ян, а особенно эстонки не должны знать, что она в курсе их способностей. Интересно, она когда-нибудь так сможет?

Поскольку Ян не стал ей звонить и предупреждать, что он уже здесь, Марина решила проследить за троицей и двинулась следом, прячась за растениями.

Никто не обращал внимания на то, что вновь прибывшие не в маскарадных костюмах. Ян вел себя как хозяин: шагал широко и уверенно, размахивал руками, хотя ему положено было красться, пряча пистолет. Оружия у него, похоже, не было. Эстонки едва ли не в ногу шагали следом, даже головами не вертели, а раздували ноздри, будто принюхиваясь.

Пробежала пара подростков в костюмах трансформеров — Сигрид едва успела отступить, чтобы они не снесли ее. Марина на миг остолбенела: да их все люди не видят!

Просто не видят! Интересно, как им это удастся и почует ли их Артур?

Да, и чем они собираются его обезвреживать?

Марина заняла пригорок, где росли лавровые кусты, постриженные в виде диковинных зверушек. Отсюда просматривалась большая часть парка до сцены, что за ней, видно не было.

Ян, взбирающийся на мостик, вскинул руку — эстонки, шагающие по широкой дорожке, остановились, а Марина присела, но продолжала наблюдать из укрытия. Сердце билось молотом о наковальню. Еще не поздно предупредить Артура... Тьфу, что за мысли! Надо подождать, когда Ян исчезнет из вида, и убраться с маскарада. То, что случится, ей, во-первых, видеть не положено, а во-вторых, она не знает, как себя поведет. Наверняка потом ее совесть заест, хотя она полагала, что Артура не станут убивать сейчас: им просто нечем.

С мостика, где стоял Ян, просматривалась часть сада, не видная Марине, но много ума не надо, чтоб понять, кого они там увидели и почему насторожились.

Дальнейшее происходило, как в кино: за зеленью мелькнула фигура в черном, грохнул выстрел, затем — еще один. Завизжали женщины, бросились врассыпную. Яна едва не снесли с мостика, он спрыгнул прямо в ручей с золотыми рыбками, всплеск не привлек внимания напуганных людей.

Эстонки разделил людской поток, Сигрид ступила на клумбу с фиалками, блондинке повезло меньше — ей пришлось протиснуться между розовыми кустами. На разорванном рукаве белоснежной блузки растеклось алое пятно, но Агнета не замечала царапины, сосредоточенная на враге.

А потом случилось странное: черный силуэт Дарта Вейдера, устремившийся к выходу, дернулся, будто в него выстрелили, замедлился. Теперь он не бежал, а ковылял, изредка оборачиваясь и поводя пистолетом из стороны в сторону, похожий на слабоющего, истекающего кровью зверя. Глаза Марины застелила пелена слез, и силуэт утратил четкие очертания. Охваченные паникой люди толкали его, оттесняли с дорожек, а эстонки стояли не шелохнувшись, с прижатыми к бокам руками. Ян уже выбрался из ручья и оглаживал промокшие до бедер джинсы. Оружия у него по-прежнему не было.

Когда слезы застлали глаза Марины, она увидела черные канаты, соединяющие эстонку и Артура. Канаты пульсировали, по ним к женщинам что-то перетекало. Мгновение — и видение истаяло, она растерла слезы по щекам. Вейдер уже еле плелся. Вот он ухватился за перила, стянул шлем и бросил на газон с постриженной травой, повернулся лицом к Марине...

Это не Артур! Какой-то молодой незнакомый мужчина. Из Марины будто весь воздух выпустили, как из воздушного шарика. Она присела на корточки и закрыла глаза рукой.

Разумом Марина понимала, что это наоборот плохо: опасность никуда не делась, рано или поздно Артур вернется за ней. Но глупое сердце продолжало его жалеть вопреки здравому смыслу.

Собравшись с силами, Марина выглянула из укрытия. Ловец лежал лицом в зеленой траве, тело распласталось на дорожке, вымощенной светлой плиткой. Крови видно не было.

Зазвонил телефон, Марина выхватила его из сумки: Ян.

— Ты где? — Голос казался взволнованным.

— Недалеко от выхода, — ответила она и попятилась за холм.

— Я тоже. Не вижу тебя.

— Видишь бугор с фигурами из кустов? Я недалеко от него...

— Оставайся на месте, иду к тебе.

— Что с ловцом...

Ян отключился. Марина отошла еще немного, обхватила себя руками. Ее трясло, зуб на зуб не попадал. Определенно Ян не хочет, чтобы она видела труп, и старается удерживать ее. Что ж, пусть будет так. Нетрудно сделать вид, будто ничего не произошло, а что напугана — и притворяться не надо.

А вот и он, огибает холм справа, машет рукой. Марина подбежала к нему, остановилась и спросила:

— Что с ловцом? Это... Это он?

Ян мотнул головой, обнял Марину за плечи и повел прочь от выхода наперерез взволнованной толпе, которую пытались успокоить охранники. Судя по обрывкам фраз, никто не понимал, что происходит и с чего вдруг один из гостей открыл пальбу. Хмурые парни в одинаковых костюмах не выпускали гостей и уже приступили к расспросам. Скоро здесь будет полно полиции.

На Яна и Марину вообще не обращали внимания, интересно, видят их или нет?

— Нет, мы ошиблись, работал не твой знакомый, а новичок, — запоздало ответил он.

— Как тебе удалось проникнуть на маскарад? Я хотела предложить свой флаер...

— У нас свои методы, успокойся, ты вся дрожишь.

— Я чуть с ума не сошла...

— Идем, выпьешь чаю.

Бармена на месте не было. Ян, по-прежнему отталкивающий взгляды, как гидрофобная поверхность — воду; сам прошел за стойку, включил тут же зашумевший чайник и принялся разглядывать бутылки.

— Лучше кофе с коньяком, — попросила Марина.

— Ты же за рулем.

— Понимаю, что это не способствует успокоению нервной системы, но ты ведь меня довезешь? Все равно рассчитывала вызвать такси.

— Конечно, довезу. — Он принялся колдовать с кофемашиной, себе налил зеленый чай и взял кекс с изюмом.

Марина поразмыслила и выбрала пирожное с кофейным кремом. Глюкоза после стресса хорошо действует на организм.

— А все-таки... Ловец, что с ним? Это вы стреляли?

— Он по нам. Но не переживай, он мертв.

Марина потупилась, сделала вид, что ответ ее удовлетворил. Ей не нравилось, что Ян юлит и уворачивается. Спроси она о произошедшем напрямую — тоже ведь не ответит. Но хотя бы сказал, что ловец умер, и то хорошо.

Вопрос о том, откуда взялись эстонки и что у них за техника бесконтактного боя, повис в воздухе. Ян и остальные сотрудники так не умели, иначе они не открыли бы огонь, когда зачищали бар «Филин», а перебили бы ловцов на расстоянии.

Выходит, Агнета и Сигрид — что-то типа спецназа, который вызывают, когда надо зачистить «гнездо». Только вот откуда они взялись? На людей эстонки походили только внешне, поведением они напоминали киборгов. Ян прав: такие справятся с ловцами собственными силами.

Ее размышления прервал строгий голос:

— Молодой человек, вы ведь не из гостей? Почему не в костюме?

Над ними навис мужчина в протокольном костюме охранника.

Ян сделал удивленное лицо, огладил серый пиджак и ответил:

— Вы ошибаетесь. Как раз таки я в костюме. В костюме человека. Что — не похож?

Марина хихикнула, а сама подумала, что, во-первых, Ян стал видимым для окружающих, а во-вторых, в его шутке даже доли шутки практически нет. После увиденного она засомневалась, что эстонки — люди. Да, она немного верила в ведьм, привороты, порчи и прочее. Теперь верила в ловцов душ, но чтобы по улицам города разгуливали чертовски опасные боевые маги... Если они ловца в пару минут оприходовали, то чтобы уничтожить простого человека, им одного взгляда достаточно.

Охранник нахмурился, пожевал губу, но расспрашивать дальше не стал.

Тем временем организаторам удалось возобновить действие — из-под купола по-прежнему не выпускали, и приходилось делать вид, что все так и задумано. На сцене плясала очередная певичка, люди собрались кружками — обсуждали случившееся. Молодежь уже начала веселиться. Сначала Марина пыталась отыскать взглядом Юленьку Тикус, было интересно, узнала ли она о смерти своего палача или сейчас, ни о чем не подозревая, слушает поэтов в другом секторе.

Вернулся бармен — слегка пришибленный происшествием, но пытающийся сохранить невозмутимость.

Допив кофе, Марина заказала себе еще коньяку и, ощущая растекающееся по телу тепло, проговорила:

— Жаль, что не выпускают. Я бы поехала домой, что-то мне невесело.

Ян прыгнул со стула и протянул руку Марине:

— Поехали. Как раз джинсы подсохли. Не волнуйся, нас выпустят.

Марина вспомнила, как он прыгал в ручей, затем память нарисовала эстонку, стоящих спиной, от которых к ловцу тянутся пульсирующие темные канаты. Тень Артура, падающая на ее жизнь, поблекла и съезжилась. Теперь есть кому ее защитить.

Коснувшись прохладной ладони Яна, Марина окончательно успокоилась. По крайней мере несколько дней ей ничего не угрожает. Артур наверняка узнает, кто убил его подельника, и побоится заявиться к ней.

В «фильтрационной» молодая улыбчивая гардеробщица выдала пальто. Распахнулась входная дверь, и мимо прошагали люди в белых халатах, со складными носилками. Только сейчас вспомнилось, что Тампошка завтра затребует сенсацию, Марина выхватила фотоаппарат и сняла медиков. Совсем мозги отшибло. Но ничего, и так материал свежий, горяченький. К тому же фотографии ловца в костюме Вейдера есть.

Плюхнувшись на пассажирское сиденье, она уставилась в окно, проводила взглядом свой «Ланос», выхваченный светом фар. Здесь его точно никто не тронет — кому нужно это ведро с болтами, когда рядом стоит розовый «Порше», весь в стразах? Если от него отломать дверцу, выковырять стразы и продать, можно два таких «Ланоса» купить.

Марина перевела взгляд на Яна, сосредоточенного на дороге.

— Как думаешь, надолго ловцы затихнут? В смысле, мне можно на некоторое время расслабиться?

— Думаю, да, пару недель они побоятся высовываться, — кивнул Ян.

Марина зевнула, расстегнула пальто. Ощущение было, словно это не ловца душ выпили досуха, а ее. Она пыталась провести параллели. Есть ловцы, которые питаются людьми, а есть ликвидаторы, способные то же проделать с ловцами. Откуда берутся и те и другие? Они точно одного поля ягоды, и к людям имеют косвенное отношение. Неплохо бы разобраться, кто они, откуда взялись, тогда станет ясно, что делать, как бороться с Артуром.

Может, они — лишь ступень эволюции человека, и Марина постепенно обретает те же загадочные качества? Сможет ли она не привлекать внимания, управлять другими людьми?

Молча доехали до Маринино дома. Ян не стал глушить мотор, как бы намекая, что не собирается провожать ее до двери. Дескать, опасности нет, возвращайся, а мне пора.

— Спасибо, — уронила она, хлопнула дверцей и поспешила к подъезду, не оглядываясь.

Ввела код, окунулась в тепло, пахнущее свежим ремонтом, и взбежала по лестнице на свой этаж. Сунула ключ в замочную скважину, попыталась повернуть его привычным движением, но ключ заело.

Что ж такое? Раньше он работал исправно. Надо смазать механизм.

Открыть получилось с третьего раза. Переступив порог, Марина сразу же повернула ручку замка, включила свет, повесила пальто и собралась перевести дыхание, но почувствовала странное и невольно прижалась к стенке.

Что-то было не так. Да, это ее квартира, вон на вешалке — куртка и шапка. Один сапог перевернут, второй стоит, синие тапочки ткнулись носами в стену. Дверь в кухню приоткрыта, в спальню — захлопнута. Вроде так и было, но откуда тогда ощущение присутствия чужака, причем такое явное, что волосы на голове шевелятся?

Темнота. Лишь в коридоре горит свет. Что там, в комнате? Вдруг скрывается кто-то?

И тут до Марины дошло, откуда тревожащее ощущение: запах. Едва уловимый запах мужских духов. Но Артур пах древесной корой, а не морозной свежестью.

Проверить, есть ли кто в комнате, Марина не стала, пулей вылетела вон, захлопнула дверь и, спускаясь по лестнице, набрала Яна. Он не ответил: или не слышал, или не мог взять трубку.

В отлично освещенном подъезде Марина остановилась. И что теперь делать? Надо было к маме ехать, как планировала сначала.

В принципе, выходов несколько. Первый — вызвать такси и убраться туда. Второй — вернуться домой, осмотреть комнаты. Скорее всего никого там нет, Артур уже ушел или вовсе почудилось после переживаний вечера. Третий — позвонить в полицию. Глупо, конечно, зато риск минимален. И последний, самый здравый, — подождать, пока ответит Ян. Марина набрала его еще раз, выругалась и привалилась к стене, не боясь испачкать парадно-выходное платье.

«Ну же, Ян, где тебя носит, когда ты нужен?»

Дернувшись, загудел спускающийся лифт. Ехал он с верхних этажей, потому Марина, не опасаясь, что это незваный гость, смотрела на мигающие кнопки. Пятый этаж. Четвертый. Третий. Второй. Приехали!

Створки с шумом разъехались, выпуская молоденькую девушку в розовой шубке, с букетом в руках. Увидев Марину, девушка выронила букет и заверещала диким голосом, отступая. Но лифт закрылся, она уперлась в дверцы спиной и продолжала орать, вытянув перед собой руки.

На мгновение Марина оторопела, а потом рассмеялась, забыв даже о чужаке в квартире. Представила, что девушка засиделась у подруги, выпила вина или пива, фильм посмотрела. Вот уже полночь близится, пора домой. Уставшая, разомлевшая, она спускается на лифте. Открывается дверца, а перед ней — то ли кикимора, то ли какой-то дух...

— Не кричи, — примирительно сказала она. — Я была на карнавале.

Девушка икнула и закрыла рот. Вылупилась на Марину и нетрезво хихикнула, попыталась поднять букет, промазала мимо него. Со второго раза получилось.

Икая, она замерла напротив Марины:

— А я думала... Ик! Думала... — запрокинув голову, она расхохоталась, дрыгая ногой.

Марина тоже смеялась, не в силах остановиться. Едва она успокаивалась, смотрела на девушку, и ее скручивал приступ смеха.

В чувства Марину привел звонок. Прикрывая телефон рукой, она проговорила:

— Ян, у меня кто-то в квартире. Боюсь туда заходить.

— Жди. Еду.

Вот сама собой и разрешилась проблема. Сейчас Ян вызовет эстонок, и с Артуром будет покончено. Если он в квартире, конечно. Запах все-таки незнакомый, хотя и тревожащий.

Девушка попрощалась и вышла из подъезда.

К полуночи дороги опустели, и Ян примчался минут через десять, шагнул навстречу, обнял Марину и проговорил:

— Не бойся, пошли.

На лестничной клетке он остолбенел и даже не мигал — старался почуять врага. Помотал головой и сказал:

— Там никого нет, это точно.

— Но был, я знаю, — проговорила Марина, обхватив себя руками.

Ян тяжело вздохнул:

— Ты ведь умеешь их чувствовать, — сказал он с укором.

— Так я и почувствовала. Оливию вспомнила. Но теперь... да, теперь тоже не чувствую.

Ян положил руку Марине на плечо, развернул ее.

— Мне еще ехать далеко. Джинсы у тебя можно высушить?

И что? Вредность советовала выставить его на улицу здравый смысл — распрощаться мирно, а напутанной маленькой девочке, которую Марина редко слушала, хотелось, чтобы пришел кто-нибудь сильный, сделал все правильно и хорошо.

Она молча открыла дверь и махнула рукой, приглашая гостя. Войдя, он принялся, свел брови у переносицы.

— Да, тут кто-то побывал, — кивнул Ян, разделся и протопал в кухню, толкнул дверь, включил свет.

Марина осмотрелась: вроде все вещи на местах. Будь она аутистом или педанткой, заметила бы, что чашка сдвинута, в ящике пластиковые крышки лежат не по цвечу пакет с гречкой повернут... Но Марина не запоминала таких мелочей.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Чувствую, как когда ищейка берет след. Ты тоже так можешь, только пока еще не осознанно, и тревожишься, чуя ловца.

Марина кивнула. И вдруг заподозрила Яна в том, что он водит ее за нос: хитро строит фразы, да и она не ловца почуяла, а чужой запах. Но зачем ему уходить от ответа? Неужели есть что скрывать?

— Халат имеется? — спросил он, расстегивая ремень. — Не могу больше в мокром, И дай мне утюг, чтоб высушить...

— Подожди, краску с лица смою и сама все сделаю. А то люди меня пугаются...

Ян вскинул бровь:

— Так уж и пугаются?

— Да, пьяная девушка в подъезде приняла меня за галлюцинацию.

Марина шагнула в спальню, распахнула шкаф и сняла с вешалки махровый желтый халат, протянула Яну. Сама плеснула себе коньяку, выпила залпом и отправилась в ванную отмываться. На это ушло минут пятнадцать — въедливая краска никак не хотела сходить.

Закончив, она собралась было облачиться в домашние джинсы и футболку... но ее ждал Ян. Почему-то казалось, что нужно предстать перед ним в приличном виде, и Марина надела черные брюки в обтяжку, золотистую кофточку. Причесалась и подвела стрелки.

— Кнышева, — проговорила она своему отражению. — Никак, ты совсем оголодала и решила соблазнить первого встречного мужчину... Ладно-ладно, не первого встречного, а первого приличного.

Ян, закутавшийся в желтый халат, ждал ее на табурете в кухне, постукивая по фарфоровому электрочайнику. Выглядел коллега антиэротично, скорее, трогательно. Возникло желание накормить его, почесать за ушком и усадить за газету под телевизор.

— Хотел чаю заварить, да не нашел, где он у тебя, — пожал плечами он. — Утюга тоже не дождался.

— Конечно же, чай в баночке с надписью «соль», — процитировала Марина бородатый анекдот, распахнула шкаф. — Тебе какой: черный, зеленый или пакетированный?

— Зеленый, не из пакета, если можно.

Марина насыпала заварку в чайник, залила кипятком, поставила чашку напротив Яна.

Она покосилась на коллегу: правильные черты мужественного лица, ямка на подбородке, синие глаза, четко очерченные красивые губы. Мечта! Любая женщина на месте Марины от счастья прыгала бы, а она харчами перебирает, да еще какими!

Будто прочитав ее мысли, Ян посмотрел на нее заинтересованно, улыбка тронула его губы.

— Марина, у тебя есть что выпить? Утомил меня сегодняшний день.

— Коньяк, вино красное сухое и белое полусладкое...

— Пожалуй, коньячку.

Марина покосилась на джинсы, лежащие на батарее. Похоже. Ян решил тут заночевать — не сядет же он за руль «под газом». И правильно, так спокойнее... Спокойнее ли?

Пока ходила за коньяком, она прислушивалась к себе, пыталась понять, чего ей хочется. Секса? Есть немного. Конкретно Яна, или это хмель кружит голову? Да как бы там ни было, главное, появилось желание! А значит, и надежда, что скоро она вернется в мир большого секса, а не продолжит влачить монашеское существование.

— Наливай, напьемся. — Она поставила бутылку на стол.

Ян откупорил ее, налил. Бокалы соприкоснулись с жалобным звоном, его рукав коснулся Мариной руки — аж мурашки побежали.

Опустошив бокал, Марина расслабилась, наслаждаясь огнем, струящимся по жилам. Ян смотрел пристально, и непонятно было, он мысленно снимает с нее одежду или изучает как диковинную зверушку.

Марина и сама до конца не была уверена, что сегодня Ян очутится в ее постели. Еще неделю назад она не могла представить его в роли любовника, сейчас же что-то изменилось. Или просто хочется тепла, заботы, поддержки, а Ян — понятный, надежный, на него можно рассчитывать?

После второго бокала мысли начали путаться, веки — слипаться. Ян никак не проявлял заинтересованности, что стимулировало Марину, заставляло томно вздыхать, накручивать прядки волос на палец, поедать гостя взглядом.

В его глазах, будто подернутых вечной мерзлотой, не отражалось чувств. Или таким, как он, уже неинтересен секс, а флирт и околопостельные игры — тем более? Артура секс вполне себе интересовал, но с «пищевой», если так можно выразиться, целью: выкачать из жертвы силы.

Ну не набрасываться же на него! Выпив третью порцию коньяка, Марина неуверенно встала, громохнув табуреткой.

— Ты будешь спать на кровати или на полу? — поинтересовалась она, стараясь из последних сил, чтобы голос звучал трезво.

Ян не ответил. Тоже поднялся, шагнул к ней, обдав запахом дорогого парфюма. Молча собрал ее волосы в пучок на затылке, чуть запрокинул голову и прошептал в самое ухо:

— Ты сама знаешь, что сегодня я буду спать с тобой. Я слишком долго ждал этого.

Но вместо того, чтобы страстно поцеловать его или прикинуться к нему, обхватить ногой его бедро, она вжалась в стену, цепenea, будто девственница во время первой брачной ночи. Доигралась. Дособлазнялась, дурища пьяная!

Три месяца назад был Артур, тогда она никого на пушечный выстрел бы к себе не подпустила. Потом, когда изгнала его из мыслей, стоило представить кого-то в своей постели, как захлестывал панический страх. Затем страх отступил, и потянулись размеренные будни, наступило хрупкое равновесие.

И вот чужой... Ну да, пусть хорошо знакомый, но все равно чужой мужчина с непривычным запахом сейчас разденет ее, повалит на кровать... И томно, и страшно при мысли об этом. Страшно раскачать равновесие и снова оказаться у края бездны, непривычное дыхание так близко, запах... А молодость, темперамент и алкоголь берут свое, и тянет в низу живота, хочется отдаться ему, раствориться в нем и ни о чем не думать.

И одновременно тошно, муторно. Оттолкнуть бы его, выдворить за зону комфорта, пусть все остается, как было: прохладно, уединенно, но спокойно. То есть понятно и предсказуемо. И чтоб никто не проникал в ее хрупкий мир, с таким трудом слепленный из осколков.

Похоже, Ян не заметил ее замешательства. Или заметил и попытался склонить чашу весов в свою пользу, закрыл рот требовательным поцелуем.

Марина зажмурилась, все еще не зная, что делать дальше. Ведь еще не поздно оттолкнуть его, и он уйдет, не посмеет настаивать. Невольно она шевельнула губами, и кончик его языка раздвинул зубы, проник в рот.

Затем Ян отстранился, потянул задышающуюся Марину за волосы, запрокидывая ее голову сильнее, и припал губами к ямке между ключицами.

Марина вскрикнула, вцепилась в его плечи, стараясь то ли притянуть, то ли оттолкнуть его. Так жарко стало, так хорошо, что по ту сторону сомкнутых век вспыхивали разноцветные крути.

— Ты очень нежная, — шепнул он, взял в рот мочку уха и принялся ее покусывать.

Собранные в пучок волосы по-прежнему были в его руке, и Марина не могла отвернуться, даже если захотела бы. Все еще было страшно и непривычно.

Наконец Ян выпустил ее волосы, руки, оглаживающие спину, нырнули под кофту, сняли ее, а потом Ян встал на колени, лизнул сосок, обхватил его губами и вытянул. Вторую грудь он принялся мять, пропустив сосок между пальцами.

Задохнувшись, Марина прижалась к нему. Только бы он продолжал, не останавливался! Улыбнувшись, Ян быстро освободил ее от брюк, стянул бирюзовые кружевные трусики и

отстранился. Неуютно сделалось под его взглядом, и Марина невольно прикрылась ладонями.

— Ты прекрасна, — проговорил он, взял ее руки и развел в стороны.

На миг стало неловко, зябко, захотелось убежать, но Ян развернул ее спиной, прижал к себе и прошептал в самое ухо:

— Девочка моя, не бойся.

Ах, если бы это было так просто! Возбуждение как рукой сняло. Ну что ж за напасть такая... Хоть одевайся и уходи. Он поймет, должен понять...

Будто услышав ее мысли, Ян шагнул в сторону. Но не шарахнуться от него захотелось, а чтобы он опять обнял и дышал в шею. И все. И не надо больше ничего. Но он же не захочет так, вот и ушел...

Щелкнул выключатель, и воцарилась тьма. Черный силуэт скользнул навстречу, приник сзади, нежно провел пальцем от затылка вниз, надавил на поясницу, заставляя Марину лечь на диван.

— Расслабься. Все хорошо.

По спине скользнули теплые шершавые ладони, размяли плечи, огладили бока, прогулялись по ягодицам. Ян улегся сверху, и снова она ощутила сладкое томление, захотелось, чтобы он продолжал. Будто отзываясь на ее желание, его руки совершили бесстыдство, и Марина невольно вздрогнула, застонала. В ушах зазвенело, она уткнулась в подушку и выгнулась, впуская его пальцы глубже, двигаясь ему навстречу.

Неловкость как рукой сняло. Как хорошо, господи, мамочки, ма... Она не заметила, что кричит. Укусила себя за губу, царапая подушку. Еще немного, и ее накроет с головой.

Почувствовав это, Ян навалился сверху, вошел, заполняя Марину целиком. Она приняла его. Ей казалось, что ее нет и его нет. Ничего нет. Они висят среди пустоты, вокруг искрами вспыхивают новые созвездия, качаются в такт: медленно, быстрее, быстрее. Вот уже не разглядеть ничего. Вспышка, еще вспышка прокатилась по телу волной. Воцарилась звенящая пустота. Больше не было рождающейся Вселенной, два человека лежали, обнявшись.

Ощущение теплой наполненности закончилось. Осталась звенящая пустота открытого космоса. Захотелось закутаться, накрыться с головой и замереть, пока жизнь снова не наполнится ощущениями.

Постепенно вернулась способность думать. Марина будто бы наблюдала себя со стороны, анализировала произошедшее. При одной мысли о том, что полет может повториться, бросало в жар. Пока еще хмель не выветрился из головы, а завтра... Что будет завтра? Не пожалеет ли она, что испортила дружбу сексом? Отличным, надо сказать. Просто неописуемым.

Невольно вспомнился Артур. Тогда тоже была страсть, но другая. Марина сама вела, задавала ритм отношений, Артур подстраивался. Теперь же она полностью доверилась Яну, и он разжег в ней огонь, который, думалось, погас навсегда.

И теперь... Что будет теперь, она запретила себе думать.

— Пойдем в душ, — сказал Ян, накидывая халат.

Держась за стену, Марина побрела в ванную, немного ожила под горячими струями воды. Несколько минут полета — и опустошение. Стоит ли оно того? Хочется ли ей повторить? Она прислушалась к себе: хочется, причем прямо сейчас. Нет, сейчас надо поспать, уткнувшись носом в теплый бок.

Когда она вышла из душа — чистая и благоухающая, Ян сгреб ее в объятия, чмокнул в макушку, вытащил из волос увядшую травинку.

— Теперь — спать.

Марина кивнула, рухнула на кровать, бросив полотенце, в которое была закутана, на пол, откатилась к стене. Как хорошо и спокойно!

— Помнишь, ты предлагал мне пожить у тебя, пока... В общем, пока не поймаете ловца? Я не против, если что.

Ян обнял ее сзади, поцеловал в шею.

— Понимаешь, ловец почует тебя, где бы ты ни пряталась. Лучше попытайся вспомнить, где находится место, где подобные ему могут тайно встречаться. Вспомнишь — считай, проблема решена.

Марина усмехнулась. Обидно, черт побери! Да, мы переспали, да, я помог тебе, но ко мне — ни-ни. Интересно, он просто не хочет видеть ее рядом или что-то скрывает? А предлагал тогда зачем?

Ян похлопал ее по бедру:

— Не дуйся. У меня сейчас эстонки живут.

— Ах вот в чем дело. Здорово тебе. Сразу две женщины...

Ян развернул Марину, ей почудилось, что льдистые глаза сверкнули огнем:

— Не понял, ты что, ревнуешь?

— Вот еще, — улыбнулась Марина.

Он закрыл ладонью ее глаза:

— Тогда спи. И ни о чем не переживай.

Удивительное дело. Марина уснула, едва ее голова коснулась подушки. Проснулась она от того, что кто-то перебирал ее волосы, распахнула глаза, уставившись на Яна. Потянулась и прижалась, закинув ногу ему на бедро.

Ян надавил на ее нос:

— Восемь. Мне ехать надо. А ты на работу не опаздываешь?

— Черт! — Марина вскочила с кровати, заметалась по комнате. — И машина там осталась...

Ян свесил ноги с кровати, достал из джинсов пару тысячных купюр:

— Тебе на такси. Я правда опаздываю, извини.

— Да понятно, не бери в голову, — прохрипела она, глядя на сжатые в кулаке купюры.

Не бери в голову, ага. Уже взяла. Бывало хуже, да. Когда единственный раз она по пьяни поехала после дискотеки к симпатичному мальчику, а он после секса отправил ее домой на такси. Тогда она ощутила себя использованной прокладкой и зареклась так делать. Теперь было иначе, как... Как? Она пыталась осмыслить эмоцию. Пустота, наполненная приятным звоном пережитых ощущений. Похожее чувство, когда покупаешь понравившуюся вещь, утром меряешь ее перед зеркалом и понимаешь, что она тебе не идет. Нет-нет, Ян не вещь, некорректное сравнение. Но почему его поступки вызывают такой тошнотворный отклик? Было бы иначе, если бы он остался? Или он должен был отвезти ее на работу, а не давать деньги на такси?

Но он правда опаздывает! Деньги она вернула, сказав:

— Извини, не могу их взять. Не потому что ломаюсь. Просто ситуация неподходящая.

Ян улыбнулся, положил купюры на стол:

— Ладно, женская душа — потемки. Иди в душ, я кофе уже сварил.

Когда Марина освежилась, Ян уже допивал кофе. Помыв чашку, поцеловал Марину в лоб.

— Если что случится, сразу звони.

— Конечно, — уронила она, подперев голову рукой.

До чего же мерзкое чувство! Оно было бы еще более мерзким, если бы Марина провела ночь у Яна, а утром он выставил бы ее за дверь. А так он просто уходит на работу, не сбегает, нет.

Поставив чашку в сушилку, Ян натянул высохшие джинсы, еще раз поцеловал Марину, как ей показалось, без чувств, зашагал в прихожую одеваться.

Не думать о нем. Думать о чем-то другом, например о работе...

Оливия! Надо позвонить ее матери, поинтересоваться, не вернулась ли она. Попрощавшись с Яном, она кинулась к телефону, набрала заученный номер, гудки, гудки. Надо же, произошедшее заставило забыть о подруге! Стало стыдно перед собой.

Никто не ответил. Значит, мать Оливии или спит, или уехала к родственникам, и Оливия не вернулась. Что и следовало доказать. Мысли о прошедшей ночи отступили, стало бесприютно и одиноко. Столько переживаний, что одно глушит другое. За что все это? Марина никому не делала и даже не желала зла, жила по совести и по любви, и тут ловцы эти, таинственные женщины, выпивающие жизненные силы, и Ян. Который тоже не вполне человек, и непонятно, чего от него ожидать. Вот ведь вляпалась!

Оливия, где ты? Жива ли? Как помочь тебе?

Еще и на работу ехать, думать о ней... Черт! Марина ведь прохлопала сенсацию! Срочно нужно написать о перестрелке, пока никто не опередил. Вроде, кроме нее, журналистов на маскараде не было, а значит, и фотографий в Сети нет.

Марина перегнала фотографии, отобрала пару снимков с Вейдером, прикрепила к пока еще пустому документу, затем нашла фотку с санитарями, входящими в «фильтрационную». Труппа нет, ну и ладно, и так все понятно.

Она сделала бутерброд, откусила огромный кусок, запила кофе, закашлялась, подавившись. Итак, что писать? Вечеринка, бла-бла-бла, все круто. Группа такая, группа сякая... У посетителя в костюме Дарта Вейдера начался психоз, он выхватил пистолет и принялся стрелять в воздух. Спустя пару минут смутьян упал замертво. Какая печаль! Испорчена замечательная вечеринка! Кстати, кто был в костюме злого джедая?

Надо погуглить.

Как она ожидала, поиск не дал результата. Пришлось писать: «Не стоит звать знакомцев на праздник, они могут его испортить».

Нормально. Теперь подправить, придумать название и отослать Тампону. С заглавиями у Марины было плохо, порой она придумывала их дольше, чем писала саму статью.

«Происшествие на карнавале». Нет, не пойдет, слишком школьно. «Дарт Вейдер испортил вечер»... Фу! О! «Никогда не приглашайте ситхов». Марина щелкнула кнопку «отправить». Лови, Тампошка, радуйся. Вторую статью она напишет об исчезновении Оливии.

Вызвав такси, Марина принялась одеваться, пытаясь осмыслить случившееся ночью. Что это было, она так и не поняла. Как теперь вести себя с Яном, тоже непонятно. Лучше делать вид, что ничего не случилось и все по-прежнему.

Спускаясь по лестнице, она мурлыкала себе под нос прилипчивую песенку, у двери столкнулась с девчонкой, которую напугала. Протрезвевшая девушка, естественно, не узнала ее без грима, нажала на кнопку, открывая дверь. Марина остановилась поодаль, ощущая смутную тревогу. Откуда чувство? Ничто ведь не предвещает...

Запах. Тот самый мужской запах, который она учуяла в квартире.

Дверь подъезда распахнулась, и Марина шагнула на улицу вслед за девушкой, прищурилась на пронзительное осеннее солнце, брызнувшее из-за туч, искала взглядом такси, но зацепилась за фигуру в сером плаще и широкополой шляпе. Ссутулившись, мужчина спешно шагнул прочь.

Осознание, что это и есть ловец, пронзило насквозь. Подобный первобытный ужас охватывает лошадей, почуявших волка, или пичуг; зашедших ястреба. Марина попятилась, налетела на мамашу с коляской, извинилась. Мамаша собралась было ругаться, но, увидев лицо Марины, сменила гнев на милость:

— У вас все в порядке?

Марина мотнула головой, прижалась к стене. Силуэт ловца исчез из вида, и тревога немного улеглась.

— Нормально, — прохрипела она и переступила порог подъезда.

На улице набрала Яна, но он не ответил. Холодный порывистый ветер хлестнул по щекам, отрезвляя. Запиликал телефон — Марина подумала, это Ян откликнулся, но звонили из такси. «Дасия» с шашечками припарковалась возле подъезда, и Марина ответила оператору, когда плюхнулась на сиденье, что-де все хорошо, она видит машину.

Выехали из двора, и страх исчез, паника показалась блажью. А вдруг преследователь ей пригрелся? Нервы расшатались, вот и видится всякое. К тому же человек в сером был ниже Артура и вроде бы плотнее. Ели бы Ян ответил, она истерила бы в трубку, а когда он приехал, преследователя бы и след простыл. Пришлось бы краснеть за истерику — раз, два — опоздала бы на работу.

Страх перешел в хроническую форму — осталось тягостное предчувствие беды, нависшее чернильными тучами. Плюс щемящая тоска. Плюс беспокойство за Оливию — никто ведь не знает, что происходит на самом деле, а значит, полиция бессильна, только Ян и ему подобные могут помочь.

На пороге офиса Марина привычно огляделась. В последнее время, стоило ей выйти из квартиры, сразу же возникало ощущение слежки. Вот, сейчас опять. Но как только обернешься, убедишься, что позади никого нет, и чувство исчезает, чтобы через пару минут появиться снова.

Сейчас-то чего? Уж точно никто не следит, потому что нереально просчитывать Маринины действия и попасть в пункт назначения одновременно с ней. Или он ехал следом за такси?

«Господи, ну и бред», — подумала она, закрывая дверь и поднимаясь в редакцию. В коридоре она чуть не налетела на Кристину.

— О, Марина! Ты с карнавала? Как все прошло? Заходила к тебе в контакт, там нет фотографий.

— Некогда было их вывешивать, — отмахнулась она. — Да и селфов не сделала — не до того было.

Кристина увязалась следом:

— Расскажешь?

Марина вошла в кабинет, повесила пальто на вешалку.

— Не поверишь, Дарт Вейдер выхватил пистолет и открыл огонь.

— Да ладно.

Танюха, стучащая по кнопкам, оторвалась от работы и повернулась к Марине.

— Мне слышалось, или ты упомянула Вейдера?

Пришлось повторять для Тани, добавив, что спустя минуту Вейдер упал замертво.

— Скоро статья выйдет, прочитаете, — она подмигнула Тане.

Кристина надула губы:

— Ну и везет тебе, Кнышева! Где ты, там сенсация.

Марина уселась в кресло, включила комп.

— Если тебе нравится, что везде, куда ты приходишь, случаются катастрофы, завидуй.

Танюха задала вопрос по теме:

— Купол-то хоть цел? Раненые есть?

— Все целы, — кивнула Марина, отмечая, что Ян не перезвонил. Вдруг с ним что-то случилось?

Странно, но за Оливию она переживала гораздо больше, чем за мужчину, с которым провела ночь. Отчего-то она была уверена: Яну ничего не угрожает в отличие от нее самой.

Затрещал коммуникатор, оттуда раздался голос Тампошки:

— Кнышева, ты на месте?

— Доброе утро, — отозвалась Марина.

— Забегу ко мне на минутку, разговор есть.

— Прямо сейчас?

— В течение десяти минут.

— Уже иду.

Не успела Марина встать с кресла, как в коридоре зазвенело стекло, взвизгнула женщина, зарычал какой-то зверь. Кристина всплеснула руками:

— Господи, что это?

Танюха метнулась к двери, распахнула ее, и в кабинет вкатился клубок из женских тел: русые волосы, волосы рыжие, локти, колени, спина, чей-то зад. В одной из дерущихся Марина опознала Полиночку, новую любовницу Тампошки, вторую она не узнавала. Полиночка верещала и молила о помощи, рыжая толстуха рычала и обзывала соперницу стервой, шалашовкой и подстилкой.

— Прекратить! — заорала Танюха звонким голосом. — Полиция! Всем встать!

Как ни странно, действовало — толстуха на четвереньках шарахнулась в сторону, растрепанная Полиночка в разорванной блузке осталась сидеть на полу; пятная ламинат кровью из разбитого носа. Толстуха поднялась, и Марина узнала Елену Михайловну, жену Тампошки.

Какая-то добрая душа поведала ей, что у мужа появилась любовница, вот она и нагрянула.

Елена тряхнула вторым подбородком и приняла позу быка, готовящегося к атаке.

— У вас тут публичный дом, а не редакция! — проговорила она и собралась атаковать Полиночку, но та резво вскочила и спряталась за Маринину спину с воплем:

— Убивают!

Нападающая замешкалась, ее щеки налились кровью. В распахнутую дверь заглядывали встревоженные сотрудники, наконец кто-то посоветовал позвать Тампона. Слава богу, Елена больше не атаковала, стояла посреди кабинета под прицелами любопытных глаз, будто оплеванный гладиатор.

— А ну иди сюда. Боишься? — Она встряхнула головой, где когда-то была прическа — пчелиный улей, а ныне топорщилось разоренное гнездо. — Стыдно тебе, вот и прячешься! А ты выйди, в глаза мне посмотри! — Елена взмахнула руками. — Вот в эти глаза! Да я из него человека сделала, лучшие годы жизни ему отдала!

Из коридора донеслось:

— Идет.

— Да вон же он!

Полиночка вышла из-за Мариной спины, шмыгнула носом и подалась к двери. Только теперь Марину пробрало, словно эмоция глуповатой влюбленной девушки передалась ей. Радость, сомнение, а после — страх, что любимый отречется, обнимет жену-гангрену, и закончится сказка.

Наконец в кабинет вошел Тампон, воровато озираясь, как напавший пес. Марине подумалось, что все, конец его роману, сейчас, поджав хвост, забьется под каблук своей Лены, а Полину уволит. Может, он будет продолжать ее проведывать, но с оглядкой. Да и захочет ли она после такого унижения?

Елена уперла руки в бока.

— Вот он, кобелина! Ах ты сластолюбец старый! — Она потрясла кулаком. — Да ты посмотри на нее! Да ей деньги твои нужны, и все, чучело ты колченогое!

— Неправда, — пискнула Полина, пылая праведным гневом.

И тут произошло невозможное. Марина вряд ли удивилась бы сильнее, если бы сейчас потолок исчез и на ковер приземлились инопланетяне. Тампошка — не вредный главред, которого все побаивались, а несчастный мужчина, затюканный домашним деспотом, — расправил плечи и будто вырос на голову. Поправил очки и вздернул подбородок.

Сейчас он напоминал слона, который пасся, не поднимая головы, терпел машины и выхлопные газы, мирился с людьми и вдруг вострубил и понесся напролом, сметая все на своем пути.

— Развод, — проговорил он, раздувая ноздри. — Все, Лена, это — развод. И убирайся отсюда, не позорься.

Марина выдохнула с облегчением, развернулась и обняла Полину; благодарно уткнувшись ей в шею.

Народ, заинтересованно гудя, начал расходиться. Теперь Лена напоминала побитую собаку — потрепанную жизнью, с обвислыми боками.

Пораженная невозможным, возмущенная до глубины души, она разевала рот, не в силах выдать ни звука.

Тампон ушел, демонстративно хлопнув дверью. Сначала Марина подумала, что поединок обманутой жены и любовницы продолжится, но полностью деморализованная Елена рванула за мужем, из коридора донесся ее ор. Тампошка тоже орал.

— Вот это номер, — проговорила Кристина, дождавшись, когда Полина уйдет.

— Молодец Тампон, не ожидала, — сказала Танюха. — Не думала, что у него хватил силы духа.

— Да, — кивнула Марина. — И нам проще жить будет: теперь он поболеет.

— Марина, мы выиграли! — воскликнула Кристина. — Правильно поставили!

Марина искренне сопереживала Полине и радовалась, что теперь не три несчастных человека, а один. Да и у Лены появится шанс наладить жизнь, вместо того чтобы посвящать себя распиливанню мужа на сотни маленьких тампончиков. Если, конечно, для нее счастье не в этом.

Зазвонил телефон. Уверенная, что это Ян, Марина глянула на экран: номер был незнакомым. Мало ли кто. Чтобы не было лишних ушей, она вышла в коридор, где страсти уже поутихли:

— Алло.

Ответила женщина нервным, смутно знакомым голосом:

— Марина, привет. Слушай меня внимательно...

— Кто это?

— Оливия. Обо мне не беспокойся, у меня все хорошо. Ты в опасности. Не верь людям, которые помогают тебе, они врут.

— Где ты?

— Далеко. Со мной все хорошо...

— Не бойся, скажи, где он тебя держит! — прокричала Марина, разрываясь от отчаяния.

В американских детективах в это время всегда пытаются отследить звонок. Оливия напутана, это точно. Артур заставляет ее говорить под страхом смерти!

— Никто меня не удерживает насильно, — ответила Оливия спокойнее, и тут Марина увидела, что в коридоре, откуда ни возьмись, появился Ян. Огляделся и устремился к ней со встревоженным видом. — Попытайся во всем разобраться, ты можешь!

— Ты чего трубку не берешь? — спросил Ян, быстро приближаясь.

Возможно, в телефоне Артур услышал его голос — звонок прервался.

— У нас такое было, — пролепетала Марина, не зная, что теперь говорить Яну. — Настоящее побоище. Как ты здесь очутился? Тебя пропустили?

Ян, внимательно приглядевшись к ее лицу, шагнул вперед, протянул руку.

— Кто звонил?

Холодея, Марина вложила телефон в его ладонь. Почему-то не хотелось говорить ему про этот звонок. Во всяком случае — пока.

— Оливия, — ответила она чужим голосом. — Артур удерживает ее насильно и заставляет говорить, что вы меня обманываете.

— Это она так сказала? — вскинул бровь Ян, приложил Маринин телефон к уху — попытался позвонить Оливии. Конечно же, ничего у него не получилось: Артур успел выключить телефон.

— Думаю, что он заставил оклеветать вас, — запоздало ответила Марина.

— Что именно она сказала? Слово в слово.

Марина коснулась пальцем виска.

— Что ее никто насильно не держит, что вы — обманщики. Все.

А действительно, как оно на самом деле? Почему Ян оказался рядом, едва позвонила Оливия? Совпадение? А может — эта догадка оказалась ей самой невероятной, — он прослушивал ее телефон, ошиваясь неподалеку? Додумать Марина не успела: Ян заключил ее в объятия, поцеловал в макушку.

— Извини, я очень волновался, что ты пропала. Знаю же, что просто так ты не позвонила бы.

Ощувив укол совести, Марина забрала телефон, глянула на экран: четыре пропущенных от Яна, он звонил, когда Полина билась с Леной.

Нет, Артур, тебе снова не удастся пустить под откос поезд моей жизни! К тому же есть кому меня защитить.

Из кабинета высунулась Кристина, зыркнула с завистью. Не надо быть телепатом, чтоб понять ее мысли: «Блин, ну ничего особенного в этой Кнышевой, и задница толстовата, а мужики — один другого лучше».

— Ты когда освободишься? — поинтересовался Ян, отстраняясь.

— Через час... Могу раньше. А что?

— Надо забрать твою машину, — улыбнулся он и коснулся пальцем ее носа.

«Ты в опасности. Не верь людям, которые помогают тебе, они врут». Зачем? В Яне не чувствуется фальшь, которую Марина за версту распознает. Нет, не может быть. Если Оливия права, как же жить дальше, кому доверять?

— Вообще-то начальнику сегодня не до нас, попытаюсь сбежать пораньше.

— Я подожду внизу. — Ян взял ее руки в свои и немного сжал пальцы.

В кабинете Марину поджидала Кристина.

— Где ты их берешь? Один другого круче. — Она выглянула в окно. — Ничего себе у него тачка. Дашь мастер-класс?

Танюха оторвалась от текста:

— Не поняла, я что-то пропустила?

— Ну да. К Мари поклонник приходил. — Кристина мечтательно закатила глаза. — Такой... ммм!

— Лучше предыдущего? — осторожно поинтересовалась Марина.

— Мне этот больше понравился. Гонора меньше. А чего он не уезжает? Тебя ждет?

— Ждет, — кивнула Марина.

— Ну так беги к нему, Тампошка все равно занят разборками.

Кристина воздела палец к потолку:

— Нет-нет-нет! Пусть подождет, чем они больше вкладывают в нас, тем сильнее нами дорожат.

Марина слушала их краем уха, а думала о своем. Значит, Ян все время крутился неподалеку, к тому же прослушивает ее разговоры. Стало обидно до слез. Выходит, ей не доверяют...

Стоп! А сама как поступила бы на его месте? Если жертва полностью попадает под контроль ловца, как ей помочь?

Звонок — проверка. Артур проверял, есть ли за Мариной слежка. Убедившись в подозрениях, теперь он будет осторожнее. Еще произошедшее значит, что у нее нет паранойи — не исключено, что за Мариной наблюдают свои же. С одной стороны, это обидно, с другой — так спокойнее.

Только одно сидело занозой в сознании: зачем пугать, почему бы не сказать, что ситуация под контролем, случись чего, Ян прикроет. Или они боятся, что она выложит все Артуру? Черт знает. Надо понаблюдать за Яном, может, что интересное всплывет. И, конечно же, умолчать о своих догадках.

С каждым днем кипящие вокруг страсти нравились ей все меньше и меньше. Особенно бесило осознание, что она — объект чужих игр, пешка. Футбольный мяч, который гоняют по полю туда-сюда.

— Пожалуй, пойду я, — Марина посмотрела на Танюху, та ей подмигнула.

Эх, девчонки, знали бы вы правду, так не завидовали бы.

Увидев ее, выходящую из офисного центра, Ян выскочил из салона, открыл перед Мариной дверцу автомобиля, она собралась было сесть, но заметила на сиденье букет алых роз, подхватила его, зарылась носом в цветы:

— Спасибо! Какая прелесть! Ян!

— Должен же я как-то поднять тебе настроение. Садись, поехали за город забирать твою машину.

Всю дорогу Марина не спускала с него глаз. Он сосредоточенно вел машину, лишь изредка оборачивался и улыбался, но не теплом веяло от его улыбки — холодом. Интересно, предыдущая страстная ночь для него — работа? Неужели он два месяца обхаживал ее, лишь чтобы подобраться поближе к Артуру?

Неужели она для него — расходный материал, и он потеряет к ней интерес, когда она перестанет быть полезной? До чего же мерзкие мысли, спасибо тебе, Артур, чтоб тебя черти взяли! Хотя, какие там черти, ты сам бес как минимум.

Марина думала, что, подъезжая к парковке в элитном районе, Ян воспользуется своими способностями, но он лишь предъявил удостоверение охраннику, и тот поднял шлагбаум, пробурчав:

— Только быстрее возвращайтесь, там в семь мероприятие.

— Конечно. — Ян сверкнул зубами.

Маринин «Ланос» стоял один, как сиротинушка. Припарковавшись, Ян сказал:

— Езжай за мной, буду учить тебя передвижению в колонне.

— Куда мы? — спросила Марина, выходя из машины.

— Выведу тебя назад в город и поеду по делам.

Ах, значит, так?! А сам будет ошиваться неподалеку, телефон прослушивать. «Как напутаешься — звони» — ага, ага. Трубку можно и не брать. Зачем, когда и так все под контролем.

А может, не так уж Оливия не права?

Ну да, конечно. А наш Артур — ангел во плоти. Марина завела мотор и ждала, когда он прогреется. Из-за Артура она чуть не погибла, Ян помог ей выкарабкаться... Надо самой во всем разобраться: Ян отмалчивается, с Артуром страшно встречаться, эстонки вообще на людей не похожи, Оливия непонятно где.

Марина мигнула Яну фарами, и он покатил назад, в сторону КПП. Сосны темными стенами высились по бокам, упирались верхушками в низкое темнеющее небо. Марина ненавидела декаданс осени, длинные ночи, короткие дни, которые не успеваешь заметить.

Едва выехали за последнее КПП, Ян остановился, вылез из салона. Марина сделала так же, закуталась в пальто.

— Дальше мне в другую сторону. Доберешься?

И никаких тебе «давай я заеду вечером».

— Конечно, — улыбнулась она, делая вид, что равнодушие ее не задает.

Снова она не диктует, а принимает правила игры. В случае с Артуром ею руководили привязанность и слабование, теперь — необходимость докопаться до правды. Понятно, Ян сторонится ее, потому что, если будет рядом, спугнет Артура. Но быть приманкой в чужом силке унижительно.

В голове крутилась реплика Оливии: «Попытайся во всем разобраться, ты можешь». Стороннему наблюдателю все кажется простым. На деле же...

А что — на деле? Что она может? Марина задумалась, постукивая пальцами по рулю. А что, если... Решение возникло будто ниоткуда. Надо притвориться послушной, пару раз позвонить Яну, испугаться по телефону, потом утешиться — пусть будут спокойны, что наживка на крючке. А самой попытаться пролезть в офис агентства, пока там никого нет, покопаться в документации, поискать зацепки.

Марина и сама не знала, что рассчитывала обнаружить, полагалась только на удачу. Если ничего не найдет, плюнет на все, сдаст квартиру и уедет в Таиланд, будет доживать последние денечки в ожидании палачей. Потому что невыносимо постоянно болтаться на крючке, когда в мутной воде мелькают темные спины крупных рыб.

Итак, действовать нужно быстро. Чем быстрее, тем лучше. Например, сегодня. Вероятность, что ночью в агентстве кто-то есть, стремится к нулю. После шести приходит Напалмовна и убирает весь этаж. Баба она вредная, но к Марине относится хорошо, и с ней можно договориться...

Поток мыслей нарушил резко затормозивший джип — Марина еле успела остановиться. Хорошо, скорость была небольшая и никто не въехал сзади. Оказывается, впереди «поцеловались» две легковушки.

Перестроившись в средний ряд, глянула на часы: уже шесть, до агентства катить около часа. Будет ли еще Напалмовна на месте? Не сдаст ли Марину? Да, и главный вопрос: вдруг там кто-то из сотрудников?

Значит так, если кто-то там есть, надо наплести, что забыла флешку с материалом. Если нет — все равно рассказать про флешку и попроситься в офис. Напалмовна не откажет.

От предвкушения в кровь выделился адреналин, и Марину начало мелко трясти, что для неопытного водителя нежелательно и даже опасно — она сильнее вцепилась в руль.

По сути, она собирается совершить преступление — проникновение на охраняемую территорию с целью завладения секретной информацией. Если ее застукают, то... То что? Убьют? Мороз продрал по спине. А ведь не исключено.

Добралась Марина быстрее, чем рассчитывала. Заехала во двор, припарковалась. В черных окнах агентства отражалась ее машина, залитая светом фонаря. В остальных офисах тоже выключили свет. Марина хлопнула дверцей, обхватила себя руками.

А что, если за ней слежка? По пути она постоянно смотрела в зеркала внешнего обзора и не видела там «хвост». Ян точно направился в другую сторону, да и его «Ауди» она узнала бы. Если он и намерен за ней следить, то поехал к дому.

Еще есть Толстяк Левушка, Лев Анатольевич, секретарша... Она огляделась, но никого подозрительного не заметила и, скрепя сердце, зашагала к двери, спустилась по лестнице и нажала на кнопку звонка. Даже если ее застукают, она просто приехала за флешкой. Надо самой верить в легенду, чтобы та звучала убедительно.

— Кого там принесло? — донеслось из коммуникатора.

Фууф! Напалмовна на месте, слава богу!

— Нина Павловна, добрый вечер. Это Марина, которая у Яна работает. Впустите меня, пожалуйста, мне очень нужно.

— В туалет тебе, что ли? — проворчала уборщица.

Через минуту она отперла дверь, но преградила Марине дорогу.

— Зачем тебе? После того как отработаете, никого пускать не велено.

— Ой, выручайте! У меня ноут сломался, а вся информация на рабочем компьютере и на флешке, которая в нем, — затараторила Марина, делая жалобный вид. — Мне надо срочно статью написать, а без фотографий никак...

— Раньше надо было думать, — проворчала Напалмовна и шагнула назад, готовая закрыть дверь.

Марина опустила руки. Вот и все. С одной стороны — облегчение, очень уж риск велик, с другой — отчаяние. Так и будет она трястись, от каждой тени шарахаться. Видимо, на ее лице отразилась такая безнадега, что Напалмовна сжалась:

— Ладно, ладно, проходи. Но учти: у тебя есть десять минут, потом ты уйдешь, иначе меня уволят. Ясно?

— Спасибо, Нина Павловна! — Марина обняла уборщицу и поспешила к двери.

Та оказалась не заперта. Марина включила свет в приемной, подумала, не посмотрится ли это подозрительно, и постаралась не нервничать. Жалюзи опущены, и не видно, кто здесь: вдруг Напалмовна занимается уборкой? Не раздеваясь, прошагала приемную, на секунду задержалась, ощутив опасность. Снова? Но теперь Марина знала, на что обращать внимание.

Едва заметно пахло морозной свежестью. Сразу чувствуется, хороший, дорогой мужской парфюм... Волосы зашевелились на голове.

Ночь. Запертая дверь ее квартиры. Незримое присутствие... и этот же самый запах! Кому принадлежат духи? Главному или Толстяку? Это не важно. Кто-то из них проник в ее квартиру — вот что важно!

То есть у нее побывал не ловец душ. Кто-то из работников агентства?

Сволочи!

Выудив из сумочки флешку, Марина с вновь приобретенной решимостью сунула ее в ящик своего стола, присыпала бумажками, коих тут было в изобилии. Выпрямилась, обреченно посмотрела на стол Яна — там мигал синим чей-то закрытый ноут и чернел выключенный монитор основного компа.

Так, хватит трястись, пора действовать, причем работать надо быстро: если кто-то застанет ее за подобным занятием... Страшно представить, что будет.

Сглотнув, она метнулась к компу, включила его. Раскрыла ноут, поклацала кнопками, чтобы он «проснулся».

На рабочей машине Яна стоял пароль. Марина попробовала имя Яна, название фирмы — бесполезно. Выключив комп, занялась ноутбуком. Он был не запаролен, и она открыла браузер, чтобы посмотреть последние страницы, может, Ян забыл выйти из почты... Как назло, «хром» затупил.

Наконец ноут протормозился, открылась пустая страница. Марина выругалась и собралась уже закрыть машинку — журнал посещений ничего бы не дал, пароль к почте не подобрать — но всплыло уведомление, что работа завершилась некорректно. Предлагалось восстановить ранее открытые страницы.

Конечно же, восстановить! Марина вперилась в экран, обливаясь потом. Не факт, конечно, что в переписке обнаружится что-то интересное, но шанс есть.

Мигнул зеленый значок скайпа. Вот это плохо. А если хозяин ноута сейчас в Сети? Открылась почта, но пользователь, zarijel, вышел, и прочесть переписку было невозможно. Что за Зарижель? Неужели это ноут одной из эстонок, Зарижель — ее ник?

В контактах обнаружилось всего восемь человек, один из них — Ян, остальные со странными никами и без фотографий. Среди них гармонично смотрелся Главный — Ssob.

Напалмовна распахнула дверь, встала изваянием:

— Ну, скоро ты?

— Еще три минутки, пожалуйста! — взмолилась Марина, цепenea.

Напалмовна на нее даже не взглянула, буркнула:

— Время пошло.

И удалилась. Марина дрожащими пальцами открыла скайп и возликовала: переписка осталась. Причем диалог велся недавно, два часа назад.

Она отмотала вверх, к началу переписки и вперилась в экран.

Zarijel: Подтвердилось. Координаты сферы верны. Адрес совпадает. Когда едем брать?

Ssob: Как договаривались, позже, в 22.00.

Zarijel: Как быть с приманкой?

Ssob: Пока она может пригодиться. Надо оградить ее от контакта с ренегатами, иначе не уследим, как за другой.

Zarijel: Ее поведение нестабильно. Рекомендую отодвинуть ее.

Волосы на голове снова шевельнулись. Приманка — это она? А что значит «отодвинуть»? Временно или... Или ликвидировать?

Ssob: Выполняйте свою работу. Я буду делать свою. Отодвинуть всегда успеем. А что делать, если ренегат опять уйдет? Так будет шанс, что он попытается выйти с ней на контакт.

Zarijel: Возможно, ты прав.

Ssob: Операция по сфере — высшей степени опасности. Всем скрупулезно подготовиться. Там решится все. До связи.

Больше ничего, что пролило бы свет на происходящее, обнаружить не удалось. Хотелось еще прочитать переписку Толстяка, но Марина побоялась вызвать подозрение — раз, и два — высока вероятность, что и его комп запаролен.

Не подвела интуиция. Она для сотрудников псевдоагентства — лишь приманка, что будет с ней, не так важно. Главное, не допустить ее контакт с Артуром. Значит, не собирается бывший любовник ее убивать? И Оливию не убил? А может, поговорив с ним, она ушла сама, не желая быть «отодвинутой»? И Марину предупредила искренне, зная, что телефон прослушивается и она рискует?

Марина закрыла «хром», захлопнула ноут, поблагодарив Провидение, что скайп на нем загружался автоматически, без дополнительного ввода пароля.

Доверять им нельзя, они опасны. Есть только одна гарантия собственной безопасности — жизнь Артура. Они снова в сцепке: пока он жив, Марина нужна как наживка.

Но сегодня в десять его собираются брать возле какой-то «сферы». Не то ли это место, о котором Ян пытался выведать, уверенный, что она должна знать, где собираются ловцы? Или «сфера» — просто название чего-то? Надо погуглить.

Марина вытащила флешку из-под бумажных листов, демонстративно сжала в руке и вышла в коридор. Проходя мимо распахнутой двери туристической фирмы, крикнула:

— Спасибо, Нина Павловна, вы меня спасли.

— Иди, иди уже! — проворчала уборщица.

Не чуя земли под ногами, Марина рванула к машине, села за руль и уронила голову на руки. Ее трясло, зуб на зуб не попадал. Посмотрела на часы: десять вечера. Через час Артур попадет в засаду, и она никогда не узнает правду. Надо опередить «коллег» и предупредить его, а для этого — попытаться выяснить, что за «сфера». Хорошо, что не поскупилась на мобильный Интернет, и теперь можно погуглить.

Оказалось, «Сфер» в столице было две: бутик и магазин осветительной техники. И куда ехать? Где именно будет облава? Марина готова была взвыть от отчаяния. Монету, что ли, кинуть? Если ляжет орел — поедет в магазин одежды, иначе — к люстрам.

Блеснув в свете фонаря, монета ударилась о потолок машины и откатилась за сиденье. Марина нащупала ее, вытащила, придавив к полу пальцем: решка. И слава богу — ехать ближе.

Она дернула с места, едва не поцарапав соседнюю машину. Не уступив дорогу, влилась в поток автомобилей и поползла в тянучке.

Через полчаса она была на месте: магазин занимал весь цоколь четырехэтажной сталинки и был уже закрыт, о чем свидетельствовали роллеты на двери и черные окна. Заехала в ближайший двор, чтобы не светиться, и сразу же нашла место для парковки, что сочла добрым знаком.

Прежде чем выйти, огляделась, рассчитывая заметить кого-то из «коллег», но желающих прогуляться промозглым осенним вечером было немного: женщина в плаще топала вдоль сбросивших листву лип, на въезде во двор, озаренные светом фонаря, целовались две девчонки лет пятнадцати.

Марина хлопнула дверцей и, стараясь держаться в тени, побрела на центральную улицу, поближе к магазину. Выглянула из-за угла дома: широкий проспект, мощный булыжником, был разделен магазинчиками, закрывавшими ту часть, что ближе к дороге и остановке. Хорошо просматривалось лишь пространство между магазинами и домом: лениво скреб улицу дворник в оранжевой робе. Презрев опасность метлы, крупная белая собака выкусывала блох на боку. Мужчина в драповом пальто, с папкой под мышкой спешил к остановке, где скрипели тормозами маршрутки. Не было никого, кто вызывал бы подозрение.

Теперь надо найти место, где можно притаиться. Марина остановила взгляд на темном пространстве между двумя магазинами. Подходит!

Еще раз оглядевшись, она шмыгнула туда, осмотрела остановку: никого из знакомых. Глянула на часы: осталось пятнадцать минут. Странно, откуда им до минуты известно время, когда здесь появится Артур. Да и здесь ли? С каждой секундой надежда таяла. Похоже, надо было ехать в другой магазин. Но отступить поздно, да и не успеет она.

Возле остановки, что в двадцати метрах от Марининого убежища, припарковался черный автомобиль, включил аварийку; одновременно распахнулись все двери, кроме водительской. Марину бросило в жар: неужели это Главный? Но где искать Артура? Как предупредить его?

Из автомобиля высунулся пьяный вдрабадан парнишка и принялся блевать на тротуар. Из другой двери вышла девушка в майке и рваных джинсах, засуетилась вокруг. Грянула музыка — транс. Девушка зачихала в салон кавалера, и авто (теперь Марина видела, что это «Крайслер») покатило дальше.

Без трех минут десять, без двух, без одной... Ну где же вы все?

Когда стало ясно, что выбрана неправильная «сфера», Марина рванула к своему автомобилю. Выехала из двора и понеслась на всех парах к магазину одежды, располагавшемуся на окраине, не в самом благополучном районе. Если на дорогах будет пусто, добраться туда можно за полчаса, иначе...

В любом случае Марина опоздала. Пока она плелась в потоке машин, воображение рисовало, как от эстонок к Артуру тянутся черные канаты, через которые из него вытекает жизненная сила, и он падает замертво.

К ней уже приходили домой, значит, придут еще раз. Все смешалось, все перепуталось, не понятно, кто враг, а кто — друг. Марине уже казалось, что все и всё против нее.

Хотелось ударить по рулю и прокричать: «Быстрее, ну что же вы ползете, как улитки!» Марина сдерживалась из последних сил. Сердце заходило, дыхание сбивалось, спина взмокла от пота.

На пустынную улицу, застроенную типовыми хрущевками, Марина прибыла без пятнадцати одиннадцать. С одной стороны дороги тянулись пятиэтажки, с другой был высоченный забор с колючей проволокой поверху, за которым угадывалась плоская крыша то ли завода, то ли ангара и огромная бело-красная труба.

Наконец забор закончился, теперь хрущевки были и слева. Вскоре их сменили сталинки. Голос навигатора проговорил: «На следующем повороте поверните налево». Марина перестроилась в левый ряд, затормозила на светофоре, дождалась зеленого и свернула на темную улочку, где светился лишь ночной ларек у стальной остановки.

Марина включила аварийку, проползла вдоль сталинки, где тускло тлела единственная вывеска «Сфера. Лучший магазин». Магазин был закрыт. Марина остановилась перед причудливо декорированной витриной, почему-то не закрытой роллетами, несмотря на поздний час и беспокойный район. На витрине стояли старинный замок из фанеры и два манекена, мужчина и женщина в модной одежде. Один манекен кого-то напоминал, но Марина не могла сосредоточиться на ощущениях.

В округе — тишина и покой, и ни намека на то, что полчаса назад тут было убийство. Или не было? Или Артур почуял врагов и скрылся, а «коллеги» уехали восвояси? Иначе тут ошивалась бы полиция, место преступления оцепили бы.

Надо у кого-нибудь спросить, что стряслось. Например, у продавщицы в ларьке.

Марина перекинула через плечо сумочку и зашагала к ларьку. Постучала в окошко, и когда оно открылось, заказала плитку черного шоколада и банку кофе у пышной тетеньки в розовом пушистом свитере. Получив товар и расплатившись, просунула в окошко журналистское удостоверение: глаза тетеньки, подведенные черными стрелками, полезли на лоб.

— Извините, я журналист. — Марина приклеила на лицо свою самую обаятельную улыбку и прошептала: — Мне по секрету сказали, что здесь, напротив магазина, должна была состояться бандитская разборка. Было ли тут что-то подобное?

Тетушка нацепила очки с толстыми линзами и ответила:

— Тихо тут. Никого. Скажи-ка, бандиты эти, может такое быть, что они еще придут?

— Если еще не пришли, то значит, или меня обманули, или... — Марина вздохнула. — Спасибо вам.

— Да не за что. Район у нас тихий, хороший.

— До свидания...

Марина выключила аварийку и тронулась с места. Выходит, или облава будет не сегодня, или она неправильно вычислила место. Она была уверена: если что-то случится с Артуром, она обязательно почувствует, они ведь в одной лодке, и между ними связь.

Разболелась голова. Да так, что от малейшего движения слезы на глаза наворачивались. Пришлось останавливаться возле аптеки: Марина не страдала мигренями, потому с собой обезболивающего у нее не было. Купив таблеток, воды и тотчас проглотив пару парацетамолин, она вернулась в машину, села, запрокинула голову на сиденье. Ехать она не могла и ждала, когда боль поутихнет.

Стоило прикрыть глаза, как появилась картинка из витрины «Сферы». Старый замок. А манекен напоминал Артура...

Стоп!

Марину подбросило на сиденье. А с чего она решила, что «Сфера» — название магазина? Это может быть что угодно: место силы, кодовое название для тайника на языке «коллег»... Заброшенный замок на пустыре.

Она нахмурилась, недоумевая, почему не вспомнила раньше. В том замке произошла их первая романтическая сцена с Артуром... Может, поэтому память почти стерла то воспоминание — защитная реакция, когда Марина попыталась излечиться от зависимости?

Осталось только вспомнить дорогу к странному зданию, куда приводил ее Артур в самом начале знакомства.

И вдруг зазвонил телефон. Ну надо же! Ян. Сейчас она возьмет его за горло и обо всем расспросит... точнее, расспросила бы, если бы не болела так сильно голова.

— Алло, — прохрипела она и снова разлеглась на сиденье.

— Ты чего трубку не берешь? — проговорил он грозно. — Ты вообще где?

— Прогуливаюсь, — ответила она без интонации.

— А мне что прикажешь думать? Дома тебя нет. На звонки не отвечаешь...

И тут Марина не выдержала, сорвалась на крик:

— Что ты предлагаешь?! Ехать домой и сходить с ума, ожидая, когда за мной придут? Трястись в одиночестве? Я, между прочим, не железная. Ты делаешь только то, что тебе удобно, а когда мне нужно... Ты что, приехал ко мне домой?

— Да. Поднялся, а тебя нет, и что мне думать? Ты сейчас где?

Марина прищурилась, прочитала название улицы, ответила и добавила:

— Это час езды. Не жди меня, отправляйся домой.

— У тебя голос странный, точно все в порядке?

— Более чем, просто... День был трудный, и голова разболелась. Все, до созвона.

Марина отключилась. С одной стороны, ей было приятно такое внимание и проявление заботы. С другой — не давала покоя мыслишка, что Ян делает это по приказу, а не по велению сердца.

Боль притихла, и Марина решила съездить в замок.

А что, если они уже убили Артура и Ян пришел за ней? Поэтому и позвонил. Не пора ли паковать чемоданы и бежать в теплые страны или глухую деревню, где ее не достанут? Раньше она считала Артура сволочью, но оказалось, полно более породистых, отборных сволочей. Самое обидное, стоит довериться человеку, и он сразу начинает примеряться, как поудобнее вонзить нож в спину. Хоть вообще никого к себе не подпускай. Или правы стервы, считающие всех мужчин гадами?

Кто же Ян — друг или враг? Марина окончательно запуталась. Она допускала, что сейчас мечется, пытаясь помочь Артуру, просто в память о былой любви, а Яну мстит за невнимательность. Разобраться, чего конкретно она хочет, прогнать Яна и никогда больше не видеть или все-таки остаться с ним, не получалось.

Марина решила действовать по обстоятельствам.

Окружная дорога не то чтобы стояла, но и не ехала — авто тянулись еле-еле. Марина подумала, что машина в современном городе — вещь почти бесполезная, отогнала мысль и сосредоточилась на вождении. Не хватало «поцеловать» кого-нибудь в получасе от цели.

Навигатор порекомендовал через сто метров повернуть налево. Кажется, там есть светофор, если нет, то это жест. Светофор был, но перед ним собралась многометровая очередь.

Вот проклятый клуб, где она впервые увидела Артура, будь он не ладен. Вспомнить бы, куда ехать и поворачивать, ведь тут введенный в навигатор маршрут заканчивался. Она сбавила скорость, заметила синие высотки-недострои, подсвеченные прожекторами, и решила ориентироваться на них.

Спальный район, часть домов под снос брошена, но в некоторых еще живут. Раздолбанный асфальт. Облезлые мусорные контейнеры. Дальше начиналась темнота: ни фонаря, ни светящегося окна, лишь кое-где в мертвых домах мерцал огонь: скорее всего там ночевали бродяги.

Интересно, как далеко до замка? Стоит ли туда ехать или лучше пройти пешком,

чтобы не привлекать внимания — шанс, что там засада на Артура, минимален, но все же...

Снова позвонил Ян. Марина невольно улыбнулась, но вызов сбросила. Если он даже с добрыми намерениями — пусть поволнуется, ему полезно.

Она припарковала машину возле шестигранного железного ларька, лежащего на боку, забрала из бардачка фонарик и вылезла.

Вдалеке шелестела трасса, взывала сирена и смолкла. На далекой, освещенной прожекторами стройке дребезжал отбойник — будто муха зудела. Тишина, только ветер свистит в брошенных жилищах, хлопает оторвавшимся куском жести.

Над городом — зарево иллюминации. Рваные тучи отсвечивают красным. Глаза привыкли к темноте, и в свете убывающей луны Марина уже различала детали.

Опавшие листья в серебристой луже. Скелеты лип. Процокала когтями собака, повернула голову, посмотрела на нее, глаза вспыхнул и, отражая свет фар свернувшего сюда автомобиля.

Марина добралась до жестяного забора, отогнула лист и пролезла во двор. Замок стоял перед ней, все такой же ветхий и загадочный. И абсолютно пустой. На всякий случай Марина прошлась вокруг него с фонарем: похоже, сюда давным-давно никто не заходил. Ни следов борьбы, ни пятен крови, ни окурков, ни отпечатков подошв...

Но место верное, Марина это почуяла, как чуть раньше ощутила присутствие чужого в своей квартире. Если сейчас тут пусто и тихо, значит, все произойдет завтра. Ведь в скайпе не было даты события, только время.

До завтра ее никто не тронет, и до завтра опасность не грозит Артуру. Можно возвращаться домой, по крайней мере у нее есть еще часов двадцать на подготовку.

Назад она ехала на автопилоте. Мысли ворочались медленно, преобладали желания, причем примитивные: в душ, поесть, спать. Нет, не так: в душ и спать.

Дай бог сил доползти до двора, потом — до подъезда. Мыться — утром. Упасть в постель прямо в одежде и закрыть наконец глаза, и не мучиться домыслами. Желательно проснуться утром того дня, когда она согласилась идти в клуб с Наташкой. А ведь не хотелось! Что-то тогда будто останавливало ее. Вернуть бы время, чтобы все исправить!

Но нет. Вот она реальность: узкий въезд в родной двор, парковочное место между двумя «ладами». Очень неудобное место. Но сейчас есть пространство для маневра, никто не наблюдает, и не так стыдно.

В два приема припарковаться не получилось, пришлось поелозить туда-сюда. Покончив с унижительной процедурой и в очередной раз ощутив себя коровой на льду, Марина взяла сумочку, перекинула через плечо. Она никого вокруг не замечала, у нее была одна цель — дверь подъезда. Потому что она заорала, когда кто-то подкрался сзади и обнял ее.

Вырвавшись из тисков объятий, она оглянулась: Ян сел на корточки и собирал розы, которые Марина выбила у него из рук.

— Извини. Я ж говорила: езжай домой, — сказала она по возможности мягко. — Я — труп, тушка и никакой собеседник.

— Но я купил тебе цветы.

Марина взяла семь роз на длинных тонких ножках.

— Спасибо. Можно было сделать это и утром.

— Если думаешь, что мне безразлично, что будет с тобой, то ты ошибаешься.

О, до чего утонченная, изысканная ложь! Конечно, ему небезразлично, если Артур «выйдет на контакт» и, возможно, выведет их контору на чистую воду, а также расскажет, что на самом деле случилось с Оливией. Он даже расстроится, если Марина

попадет в аварию и погибнет, оборвав нить, способную вывести к Артуру.

Привалившись к стене, она ввела код — дверь подъезда открылась, и она перешагнула порог. Ян увязался следом.

Похоже, он все-таки переживает, а не изображает озабоченность. Или она ошибается, Ян не желает убивать ее на улице, ведет в квартиру, где поджидают эстонки? Хотя какие эстонки. Все-таки Марина — просто человек, и ей хватит обычной пули или ножа...

Ледяной ужас прокатился по позвоночнику, колени задрожали, и Марина схватилась за перила. Как можно быть такой наивной! Ян поддержал ее.

— Так плохо?

Она кивнула. И что делать?

Кричать, конечно же! Звать на помощь, бежать от Яна без оглядки.

Нет! Разум подавил паническую атаку, Марина задышала размеренно, глубоко.

Почувствовала, как краска приливает к лицу: она чуть не выдала себя. Нельзя показывать, что доверия Яну нет. Наоборот, следует разыгрывать наивность, искать у него защиту — работать по их сценарию. Так одиноко и тоскливо сделалось, что хоть вой. Как было бы здорово, если б Ян не замышлял плохого. Уснуть, обнявшись, и ни о чем не думать, вверить свою жизнь в сильные, заботливые руки...

Еще раз нет. Один раз позволила себе слабость, чуть заживо не съели.

К сожалению, Ян скорее враг, чем друг. Понятно же: Толстяк побывал в ее квартире, чтобы она ощутила, что там был чужой. Чтобы запугать, чтобы не смела даже пытаться приблизиться к тайне. В любом случае до завтра Марина скорее всего в безопасности. И надо быть осмотрительной, чтобы не проморгать шанс выпутаться из этой истории.

— Извини. — Марина опустила букет и понурилась. — Извини, я так устала, и у меня так болит голова... Да еще все время кажется, что ловец где-то рядом.

Ян обнял ее за талию и провел к лифту.

Марина открыла дверь в квартиру, принялась: подозрительных запахов не ощущалось, шевеления и незримого присутствия — тоже. Ян по-своему истолковал ее неуверенность.

— Тут его нет, неужели ничего не чувствуешь?

— Сейчас уже не чувствую, — ответила Марина. — Спасибо, что проводил.

Но Ян проигнорировал намек и переступил порог. Он что же, здесь ночевать собирается? Не то чтобы она совсем этого не хотела, но сил на постельные подвиги не оставалось.

Ян принялся разуваться, а Марина прямо в обуви прошагала в комнату, выбрала антиэротическую рубашку — покроем похожую на ряску бежевую, до пят, с розовым слоником на животе, — сбросила плащ и заперлась в ванной.

Вода смыла заботы и страхи, отрезвила и вернула способность соображать. Завтра опять надо ехать к замку, избавившись каким-то образом от надзора Яна и желательно вооружившись. Где вооружаться, Марина не представляла, но надеялась, что знает Танюха.

Облачившись в рубашку; она упала на кровать и сомкнула веки. Дверь закрывать не стала: в кухне шипел электрочайник, звякала посуда. Скрепи сердце Марина заставила себя встать и постелить Яну на полу. Уж такой намек, просто намечище, он должен понять.

Теплое море лизало ноги, ласковое южное солнце оглаживало кожу. Они с Артуром лежали в прибое, и прозрачные волны качали их туда-сюда. Больше ничего не происходило. Только он, она и море. Тепло его желанного тела, возможность ткнуться носом в бок наполняли ее блаженством.

Не было Яна, Главного и странных эстонок.

Море, лето, небо низкое, синее с изумрудным отливом. В клумбах — разлапистые пальмы и диковинные цветы, разноцветные колибри. Горы вдалеке — округлые спины темных исполинов. Такие высокие горы Марина видела лишь на фотографиях. Видимо, сознание собрало все приятные глазу пейзажи в один сон и поместило в его середину Артура.

А потом Артур перевернул ее на спину, сдвинул лифчик купальника и припал губами к одной груди, затем — ко второй, раздвинул ноги... Марина вцепилась в его спину; прижалась к нему, боясь, что он исчезнет, как раньше, или сделает больно.

Он был слишком живым, слишком настоящим!

Марина зажмурилась, не веря своему счастью, а когда открыла глаза, над ней нависало сосредоточенное лицо Яна.

— Доброе утро, моя радость.

Совсем не его сейчас хотелось видеть.

Огромных усилий стоило не закричать, не оттолкнуть его и не шарахнуться в сторону. В фильмах часто показывают, как герои занимаются любовью, презрев опасность. Теперь Марина могла с уверенностью сказать: это бред. Когда твоя жизнь висит на волоске, все мысли только о том, как сделать волосок прочнее.

К тому же совсем непонятно, кто такой Ян. Вдруг он знает, какая участь ждет Марину, и просто хочет воспользоваться ситуацией — чего такому добру пропадать? И что теперь делать? Переспать с ним, чтоб не вызывать подозрений? Нет! Ужас! Это получается какая-то проституция и насилие над собой!

Видимо, на ее лице отразилась такая буря чувств, что Ян побледнел и слез с кровати, а Марина одернула рубашку; поджала ноги, обхватила колени, ткнулась в них лбом и разрыдалась.

Да, она выглядела... да что уж — была жалкой. Маленькой, жалкой, беспомощной. Ее некому утешить, некому защитить. Верить можно лишь себе, рассчитывать — на себя, но собственных сил мало, так мало! Она окончательно погибла, теперь это ясно. Все трепыхания, демонстрация собственных сил — блеф. Артуру достаточно щелкнуть пальцами, и она побежит к нему. Уже побежала.

Один любовник — упырь, второй — предатель. Продаст и глазом не моргнет. Не стоило с ним спать. Лицемерный, мерзкий!

Поглощенная своими чувствами, она не смотрела на Яна. Пусть делает, что хочет. Пусть хоть прямо сейчас убивает! Почему бы не сказать ему все? Рраз — и все проблемы решены, терзаться неведением, всех подозревать нет больше сил.

— Что случилось, малыш? — проговорил он, сел рядом, обнял за плечи.

Марина помотала головой, и горло сдавили рыдания. Ян истолковал ее срыв по-своему, прижал к себе, погладил по голове и проговорил:

— Ну что ты? Понимаю, тебе тяжело. Но я ведь рядом. Я никому не дам тебя в обиду, слышишь?

Судорожно всхлипнув, Марина пробормотала:

— Как будто я... не знаю, что я — наживка. Живец. Вы... и ты на меня ловите... ловите — его! И все, больше я... никакой ценности.

Слова хлынули горлом, но Марина прикусила язык, дальше говорил Ян:

— Ну что ты! Что за глупости. Я здесь, с тобой. Ты очень дорога мне. — Он встряхнул Марину и выделил интонацией: — Очень. Понимаешь? Веришь?

Марина снова кивнула, повисла у него на шее и взвыла. Да, потом будет стыдно. Но она

ведь не железная! Пусть даже Ян предатель, но так хотелось, чтобы рядом был кто-то сильный, кто утешит и вытрет слезы, что Марина не удержалась, позволила себе слабость — тряслась от рыданий, хлюпала носом и жаловалась, жаловалась, жаловалась. Рассказывала, что после Артура она вся — оголенный нерв. Страшно, что он позовет, а она не найдет сил сопротивляться. Ей больно, тревожно, и все отвернувшись, даже подруга бросила.

Ян пообещал, что не бросит ее, и протянул стакан воды. Размазав слезы, Марина сделала пару глотков, положила голову на плечо Яна и зажмурилась.

— Вот и умница, — сказал Ян, забрал стакан и поставил на пол. — Извини, я не вовремя со своим желанием. Но ты такая... что трудно удержаться.

— Такая... просто ужас. Реву. И лицо — пятнами, — прошептала Марина, не открывая глаз.

Волосы Яна щекотали лоб, и так спокойно, так хорошо было на душе, что хотелось остаток жизни просидеть с ним в обнимку. Никуда не бежать, никого не спасать и не подозревать. Вот говорят, что мужчины редко понимают женские капризы и оправдывают слабости. Захотелось секса — не расти трава! Ян был другим, он все делал приятно и правильно...

Или он просто-напросто притворяется?

— Спасибо, Ян, — шепнула она, поднимаясь. — Я очень ценю, что ты для меня делаешь.

Пошатываясь, держась за стенку, она поковыляла в ванную, глянула на себя в зеркало: ведьма. Чудовище. Патлы взъерошены, нос красный, распух, веки набрякли. Включила воду, умылась. Лучше не стало. Закапала в глаза капли, убирающие красноту, но все равно было видно, что она ревела.

В дверь постучал Ян и спросил:

— Все хорошо?

— Да, — крикнула она и выключила воду.

— Кофе готов, выходи.

Наскоро приняв душ, Марина распахнула дверь, шагнула в кухню, уселась на табурет, поджав правую ногу.

Ян поставил перед ней чашку с кофе и уставился не холодными, против обыкновения, а влюбленными глазами. И что думать? Руководство его — не люди, и для них она — только средство для достижения цели. А Ян, как к ней относится Ян? Видимо, неплохо и зла не желает, но верить ему нельзя — он может быть игрушкой в чужих руках.

— Мне пора на работу. — Она отправилась в спальню переодеваться.

— Еще раз извини, — донесся голос Яна.

Он что-то сказал вслед, она не расслышала и не стала оборачиваться. Когда вышла из ванной, Яна уже не было. Слава богу! Хорошо, что, пусть и стыдным способом, удалось выпустить накопившиеся чувства, теперь они не будут мешать мыслям.

Марина принялась наносить макияж. Обычно она не пользовалась косметикой, потому что и так была яркой. Сегодня же красилась, будто проводила охранный ритуал. Чем больше всего будет между ней и враждебным миром, тем лучше. Сначала — нанести тушь на ресницы. Вот так, чтоб были подлиннее. Теперь стрелки — коричневым карандашом. Что там пишут визажисты? В каком порядке все делается? Плевать. На губы — перламутровый блеск. Теперь можно ехать, скоро отек спадет и от бывлой истерики не останется следа.

Одежда должна быть неброской и удобной. Теплые джинсы с карманами, прошлогодние, зато удобные. Поверх серой водолазки — тонкая шерстяная кофта с воротником под горло. Походный пуховик — некогда черный, ныне темно-серый, зато он с капюшоном и

длинный, до середины бедра. Неизвестно, сколько придется стоять на холоде, потому лучше надеть кожаные на меху сапоги. Все, можно идти, с богом!

Распахнув дверь, Марина обернулась, мысленно прощаясь со своей маленькой, зато уютной квартирой. Вспомнила про кошку, насыпала ей полную миску еды, поставила открытую упаковку корма на пол — вдруг уже не вернется сюда?

Сытая Мисска подошла к еде, понюхала ее и отвернулась.

Мама с ума будет сходить, но записку ей оставлять нельзя. Сейчас не шло на ум, как предупредить маму и сестру, но Марина была уверена, что придумает что-нибудь позже.

Так, нет, стоп! Уже в коридоре она метнулась в спальню, выгребла из фотоальбома деньги — вдруг придется срочно бежать. Тридцать две тысячи, на первое время должно хватить. Теперь — полис медицинского страхования. Паспорт и водительское удостоверение лежали в сумочке в кошельке.

Марина огляделась. Что еще взять? Чемоданы паковать не стоит, а прихватить драгоценности не помешает. Кто знает, каким местом повернется жизнь. Вдруг уже вечером надо будет скрываться.

Золота было немного: перстень с александритом, мамин подарок на шестнадцать лет, тонкая цепочка белого золота и Артуров кулон, сережки-бочки, страшные, но дорогие как память, — подарок заблудшего отца.

Серебро Марина брать не стала. Спрятала украшения в кошельке и спустилась на лифте.

Ян ждал на улице, заведя руки за спину и покачиваясь с пятки на носок. Увидев Марину, проводил ее до машины, открыл перед ней дверцу:

— Удачного тебе дня! Сама-то ехать сможешь?

— Спасибо! Прости, мне так неловко... Я уже в норме. — Она улыбнулась, захлопнула дверцу и покатила на работу.

Марина приехала на полчаса раньше и направилась к офисному центру. Он уже работал: сотрудники многих фирм должны были приходить на места к восьми, а то и раньше. На пороге, на самом краю ступени стояла русоволосая девушка и, запрокинув голову, смотрела вверх, улыбалась — наверняка искала чей-то силуэт в окне. Подойдя ближе, Марина узнала Полиночку, она надела красное пальто, распустила волосы, хотя обычно заплетала косу, и нацепила черную, под цвет сапог, шляпу. Девушка лучилась счастьем и заглядывала в окна Тампошки.

— Привет, Полина.

Девушка ойкнула и чуть со ступеньки не упала, приложила руку к груди, выдохнула и снова заулыбалась:

— Он говорит, что всю ночь писал книгу, представляете? Тут и ночевал.

Настроение Полины передалось и Марине: на душе посветлело.

— Как у вас, все нормально? Змея... точнее, жаба отстала?

Полина закивала и следом за Мариной вошла в офисный центр.

— Он мне предложение сделал. Только жить нам пока негде. Я-то у сестры.

— Здорово! Вот черт, я действительно за вас рада!

В кабинете пока никого не было, Марина включила музыку, загрузила комп и бездумно вперилась в экран. С чего бы начать? В детективах женщины идут в плохой район, находят брутального афроамериканца, который отводит в потаенное место, где у него целый арсенал оружия. Но реальность отличается от книг. Во-первых, пистолет не достанешь так просто. Во-вторых, тут не Америка. В-третьих, им же надо уметь пользоваться, а Марине при слове «предохранитель» смутно представлялся презерватив, натянутый на ствол оружия.

К тому же она не могла представить, как они встретятся с Артуром, что он ей скажет. То, что она не бросится на шею, не испытает прежний шквал эмоций, — точно. Но увидеть бы его хотя бы мельком, прикоснуться, почувствовать запах...

Ну вот, обострение. Но еще хуже, что Ян и его контора продыху не дают. Сегодня наверняка следить будут.

Следует придумать для Яна убедительную версию, почему ее вечером не будет дома. Например, Танюхин день рождения. Подруга не откажется прикрыть.

Скрипнула дверь — вошла Танюха, как обычно, в джинсах. Острая коленка торчит из разреза. За плечами — джинсовый рюкзак. Клетчатая рубаша навывпуск.

— Салют! — поздоровалась Марина. Танюха от неожиданности подпрыгнула, кивнула в ответ. — Только о тебе подумала. Слушай, если кто будет интересоваться, у тебя сегодня день рождения.

Танюха мотнула головой:

— Не поняла.

— Сегодня хочу загулять, а мой пасет. Если что, я у тебя.

— Ааа, без проблем. Станный человек: с такими данными, и назойливый. Удивительно.

— Да уж, отделаться не могу.

Только сейчас дошло, что ее могут прослушивать. Не исключено, что где-то, например в телефоне или машине, есть маячок, по которому отслеживают перемещения. Точно, в телефоне! Даже если подозрения неоправданны, лучше перестраховаться. Отмотав памятью диалог, Марина убедилась, что не сказала ничего эдакого, положила мобильный на стол и добавила, рассчитывая, что Ян ее слышит, а если не он, то кто-то из агентства:

— Это слишком интимно, не могу объяснить.

Едва она смолкла, распахнулась дверь, и в кабинет ввалилась Кристина — бледная, с опухшими веками и синяками под глазами, будто она редела всю ночь.

— Что случилось? — поинтересовалась Танюха.

— Все нормально, — прошептала Кристина и села за комп, уставившись в экран.

Марина с Танюхой переглянулись. Раньше мамзель не позволяла себе приходить в таком виде, у нее всегда все было прекрасно. Марина вспомнила жизнерадостную одноклассницу, которая никогда не плакала, но над сломанным ногтем рыдала, как над покойником. Остричь она не стала — вдруг у Кристины случилось что-то серьезное.

— Забыла спросить, — хлопнула себя по лбу Марина. — Тампошка мной вчера не интересовался?

— Нет, — буркнула Кристина, не оборачиваясь. Весь ее вид говорил о том, что она не расположена к диалогу.

Марина уставилась в монитор. Итак, надо разобраться, что к чему. Сейчас правильное лечь на дно и понаблюдать, но восставшая из пепла любовь толкала ее на безумства. В скайповой переписке Артура называли не ловцом душ, а ренегатом. Кому он изменил? На чью сторону перешел?

Слишком много вопросов. Она сжала виски ладонями. Решено: вечером она попытается отыскать Артура в замке и как-то ему помочь.

— Тань, — позвала Марина, — пойдем попудрим носики.

Танюха сделала большие глаза, но вышла с Мариной в уборную. Марина открыла воду, приблизила губы к Таниному уху и зашептала:

— Слушай, мне нужно оружие!

— Ты долбанулась?! — воскликнула она и поджала губы.

— Тсс! Я в опасности. Реальной, — прошептала Марина.

— В полицию?..

— Не, у меня нет доказательств. И если те догадаются, что я знаю об их планах, — конец мне. Мне нужно оружие. Где его достать?

Танюха задумчиво покусала губу. Во взгляде ее читалось сомнение. Конечно, с такими вопросами люди обычно к друзьям не пристают.

— У меня есть нож, — наконец ответила Танюха, — и шокер. И газовый баллончик.

— А настоящее оружие?

— Не-а, откуда? Хотя погоди. — Она снова закусил губу и посмотрела на Марину, склонив голову набок. — У подружки есть травмат. У меня ключ от квартиры и сейфа. Совсем край?

— Таня! — Марина прижала руку к груди. — Совсем! Я потом тебе все объясню, если жива останусь, я по гроб жизни тебе благодарна буду!

— За тобой следят?

— Ага...

— Тогда я сейчас тебе ключи дам и объясню, как доехать.

Стоило вернуться в кабинет, зазвонил телефон. Марина посмотрела на экран: Ян. Что и требовалось доказать. Следит. Осознание этого так разозлило ее, что захотелось разбить телефон о стену. Она с трудом сдержалась, ответила на вызов.

— Привет, моя радость, — проворковал он. — Как ты себя чувствуешь?

Марина изобразила на лице радость и постаралась, чтобы голос звучал бодро:

— Привет. Все хорошо. Просто замечательно!

Внезапная мысль заставила ее умолкнуть. Память воспроизвела картинку: темный бар, музыкант с медиатором, кабинки в форме дубовых стволов... Бар «Филин». А что, если направить Яна в заведомо ложное место? Как он отреагирует? Может, ненароком выдаст часть правды?

— О! Только что вспомнила. Как-то ты спрашивал о месте, где встречаются ловцы душ. Я подумала, это может быть бар «Ореховка», Артур меня туда два раза водил. И публика... странная.

— Спасибо, — ответил он без энтузиазма. — По-моему, ты ошибаешься.

— Приедешь сегодня? — осторожно поинтересовалась она.

— Вряд ли. Разве что если после одиннадцати.

Ага! Значит скорее всего догадки верны: Артура будут «брать» сегодня вечером. Надо закинуть удочку, проверить.

— За мной сегодня ехала машина, и появилось предчувствие... плохое. Кажется, что он... ну, ловец, придет ко мне именно сегодня.

— Не волнуйся, сегодня, поверь, точно не придет.

Марина сглотнула и проговорила:

— Ладно, больше не отвлекаю. Если будешь выезжать, набери меня.

Точно, сегодня все решится. И тут же ее «подвинут». Пора собирать чемоданы, пусть коллеги думают, что ее увел Артур, все равно он ничего им не успеет рассказать. Марина уперлась лбом в стену, облизнула губы. Нет! Если она побежит сейчас, всю жизнь проведет в бегах. Надо поехать и предупредить Артура, пусть он расскажет, кто такие эстонки и почему Ян назвал его ренегатом.

Марина зажмурилась и чуть стукнулась лбом о стену — от бессилия, для стимуляции извилины. Ну, не герой она — трусливая женщина. При одной мысли, что она попрется ночью на пустырь, где столкнутся неведомые силы, оторопь брала. Там Артур, его смерти не хочется. И Ян... чтоб его! Или не «чтоб его»? При мысли о том, что с Яном случится плохое, сердце сжималось. Неужели секс так быстро делает людей родными? Или тут что-то большее?

— Кнышева! — воскликнул проходящий мимо Тампошка — Марина встрепенулась. — Ты чего головой о стену бьешься?

— Над статьей бьюсь, — сострила она.

Тампон хохотнул и погрозил пальцем:

— Смотри, не убейся, ты мне целой нужна.

Вернувшись на рабочее место, статьи Марина писать не стала — если выживет, склепает их завтра.

— Могу чем еще помочь? — тихо спросила Танюха.

— Можешь. Забери мой телефон, он на прослушке. Скорее всего в нем и чип, по нему видно, где я. Если откажешься, пойму.

— Фигня вопрос. Ты ж у меня бухаешь, — она подмигнула. — Давай свой аппарат.

— Если будут спрашивать, скажешь, что я его на работе забыла, — инструктировала Марина, наблюдая, как Танюха кладет ее телефон в рюкзак.

— Тогда по легенде ты должна уйти первой, — улыбнулась Танюха. — А я за тобой выбегу, типа, чтоб телефон отдать. Ну, чтоб убедительней было. Естественно, не успею и оставлю его у себя. Валяй давай. Тампону не до тебя.

— Спасибо.

Не сдержавшись, Марина обняла Танюху, чмокнула в щеку и зашагала к выходу, не оборачиваясь. Спустилась во двор, села за руль и завела мотор, чуть не вцепилась в проезжающий мимо автомобиль, встряхнулась. Не стоит погибать раньше времени.

И да, помирать, так с музыкой. Чего бы послушать? Для души или для драйва? Если для души, реветь захочется. Значит, для драйва.

Когда напал сплин и опускались руки, Марина для подзарядки включала спид-метал, и сразу напал работун, второе дыхание открывалось. В бардачке валялся диск «Металлики», Марина сунула его в дисковод, сделала звук погромче. Два подростка с удивлением заглянули в салон: надо же, девушка за рулем, и такой музон!

Появился странный, какой-то горячечный азарт. Марина выжала педаль газа и обогнала маршрутку, завопила, клаксоном шуганула пешехода, переходящего в неположенном месте.

Мысли об Артуре вспыхивали — и гасли. Предупредишь его — спасешься сама. Вы снова в сепке, нравится это или нет.

Навигатор подсказывал, куда свернуть, но все равно до дома Таниной подруги Марина добралась только через час. Несмотря на то что вечером ей предстояло впутаться в по-настоящему опасную историю, от мысли о визите в чужую квартиру сердце начинало частить, а дыхание — сбиваться.

— Ладно, — сказала она себе вслух, — не убьют же тебя там. Тем более ключи дала Таня.

Если что, хозяйка дома ей позвонит. И в милицию не сдаст... а если и сдаст, может, к лучшему, жива останусь. Господи, что же я делаю-то?!

С перепугу припарковаться получилось быстро, во дворе было свободное место — жильцы дома еще не приехали домой с работы. Семнадцатизэтажные типовые новостройки обступали двор — просторный, с детской площадкой, «коробкой» для футбола и прутиками молодых деревьев — лет через десять они вырастут и дадут тень, двор станет уютным. К счастью, на подъездах были номера, Марина без труда нашла нужный, пятый.

Дверь с кодовым замком гостеприимно открыта.

Внутри Марину поджидал сюрприз: в будке консьержа бдил юноша в черной форме. Глаза у него были выпуклые, птичьи, немигающие. Марина съежилась и попыталась проскочить незаметно, вдруг охранник дремлет с открытыми глазами...

— Вы к кому?!

Медленно выдохнув, Марина развернулась к нему, улыбнулась и сообщила номер квартиры. Ничего страшного не произошло: консьерж кивнул и снова замер. С колотящимся сердцем Марина прошла к лифту и поднялась на последний, семнадцатый, этаж.

Лифт, как и все здесь, был новым. На стенке неугомонная рука подростка уже нацарапала слово из трех букв.

На лестничной клетке пахло сигаретами и готовящейся стряпней. Вот и дверь — еще не меняли, деревянная. Марина вставила ключ, заметив, что рука немного дрожит. Повернула до щелчка, толкнула — ничего. Как же так? Неужели ошиблась номером квартиры?

Внезапно дверь распахнулась внутрь. На пороге стояла улыбающаяся молодая женщина, чем-то похожая на Танюху: рваные джинсы, художественный беспорядок на голове, полное отсутствие макияжа.

— Привет! Я Инна. Проходи.

Перед глазами все поплыло, Марина вздрогнула, и смысл сказанного дошел не сразу. Значит, хозяйка дома, и Таня ее предупредила!

— Таня позвонила и сказала, что заедет ее коллега, которой надо дать все, — Инна лукаво усмехнулась, — что именно, я не поняла, но готова...

Марина протиснулась в крохотную — метра три — прихожую, заставленную неразобранными коробками. Видимо, Инна только переехала.

Прикрыв за гостей дверь, Инна уставилась вопросительно. Мимика у нее была богатая и отчетливая, лицо — хорошее, умное. Оставалось только порадоваться за Таню, у которой такая подруга.

— Мне нужен пистолет.

— Фига се...

Инна озадаченно потерла подбородок.

— М-да. Ну... М-да. Вообще это — преступление. Но раз Таня просила... понятно, почему не по телефону. Ладно. Рискнем.

Она зашла в единственную комнату, тоже заставленную коробками, пробралась к оружейному сейфу — небольшому стальному ящику, отперла его, достала пистолет, ремень, еще какую-то штуку, коробку патронов, произвела ряд странных и быстрых манипуляций — пистолет глухо клацнул и щелкнул.

— Разряжен, — сообщила Инна. — Вот тебе магазин усиленных патронов. Учти, это — не стандартная «резинка», можно и убить, если попасть в голову. Зато пробьет зимнюю

одежду и противнику нанесет вред. Обращаться умеешь?

Марина не могла отвести взгляда от небольшой черной машинки. Господи, как в кино! Но что с ним делать?!

— Понятно. Плохая это идея — брать оружие, если не умеешь стрелять. Ты уверена, что сможешь воспользоваться?

— В смысле? — во рту пересохло.

— Что не струсил и сможешь выстрелить в противника?

Марина представила эстонков, идущих к Артуру.

— Да, уверена. Я бы их голыми руками...

— Тогда слушай.

Следующие два часа (с перерывом на чай) Марина занималась малопонятными вещами. Инна заставляла ее «холостить» — отрабатывать стойку, при которой легче попасть в цель, быстро доставать оружие из набедренной кобуры (которой оказался ремень), досылать патрон, перезаряжать, давить на спусковой крючок... Стрелять не стреляли, естественно, но Марина все-таки почувствовала себя уверенней.

— Ты, главное, помни, — напутствовала Инна, — стрелять — это очень громко. Стреляй с близкого расстояния и медленно выдыхай, когда на спусковой крючок жать будешь. Экспертиза по «резинке» ничего не покажет, оружие потом вернешь.

Они обнялись. Марина почувствовала, что сейчас разрыдается: человек помогал ей просто так, не зная всех обстоятельств.

— Береги себя, — сказала Инна. — И возвращайся.

Осенний день заканчивался. Марина глянула на часы: ого! Приехала она к четырем, а уже шесть, в городе пробки, а добираться — на другой конец.

Телефон остался у Танюхи, и Марина надеялась, что подруга прикроет и Ян не догадается, где она на самом деле и что задумала.

А что задумала-то?

План простой, как три копейки: добраться до замка и помочь Артуру. При необходимости — стрелять... Надо же, пару часов назад думалось, что главное — узнать у него, что происходит. Неужели вся мотивация сводится к желанию увидеть его? Помочь, отвести опасность за право еще раз прикоснуться, ощутить кружащее голову падение...

Нет, нет и еще раз нет. Расспросить — и уйти навсегда. Да, так и будет.

Набедренная кобура оказалась штукой неудобной, и в машине Марина ее сняла, но все равно постоянно помнила о заряженном пистолете и дергалась. Вот остановит гаишник — и как объяснить?

Естественно, она влипла в капитальную пробку, зато появилось время подумать.

Детективы Марина никогда особо не любила, если только в фильме или книге не рассказывали про журналистское расследование, а тут пахло даже не детективом — боевиком.

Вооружены ли эстонки? Судя по перестрелке под куполом, нет. Поможет ли против них оружие? Если вспомнить, что говорил Ян, естественной смертью они не умирают, но убить их можно. Уже хорошо. Хочется ли кого-то убивать? Не очень. Если честно, хотелось рвануть домой, лихорадочно собрать вещи и уехать... Куда?

В Сибирь? На Чукотку? В Крым? А что, это мысль. Там множество пустынных приморских поселков, где зимой все впадает в анабиоз. Представиться писателем, снять комнату у какой-нибудь бабули, летом продавать на пляже сочные кукурузные початки,

собирать мидии... Нежиться под солнцем, пока кожа не станет коричневой, а волосы — бронзовыми. Не самая худшая жизнь...

Летом крутить интрижки с отдыхающими — всегда недолго и не всерьез, зимой читать, заниматься спортом. Путешествовать не получится — надо держаться подальше от областных центров и тем более аэропортов.

Ясное дело, мужчин, как Артур и Ян, у нее уже не будет. Интересной работы — тоже. В каждом новом знакомом ей будет мерещиться враг...

Значит, отступать бессмысленно, правильно — бороться за свою жизнь и желательно, избегая прямого противостояния. Она не справится ни с эстонками, ни далее с Яном. Надо оказаться на месте раньше всех и предупредить Артура. А дальше — как получится. Можно вместе бежать, если нет — Марина уйдет одна и постарается скрыться, чтобы ее не «подвинули». Прикроет ли Ян? Не подонки же он окончательный, пусть у него и такое начальство. Но все равно рассчитывать на него не стоит.

Пробка тянулась и тянулась. Уже полдевятого вечера. Девять. До часа икс остался час, а еще ехать и ехать! В отчаянии Марина ударила по рулю, и ее автомобиль возмущенно заголозил, ему ответил кто-то далеко впереди. Сигнализировать в пробке — занятие бессмысленное, единственный результат от него: окружающие узнают, что у этого водителя нервы ни к черту и его лучше не подрезать. Но так хоть немного сбрасывается возбуждение!

Марина сделала «Металлику» громче, но тяжелая музыка раздражала. Все жутко, до одури бесило. И слава богу: злость глушит страх.

Еще десять минут, и взору открылась полицейская машина, мигающая сигнальными маячками, дорожное полотно, все в осколках битого стекла, черная лужа, похожая на спрута. Чуть дальше стоял «КамАЗ», а возле отбойников — покореженная, сплюснутая в блин легковушка.

Место аварии осталось позади, и Марина поехала быстрее, не забывая следить за дорожной обстановкой. Вот знакомый уже поворот, подсвеченная стройка вдалеке, молчаливые пятиэтажки. Чем дальше она ползла по разбитому асфальту, тем больше брошенных домов и тем темнее. Вчера она уже переживала поездку сюда, и сегодня будто отрешилась от реальности и воспринимала происходящее как опасный квест.

Она припарковала машину подальше от замка, во дворе, окруженном брошенными домами. Удивительное дело, если не считать скелета «Москвича», здесь ее машина была единственной. Ощущение, будто в город-призрак попала.

Вытащив фонарик и нацепив неудобную кобуру, Марина отправилась разведывать местность. Темно, глаз выколи. Ни окна не светятся, ни фонари. Марина не рискнула включать фонарик и брела наугад. Через пару минут ее глаза привыкли к темноте, и она начала видеть очертания предметов и лужи под ногами.

Вот шестигранный ларек, где она припарковалась вчера, вот следы протектора, а чуть дальше — ее собственные. Появилась мысль затереть их, но Марина убедила себя, что вряд ли Ян и команда придут сюда пешком. Но даже если так, откуда им знать, что следы — ее.

А вот и пустырь. Теперь Марину интересовал не столько сам замок, сколько окружающая обстановка, то, на что она раньше не обращала внимания. Кроме замка на пустыре было четыре трех- и двухэтажные сталинки под снос. Вдруг что случится, в одной из них можно спрятаться.

В глаза ударил дальний свет — к пустырю приближалась машина.

Марина чертыхнулась, глянула на часы: половина десятого. Ничего себе! Кто это? Хорошо, если Артур, а вдруг Ян с коллегами нагрянули? Оглядевшись, она рванула к ближайшему двухэтажному дому схватилась за ручку двери в подъезд, но дверь слетела с петель и прогрохотала по ступеням. Черт, черт, черт!

По широкой лестнице, пахнувшей мышами, Марина поднялась на пролет, уставилась в окно: автомобиль свернул во двор. Наверное, еще не съехавшие жильцы вернулись домой

или кто-то решил свернуть с дороги и поразвлечься.

«Артур, услышь меня! — взмолилась она. — Я здесь. Тебе грозит опасность!»

На грани отчаяния в любую эфемерную чушь поверишь! Но как не поверить, когда твои силы настолько ничтожны, что лишь чудо может тебя спасти.

Из этого здания открывался вид на далекую трассу, двери в квартиры были заперты, и замок не просматривался. Потому она спустилась, на цыпочках пересекла двор и вошла в трехэтажку с массивным колоннами. Стоя на лестнице, Марина выглянула в окно второго этажа: за ним была асфальтированная площадка, довольно большая, метров сто, упирающаяся в жестяной забор, ограждающий замок. На заборе появилась реклама застройщика и 3D-проект высотки, которая здесь будет. Значит, не удалось Артуру отвоевать замок у бюрократов, и скоро его снесут, чтобы построить очередную «свечку».

Марина поднялась на третий этаж, снова посмотрела в окно. Луна со скошенным боком зацепилась за одну из башен. Поскрипывали петли, замок вздыхал, стонал, будто пытался предупредить ее.

Вокруг — ни души.

В завывания ветра вплелся едва различимый рокот, который все нарастал, и вскоре стало ясно: сюда едет машина. Марина прислушалась: автомобиль двигался левее, не по той дороге, что она, над соседним двором ползло световое пятно.

Не Артур, его она почувствовала бы. Коллеги прибыли занимать позиции. Весь план коту под хвост! Теперь не получится предупредить Артура по-тихому. Будто стараясь спрятаться, Марина натянула капюшон, прикинула к стене, хотя понимала, что за черным стеклом ее не увидят.

Вскоре здоровенный внедорожник вырулил на асфальтовую площадку, фары погасили, и коллеги высыпали на асфальт, залитый лунным светом, — молча, без лишних движений. Узнаваемый статный силуэт Яна, Толстяк в светлом пальто и шляпе и две тонкие фигурки эстонок. Главный, сидящий за рулем, включил заднюю передачу и сдал в соседний двор — рев мотора стих. Постояв напротив замка, команда разошлась, причем Ян направился к Марининому убежищу.

А что, если он зайдет в этот же подъезд? Сердце затарабанило гулко, Марина взбежала еще выше, но на решетке, что вела на чердак, висел замок. Что же делать? Марина завертела головой, начала ломиться в квартиры, но все они были заперты. Осталось надеяться, что Ян или свернет в соседний подъезд, или не станет подниматься аж на третий этаж с лестничного пролета. Замок лучше видно.

Шаги все ближе. Марина представила черный прямоугольник сорванной с петель двери, лежащей на ступенях соседнего здания. Ясно же: тут кто-то побывал! Ян замер над ней, постоял немного. Его волосы такие белые, что светятся в темноте. Он, конечно же, все понял. И может, все не так? Вдруг Ян просто шагнул под козырек подъезда, бегло оглядевшись?

И что делать? Стрелять? В Яна??? Марина непослушной рукой достала пистолет. Вроде патрон дослан... или нет? Но как же можно стрелять в Яна, он же самый неплохой из них. Может быть, он действительно, по-настоящему хороший! И ничего плохого он ей не сделал... И не сделает, он просто не знает, что происходит.

Шаг, еще шаг. Шумный зевот и тишина. Слава богу, дальше он подниматься не стал. Капля пота скатилась по щеке, защекотала шею. Зачесалось под лопаткой, но Марина замерла изваянием у окна.

Было так тихо, что она слышала дыхание Яна. Если она шевельнется, зашуршит куртка, и он поймет, что не один. Странно, что еще не догадался.

От адреналина частило сердце и бросало в жар. Она почти нашла Артура, но не сможет его предупредить, будет стоять неподвижно и смотреть на свершающуюся казнь.

Надо что-то придумать. Всегда есть выход.

Эстонки разошлись в разные стороны, обогнули забор и исчезли из вида, Толстяк тоже ушел, остался только Ян. Получается, Артур появится с другой стороны, там они и рассчитывают его взять. Ну, давай же, Янушка, иди к своим, тут тебе нечего делать!

Тогда можно будет обойти их и встретить Артура раньше. Если, конечно, он не выйдет из замка.

Внизу что-то щелкнуло, скрежетнуло металлом о металл. Снова щелчок, еще один. Клад! И тишина. Что Ян там делает, пистолет заряжает, что ли?

Хотя бы ушел, господи! Но Ян затаился, задышал чаще — заволновался. И вскоре Марина поняла почему: она ощутила прикосновение.словно теплая ладонь коснулась не кожи — самой души. Артур, не надо тебе сюда! Тебя здесь ждут. Уезжай!

Но Артур не слышал ее, вдалеке рычал мотор, и рокот все нарастал. Ехал Артур с другой стороны замка, оттуда, где стройка. И ничего, ничегошеньки нельзя сделать! Отсюда не было видно, что происходит за ограждением. Вроде мотор затих, воцарилась тишина — обманчивое затишье в оке циклона.

Давление чужого присутствия усилилось, кожу стали покалывать сотни иголок.

Артур! Опасно! Марина зажмурилась и попыталась транслировать в мироздание свои эмоции. Открыв глаза, посмотрела на часы: без пяти десять. Есть еще пять минут. Черт с ним, надо кричать, предупредить...

Будто невидимый кулак ударил под дых. Словно акушер перерезал пуповину — перед глазами потемнело, Марина пошатнулась, но устояла на ногах. Точнее, мир пошатнулся, она — вместе с ним, как эмбрион в темноте утробы.

Что это???

— Ян, он идет к тебе! Раненый! — крикнула одна из эстонок, и Ян побежал вниз, выскочил на порог. — Слева обходит! Быстро!

Марина прикинула к окну. Пересекая асфальтовую площадку, во мраке метнулся темный силуэт. Ян вытянул руку. Выстрел! Он рванул в темноту, больше его видно не было.

Пришли неповоротливые, будто чужие мысли. Неужели все? Марина прислушалась к ощущениям: давление едва заметное. Значит, Артур еще жив.

— Посвети! — закричал Ян из соседнего двора.

И тут с глаз будто сорвали пленку. Время истекает, с каждой секундой шансов все меньше. Позабыв обо всем, Марина выскочила наружу, размахивая пистолетом. Надо что-то сделать. Отвлечь их и спрятаться, дать Артуру шанс оторваться. И будь что будет.

«Стрелять — это громко», — вспомнились слова Инны.

Она подняла пистолет дулом в небо и выстрелила. Вспышка. Одновременно — хлопок по ушам, да такой, что в голове загудело. Резко запахло порохом.

Движение во дворе замерло.

Марина метнулась в укрытие — за угол дома, отсюда до машины было довольно далеко. Она надеялась услышать переговоры, но эстонки, Ян и Толстяк затаились. Можно выманить их на себя и дать Артуру шанс уйти? Хотя это почти наверняка значит погибнуть.

Тишина. Подкрадываются, наверное. Марина осторожно выглядывала и знала, что по пустырю к ней никто не подойдет. А если из-за спины?

Она обернулась. Прямо перед ней стоял Ян, и в темноте было видно, насколько бледное у него лицо. Ну вот и все. Ян медленно поднял руку, и Марина повторила его движение. Прицелилась. Права была Инна: неизвестно, получится ли выстрелить, тем более в Яна. Он будто бы решил: в слабом освещении города Марина разглядела, как лицо Яна исказилось в гримасе. Марина зажмурилась, палец на спусковом крючке дрогнул... нет.

Не сможет.

Но и Ян почему-то все не стрелял. Марина открыла глаза.

— Здесь пусто! — крикнул Ян, опустив пистолет. — Он где-то прячется! — и добавил шепотом: — Убирайся. Все — потом.

Обогнул Марину по широкой дуге и вышел на пустырь.

Что это значит? Марина решила подумать позже, сейчас она и благодарности-то особой не испытывала.

Артуру плохо. Его боль накрывала волнами.

Марина выглянула из-за угла: Яна уже не было, никого не видно. Есть ли у нее шанс добраться до автомобиля? Тогда она объедет пустырь, попробует подобраться к Артуру с другой стороны... Надо только собраться с силами. Еще не все кончено. Марина глубоко вздохнула и кинулась к машине, спотыкаясь и каждую секунду ожидая выстрела в спину или прикосновения невидимых рук эстонок. Никто по-прежнему не стрелял.

Она открыла дверцу и только собралась сесть за руль, как заметила человека в кожаной куртке не по сезону. Он сидел, прислонившись к колесу у пассажирской двери.

— Артур, — шепнула Марина, приоткрыв дверь.

Мужчина повернулся, без сил завалился на бок.

— Это ты! Но как ты... Поехали отсюда! — лихорадочно зашептала она. — Скорее же!

Выбора у него не было, но подняться он не мог, Марине пришлось выходить и втаскивать его на заднее сиденье. Артур лег на спину и устался в потолок.

Марина трясущимися пальцами вставила ключ в замок зажигания, приговаривая:

— Только бы не услышали, только бы не услышали...

Машина тронулась с места. Фары Марина, ясное дело, не включила, и дороги видно не было — «Ланос» танцевал на выбоинах, пару раз даже пузом ударился.

Марина, шепотом молясь всем богам, поглядывала в боковые зеркала, ожидая, что сейчас вырулит внедорожник, мазнет светом по глазам... Но ей пока везло.

— Кто-то выстрелил, они отвлеклись на него, и меня это спасло, — прохрипел Артур.

— Ты ранен?

— Физических повреждений нет, — ответил он. — Спасибо тебе. Думал, ты с ними заодно.

— С кем — с ними?

— С жителями Эдема.

Марина не разглядела ржавый столбик и въехала в него. Раздался хруст стекла.

— Не... останавливайся. Поехали отсюда.

— Тебе надо в больницу, — настаивала Марина.

— Там мне не помогут, я целый. Мне надо... отлежаться. Ч-черт! Ммм...

— Больно? Где болит?

— Ммм... везде. Но я — целый, просто поверь.

Вскоре они выехали на скудно освещенную дорогу, и Марина включила фары. Вдалеке замаячила трасса. Неужели оторвались? Спасибо, господи!

Марина так нервничала, что выветрились все вопросы, которые она хотела задать Артуру, перед ней стояла первоочередная задача — выжить. Надо спрятать Артура в безопасном, никому не известном месте. Например, у мамы, она в Турции пробудет еще неделю. Хорошо, что ее дом недалеко отсюда.

Знает ли Ян, что мамина квартира пустует? Марина напрягла память, пытаюсь вспомнить, говорила ли ему об отъезде своих родных. Вроде нет. Значит, везем Артура к маме. Ирония судьбы!

Единственный вопрос Марина все-таки задала:

— Артур, Оливия жива?

— Кто?

— Оливия, певица.

— Да, ммм... Привет... тебе.

— Потерпи, нам ехать минут пятнадцать... Не замолкай, говори со мной, слышишь?

— Не могу. Сил нет. Я не ранен, тут... другое. Нужен покой.

— Они убьют меня? Если...

— Нет, пока жив я. Или если подумают, что пе... Перевербовали.

Марина проползла на мигающий желтый и едва ушла от столкновения с летящей навстречу резвой легковушкой. Свет ослепил, визг тормозов и сигнал клаксона оглушили ее, она остановилась у тротуара и включила аварийку.

— Внимательней, не отвлекайся, — взмолился Артур.

Марина мелко закивала, завелась и покатила дальше по трассе. Вопросов она больше не задавала, лишь поглядывала на Артура, стонущего на заднем сиденье. Крови вроде нет.

Остановившись возле маминого подъезда, Марина вышла из машины, осмотрелась: никого подозрительного, перевела взгляд на разбитую фару и помятое крыло. Первая авария, можно себя поздравить! Мелочи, плевать на это.

Артур лежал, не шевелясь. Марина распахнула заднюю дверцу, растолкала его, он замычал, открыл ослепленные глаза.

— Приехали, — сказала она. — Придется встать и идти. Сама я тебя не донесу.

— Постараюсь, — помогая себе руками, Артур сел, потряс головой.

Марина протянула руку, но он поднялся сам, лишь чуть оперся о ее плечо. Еле переставляя ноги, он двинулся к подъезду.

Сидящие на лавочке влюбленные, наверное, подумали, что жена ведет домой сильно выпившего мужа. Потеряв интерес, они снова обнялись и поцеловались.

Марина немного пришла в себя и уже обдумывала, что спросит у Артура, когда они доберутся до квартиры: кто такие Ян и компания, люди ли они, что такое Эдем, почему охотятся на Артура, где прячется Оливия и зачем скрывается. И вообще, неплохо было бы, чтобы Артур объяснил свои действия, в том числе обидный, мягко говоря, эпизод их отношений, когда, желая добра, выставил ее на улицу. Да, и за Катю пусть ответит.

Пока Марина открывала дверь в квартиру, Артур стоял, прислонившись спиной к стене, и часто, прерывисто дышал. Наконец замок послушался, и Артур, не разуваясь, протопал в мамину спальню.

— Чаю сделать? — спросила Марина, снимая сапоги, но гость не ответил.

Раздевшись, Марина зашагала к Артуру: он неподвижно лежал на животе на мамином любимом розовом халате, оставленном на кровати; лицо его было бледно-желтым, губы

— синеватыми.

Господи, неужели умер? Марина рванула к нему, упала на колени, перевернула его на спину, размотала белый шарф, коснулась шеи и нащупала пульс.

Фууф... живой!

Вот только разбудить Артура не получилось. Отчаявшись, она села рядом с ним, похлопала его по ноге.

— И что мне теперь с тобой делать, спящий красавец? Может, скажешь хоть, что такое Эдем и откуда вы все взяли на мою голову?

— Мы все... не отсюда...

— А откуда? Что это значит?

Вопрос растворился в звенящей тишине.

Часть третья

Марина еще раз потормошила Артура, разлегшегося на диване. Без толку. Пациент без сознания. Интересно, надолго ли?

Злая на саму себя, Марина принялась стягивать с него ботинки — скорее механически, чем осознанно. Неизвестно, кто страшнее: эстонки и Главный или мама, увидевшая испачканный ковер. Во втором случае Марину гарантированно ждала долгая и мучительная смерть.

И чего не расспросила Артура в машине, где находится Эдем, откуда пришли эстонки с Главным! Теперь придется мучиться в неведении.

Тяжело вздохнув, Марина швырнула ботинки Артура в прихожую, перевернула его на спину, села на кровать и похлопала его по щекам.

— Проснись! Артур! Ну же, ты все время играл нечестно!

Голова Артура моталась из стороны в сторону, просыпаться он не собирался. Марина рухнула рядом, закрыла глаза. Недавние события кадрами пронесли перед глазами: ночь, брошенные дома, замок, Ян, целящийся в нее и зачем-то опускающий пистолет, гонка по бездорожью, разбитая фара...

Почему Ян не выдал ее? Неужели он тоже не доверяет Главному? Или виной тому его личная заинтересованность?

Кто даст ответы?

По-хорошему следовало позвонить Яну и прямо спросить. Но, во-первых, телефон у Танюхи, а номера Яна она не помнила, во-вторых, стоило представить, как набирает его, и бросало в жар, сердце частило... Наверное, то же чувствует неверная жена, застигнутая врасплох. Если Ян запал на Марину, то, выходит, она изменила ему, приняв сторону Артура? И потеряла союзника?

Застонав, Марина вскочила, бросилась в зал, открыла бар, где вместо спиртного хранились лекарства, принялась искать нашатырь. Артур должен знать, враг Ян или друг.

Нашатыря не нашлось, зато обнаружилась допотопная «звездочка», Марина взяла ее, принялась натирать уши Артура, нажимать болевые точки под носом — ничего не помогало. Лицо Артура оставалось бледным, губы — синюшными.

Боевой настрой постепенно исчерпал себя, и навалилась усталость. Марина буквально с ног валилась, чувства отрубались одно за другим, будто кто-то нажимал в ее мозгу кнопки.

Нельзя расслабляться! Ничего еще не решено. Марина ущипнула себя за плечо, зашипела — сразу же надулся синяк, зато в мозгах посветлело.

Во всей красе встал вопрос, что делать. Инстинкт самосохранения взвыл: «Бежать! Все бросить и рвать когти!», но Марина быстро обуздала его.

Сначала нужно узнать, рассказал ли Ян эстонкам, что видел ее возле замка. Если рассказал, дожидаться, когда Артур очнется, и бежать из города. Если нет, жить обычной жизнью и не отсвечивать, дабы не вызывать подозрений.

Как все-таки повезло, что Главный оказался карьеристом и не позвал на помощь сотрудников агентств, которые находятся в других городах!

На повестке дня первым пунктом — звонок Яну. Марина поежилась. До чего же это, оказывается, сложно! Будем исходить из того, что он не враг. Надо прикинуться дурочкой, пожаловаться на мнимую слезку — это на случай, если эстонки рядом и подслушивают. Потом встретиться в нейтральном месте и выпытать, что он знает. Трепыхнулась совесть: нехорошо использовать влюбленного человека.

А если им руководила не любовь, а непонятные мотивы? Может, Ян просто пытается

втереться в доверие, чтоб подобраться к Артуру и выслужиться? Вдруг он, как и Главный, карьерист?

Вторым пунктом — дожидаться, когда Артур проснется, и расспросить про все. Ну, и задним числом надавать ему пощечин — за себя и Катеньку, похороненную в свадебном платье.

Не зная, что происходит в агентстве, принимать какое бы то ни было решение неосмотрительно. Марина глянула на часы: елки-палки! Начало первого ночи. Да, еще следует вернуть пистолет Инне.

Марина сварила кофе и отхлебывала из чашки, меряя шагами комнату. В бардачке машины хранился блокнот, куда уже два года копировались номера телефонов на случай, если мобильный потеряется. Там, точно, должен быть номер Тани, а может быть, и Яна.

Возле двери Марина замерла. Стоило представить улицу, пасмурное небо, подсвеченное фонарями, черные тени, где может скрываться кто угодно, и накрывала волна паники. А что, если эстонки уже там, притаились, ждут?

Марина тряхнула головой и, цепенея, распахнула дверь. Вторая паническая атака ее сразила, когда загудел спускающийся лифт. Она была уверена, что в нем ее ожидает Толстяк с пистолетом, и предпочла спускаться по лестнице. Несмотря на то что пролеты освещались и потому просматривались со двора, так она чувствовала себя спокойней.

На улице начался дождь. Ветер швырял капли в стекла, барабанил по кузовам машин, в лужах, золотых от света фонарей, надувались пузыри.

Ни единого человека во дворе. Соседние дома спали, свет Марина насчитала в десяти окнах. Распахнула подъезд и, кутаясь в пальто, рванула к своей машине, плюхнулась на водительское сиденье, принялась копаться в захламенном бардачке. Вот он, маленький блокнот в коричневой кожаной обложке, со страницами, помеченными буквами.

Марина открыла список контактов на «Т». Танюхин телефон там был, причем и мобильный, и домашний. А вот страница «Я» пустовала. Забыла записать Яна, голова дырявая! Черт, сколько сложностей из-за дурацкой забывчивости!

Разозлившись на себя, Марина забыла о страхе и поднялась в квартиру на лифте, метнулась к стационарному телефону, набрала Танюху. Отсюда звонить можно, квартира-то мамина, вряд ли телефон на прослушке.

Гудки... гудки...

Или ее нет дома, или она не слышит звонка. Попробуем звякнуть на мобильный. Ответили хриплым мужским голосом. Душа ушла в пятки, Марина решила уже бросить трубку, но голос сделался женским:

— Кто это? Поздно, блин... охрипла спросонья.

— Таня! — радостно выдохнула Марина.

— Маринка! Живая! — в ответ обрадовалась Таня. — Фууу, как же я за тебя волновалась! Слушай, тут тебе телефон оборвали.

— Глянь, кто звонил.

— Пять раз — Ян, уже после десяти.

— Ты где? Мне к Инне надо, вернуть... В общем, вещь.

— Ааа... Я как раз у нее.

— Еду.

— Ждем.

Перед тем как уехать, Марина снова похлопала Артура по щекам, без эффекта

понажимала болевые точки. Совесть пищала, что оставлять человека в таком состоянии негуманно, но здравый смысл убеждал, что надо решать проблемы и ничего с ним не делается.

Вырвав листок из школьной тетради племянника, Марина написала черным маркером: «Дождись меня», прилепила на дверь скотчем. Если Артур захочет уйти, он, конечно, уйдет, не остановит его записка, зато появилось ощущение, что она сделала все, что следует, и теперь можно идти с чистой совестью.

На пороге она развернулась, уже обутая и одетая побежала в темную комнату, села на диван, протянула руку к Артуру, подержала над его волосами, не решаясь прикоснуться. Вот она, встреча. Разве не этого ты так долго ждала? Вот он лежит, близкий, но... чужой, что ли. Будто незнакомый человек, а не мужчина, из-за которого жизнь так круто поменялась.

Собравшись с силами, Марина провела по его щеке — теплой, шершавой. Она думала, что чувство накроет волной, захочется всю ночь сидеть рядом, гладить его, делиться своим теплом, но ничего подобного не случилось.

Значит, никакой зависимости, никакой ломки. Как странно.

Нити дождя стегали стены высотки, ветер выворачивал зонтик Марина устроилась на водительском сиденье и лишь тогда огляделась: в поле видимости никого. Осталось вспомнить, куда она дела пистолет. От переживаний память отшибло. Дома его точно не было. В бардачке? Пусто. Черт, неужели потеряла?

Травмат нашелся под пассажирским сиденьем, Марина выдохнула с облегчением. Теперь — поехали! Народ спит, дороги пустые.

Вскоре она оказалась у новостроек, в одной из которых обитала Инна. Если в мобильном был жучок, то на этом месте могут дежурить люди из агентства. Но Танюха по телефону отвечала так, что ясно было: к ним в квартиру никто не заглядывал. Но может, согладалаи снаружи? Остановившись в конце двора, Марина выключила мотор, погасила свет в салоне и долго сидела, вглядываясь в темноту, подсвеченную тусклыми фонарями. Нет, пуст двор, пуст и темен. Наконец она вышла, нашла нужный подъезд и набрала 579 на домофоне. Из динамика донесся хриловатый голос:

— Входи, открыто.

Окно будки консьержа было зашторено — бравый страж спал без задних ног.

Деревянная дверь распахнулась, едва Марина надавила на нее. Воровато оглядевшись, она переступила порог, чихнула: пахло кофе и сигаретами. Навстречу вышла Инна, поздоровалась, взяла пистолет. Татьяна приняла пальто из рук Марины, повесила на вешалку в прихожей.

— Идем в кухню, — шепнула Таня. — В спальне в моей сумочке — твой телефон с «жучком».

Марине уже сварили кофе, она сделала глоток, потупилась.

— Так во что, подруга, ты ввязалась? Проиграла себя в карты? — любопытствовала Танюха.

Марина покосилась на Инну, подумала-подумала, да решила выложить все как есть. Если решат, что у нее шизофрения, пусть в дурдом сдают.

— Помнишь время, когда я влюбилась и начала вести себя странно? — Татьяна кивнула, Инна подперла голову рукой и приготовилась внимать.

Марина начала рассказ, стараясь вспомнить каждую деталь, заново все пережить и понять, что же значит для нее Артур. Когда рассказывала, как он выставил ее за дверь, слезы на глаза навернулись. Такое не прощают, и он от лично это знал, но почему — «для твоего блага»? Затем рассказала, как выкарабкивалась, про Яна и агентство, про

Оливию, чуть не превратившуюся в зомби...

— Они вампиры, что ли? — вскинула брови Таня. — Очень похоже. И ты тогда была, будто тебя выпили.

Марина продолжила, повторно осмысливая детали. Эстонки. Исчезновение Оливии. Смерть Кати. Звонок, когда Оливия предупреждала об опасности. Ночной визит Толстяка, вычисленного по запаху. Переписка в скайпе...

— Ни черта непонятно, — помотала головой Танюха. — Это что? Правда? Но... Блин, как в кино. Извини, трудно поверить.

Скрестив руки на груди, она подошла к окну, опустила жалюзи. Инна молчала.

— Я не рассчитываю, что вы поверите. На вашем месте я подумала бы, что у коллеги поехала крыша.

— Ты продолжай, продолжай, — Татьяна оперлась о подоконник, помассировала висок. — Если бы я не видела, что с тобой происходило тогда и как ты изменилась после, так и подумала бы. К тому же твой кавалер, Ян... Не знаю, что в нем не так, но он странный.

Последовал рассказ о поисках «сферы», старинном замке и операции агентов, когда Артур чуть не погиб.

— Он у мамы дома, — закончила Марина. — Без сознания. Не знаю, что теперь делать, я просто в панике.

— Я не поняла, — заговорила Инна. — Этот Ян, он кто? Друг или враг?

— Если бы я знала! Да, он помог мне. Но они ничего не делают просто так. Знаете, что про них Артур сказал? Жители Эдема. И думай, что хочешь. Может, это какая-то местность? Страна?

— Нет такой страны, — мотнула головой Танюха.

— Знаю, что нету, — вздохнула Марина. — А если это название какой-то территории, или что-то на сленге... Может, община какая-то религиозная?

— Секта? — удивилась Инна. — Это уже больше похоже на правду. Место, где живут, эти сектанты называют Эдемом, а?

— Но по ее рассказу, — возразила Танюха, — эти товарищи из агентства больше похожи на какую-то спецбригаду, ну или спецслужбу, чем на сектантов.

— Не очень я верю, что Яном движет симпатия, — заключила Марина.

Инна хлопнула ее по плечу:

— Эээ, подруга! Когда говорит сердце, разум смолкает. У мужчин так же, как у нас, поверь. Мы очень мало отличаемся.

Татьяна не разделяла ее оптимизма:

— А вдруг он тогда, в замке, когда появился за твоей спиной, понял, что Артур ушел, и решил дальше использовать тебя как наживку. Тем более он слишком много о тебе знает...

— Пятьдесят на пятьдесят, что он в меня влюбился и не обидит, — вздохнула Марина, постучав пальцами по столу, — или что для него это только работа, холодный расчет и имитация чувств. Вот что делать? Позвонить ему? Стремно-то как... Мы ж с ним... того. Вы поняли. А я его предала, спасая старого любовника.

— Уууу, какие страсти! — оценила Инна, встала, чмокнула Таню в щеку. — Вы общайтесь, я — на балкон, от такого аж курить захотелось.

Марина проводила ее взглядом. В этой необжитой, новенькой квартире было по-своему

уютно: чувствовалось, что подруги обустроиваются здесь с любовью, надолго и что эти стены пока не знали ни ссор, ни слез — только ночные чаепития и взаимопонимание...

— Итак, — Танюха потерла красные глаза, — первым делом надо выяснить, стоит ли доверять Яну. Проверить можно только одним способом: позвонить и спросить, зачем он тебя спас.

— Телефон прослушивается, — напомнила Марина.

— Эка проблема, с моего позвонишь, я симку вставлю в старый телефон, потом его выкину и симку поменяю!

— Ну да, можно, наверное. А если он соврет?

— А ты не поймешь, врет он или нет?

Марина задумалась. Да, в отличие от Артура, Ян мог и умел врать, но интуиция подскажет, наверное, говорит ли он правду.

— Такие вещи по телефону не обсуждаются, — подытожила Марина, — мне надо позвонить ему и договориться о встрече на нейтральной территории. Только страшно.

С балкона выглянула окутанная облаком табачного дыма Инна:

— Тебе еще раз пистолет одолжить?

— Ну уж нет. Убивать Яна я точно не собираюсь, а себя защитить... ой, девочки, против них пистолет — как против Терминатора пистоны. Один раз мне повезло, а второй — не знаю.

Танюха принесла два телефона: старенькую «нокию» и аппарат Марины. Она взяла свой в руки осторожно, будто он мог взорваться. Нервы все-таки ни к черту. И действительно, куча пропущенных от Яна уже после десяти вечера.

Марина включила древний телефон Тани и, сверяясь со своим, набрала номер Яна. Инна снова унесла ее мобильный в ванную и заперла там. Ян ответил тут же, голос был ничуть не заспанный, резкий и злой.

— Алло!

Марина перевела телефон на громкую связь, жестом попросив подруг молчать. Они вдвоем склонились над «нокией».

— Алло, кто это?

Ответить оказалось трудно. В горле распух противный ком нерешительности. Таня молча пихнула Марину кулаком в плечо.

— Это я, — прошептала Марина.

— Кто? Громче говорите.

— Это Марина.

Теперь замолчал Ян. Казалось, он молчал целую вечность, сто миллионов лет или даже больше, и Марина успела состариться и рассыпаться в прах, дожидаясь ответа, и новостройка одряхла и обрушилась, и даже солнце стало красным гигантом, а потом взорвалось, уничтожив Землю...

— Как хорошо, — хрипло ответил Ян. — Как хорошо, что ты жива! Ты в порядке?

— Да, я с чужого номера...

— Правильно. Слушай меня: по твоему телефону никаких обсуждений. Пользуйся им, но только для повседневной фигни. Коллеги думают, что ты гуляешь у подруги — и пусть думают. Сейчас езжай домой. Лучше возьми такси, ночь, ты устала. Я подъеду.

Инна выразительно закатила глаза, вскинула руку с несуществующим пистолетом и приставила палец ко лбу Марины. Она поняла намек.

— Где гарантия, что ты меня не убьешь? И что у меня не сидит Толстяк?

— Толстяк больше нигде не сидит. Погиб при выполнении задания. О нем не беспокойся. Всем не до тебя сейчас... пока. У нас объект ушел, сотрудник мертв. Но тебе не доверяют, будут следить даже без моего ведома, учти это. Потому тебе нужно вести себя, как обычно, например, пойти завтра на работу. Сейчас же езжай домой. И верь мне. Пожалуйста, Марина. Я ради тебя пошел на многое. Верь мне.

Из глаз сами собой полились слезы. Марина зашмыгала носом, Таня сунула ей бумажное полотенце. Очень уж искренним чувством были пронизаны слова Яна. Нет, такое не подделать, даже величайший актер не сыграет эту надежду на грани отчаяния!

— Я еду, — сказала Марина. — Буду минут через сорок. Этим номером больше не пользуюсь.

Она отключилась и посмотрела на подруг. Инна выглядела настороженной, а Танюха расчувствовалась.

— Блин, какой мужик, какой у него голос! — сказала она. — Прямо хоть ориентацию меняй! Это он Толстяка уколошил?

— Без понятия...

— А я бы до конца ему не верила, — задумчиво произнесла Инна. — Мало ли что у этих нелюдей и их товарищей на уме. Будь осторожна, не дай заманить себя в ловушку... Знаешь что? Ты поедешь на такси, а мы — за тобой. У меня есть машина. Мы с Таней подождем во дворе, пока Ян не выйдет от тебя или пока ты не подашь знак, что все в порядке.

— Спасибо, девочки. Что бы я без вас делала?

Договорились об условном знаке: Марина три раза включит и выключит свет на кухне. На какое окно смотреть, она нарисовала на листе бумаге. Кроме того, Марина пообещала выглянуть в окно и рукой помахать, чтоб подруги не волновались. Следующие пятнадцать минут прошли в ожидании такси и лихорадочных сборах, и только перед выходом Марину осенило:

— Инна, а тебе завтра на работу?

— Нет, я на дому работаю, — улыбнулась она, — мне никуда не надо.

— Сможешь подъехать домой к моей маме? Там Артур в отключке. Если очнется прямо при тебе — набери меня и скажи... Не знаю... Что скучаешь по мне, или сантехник пришел. Придумай, я пойму. Ключи вот.

— Учти, — мрачно сообщила Инна, — если он начнет плохо себя вести, я его пристрелю, не посмотрю, что вампир.

— Да не вампиры они на самом деле. Хорошо, разрешаю его пристрелить, но не насмерть! — рассмеялась Марина.

В такси ее снова накрыло: ночной город проносился мимо, а она застыла в ступоре, неподвижно глядя в окно. По пустой трассе за раздолбанной «Волгой» с шашечками, как прилепленный, гнал «фиатик» Инны. Мелькали, оставляя размазанный свет, фонари, бросалась под колеса белая разделительная полоса, водила попытался включить шансон, но Марина попросила убавить громкость, он обиделся, и теперь ехали в тишине. Навстречу неизвестности.

На кухне у подруг все казалось простым и почти неопасным, для них за рассказом Марины и словами Яна о гибели Толстяка ничего не стояло — просто прикольная странная история, просто невероятный сюжет. Для Марины же все это было реальностью, настолько непривычной, что разум отказывался ее воспринимать. Усилием воли Марина заставила себя собраться: несмотря на подстраховку подруг, действовать

предстояло самостоятельно и соображать — тоже. А значит, надо было быть готовой к любому повороту.

Таксист притормозил у подъезда, Марина полезла за кошельком.

— Сто, — озвучил водитель.

Она протянула купюру, удивляясь дешевизне перевозчика.

— Сто долларов, время ночное.

Марина фыркнула, положила сотню на приборную доску и попыталась выйти, но дверь не открывалась. Дернула за ручку раз, другой. Водитель усмехался, демонстрируя золотые зубы.

— Сто долларов, красавица, или никуда не пойдешь! Ладно, давай пять сотен и вали.

Она разозлилась по-настоящему. Все неприятности предыдущего дня для Марины сконцентрировались в этом хаме, требующем непомерной оплаты за услуги. Ярость ее приняла завершённую форму клинка, Марина развернулась и словно воочию увидела, как лезвие входит в горло таксиста. Конечно, кровь не брызнула, но улыбаться хам перестал, заморгал рассеяннo и руку к горлу поднес.

— Сотни достаточно, — твердо произнесла Марина.

— Да катись ты! Ведьма!

Он разблокировал дверь, и Марина выскочила на свежий ночной воздух. Дождь прекратился, было уже три часа, и ни одно окно в доме не горело, пуст был двор — холод разогнал по норам выпивох и подростков, собачники давно выгуляли хвостатых питомцев. Марина поежилась под порывом ветра, забравшегося под пальто. Оглянулась: таксист газанул, выезжая, а «Фиат» запарковался в тени.

Набрала код, открыла дверь. Подъезд казался чужим, незнакомым. Тишина, ни звука: никто не ругается, никто не смотрит телевизор: Только кошка где-то орет...

Мисска!

Она взбежала на один пролет лестницы, и в растерянности остановилась, глядя вверх, в черноту подъема: Мисска вообще не отличалась разговорчивостью, а в то, что она размякалась, почуяв Марину, вообще не верилось. Оголодать настолько, чтобы звать на помощь, кошка попросту не успела — Марина кормила ее утром. Вывод напрашивался сам собой: дома кто-то был.

Вспомнился след чужого присутствия, недобрый, будоражащий — так было, когда Толстяк наведлся к ней. Но Ян сказал, что Лев Анатольевич погиб в перестрелке.

И кстати. У Артура не было пистолета. Застрелить Толстого Артур попросту не мог.

Марина прижала ладони к щекам. Что делать? Звать девочек? Инна, конечно, вооружена, а Танюха — барышня боевитая, но разве выстоят они против нелюдей? Выход один: уезжать. Бежать, хватать Артура (или оставлять его на верную смерть), скрываться. Фамилию можно на папину поменять, изменить имя — тоже не проблема. Написать доверенность, продать квартиру, вывезти деньги и купить жилье в какой-нибудь небольшой теплой стране. И всю жизнь вздрагивать, слышав шаги за спиной, от каждой тени шарахаться.

Неужели Ян предал? Неужели он и не был на стороне Марины?

Но почему тогда позволил ей уйти, не застрелил? Непонятно.

Колени дрожали, Марина уцепилась за перила. Мисска вопила на одной ноте: мяу, мяу, мрррм-ааа. Будто перед носом кошки трясли пакетиком с любимым кормом.

Марина сосредоточилась, пытаясь почувствовать тревожные признаки чужого присутствия, но следа недоброго пришельца не было. Она осторожно сделала шаг на следующую ступеньку, каждую секунду ожидая нападения. Мисска замолчала. Марина,

преодолевая сопротивление воздуха, ставшего похожим на желе, по лестнице поднялась на свой четвертый этаж. Остановилась перед дверью, зажав в руке связку ключей. Вроде все спокойно.

Дверь распахнулась, Марина вскрикнула.

На пороге стоял Ян.

— Что? Как?! — проговорила она.

— Позаимствовал дубликат у покойного Толстяка. Извини, я не мог ждать тебя на улице.

Марина прошла мимо него в спальню, обмирая. Но удара не последовало, а Мисска выглянула из кухни, обтерлась пушистой щекой об ноги и отправилась обратно — доедать.

— Привет, — наконец удалось выдать из себя.

Из-за того, что Ян ее встретил, собственное жилище казалось чужим, и Марина неловко топталась, снимая пальто, Ян принял его и повесил, сбрасывая обувь... Он все время был очень близко, и от него пахло незнакомо — будто кедровым или машинным маслом. И порохом.

— Привет. — Ян внезапно обнял Марину, прижал к груди и держал так, не давая вдохнуть.

Она стояла с тапкой в левой руке, чувствуя себя дурочкой, и не могла разобраться: приятен внезапный порыв или все-таки не очень? Скорее, приятен — тело стало мягким, податливым, теплым, хотелось покрепче обнять Яна и поцеловать... с другой стороны — разные мысли лезли в голову, не давая расслабиться. Марина отстранилась.

— Давай кофе выпьем. Ночь уже на дворе, я спать хочу.

— Ты не голодная? Я по дороге взял пирожных.

Марина улыбнулась: насколько же мужчины верят в распространенный миф о любви девушек к сладкому. Голодная женщина не хочет пирожное. Голодная женщина хочет бутерброд с колбасой, кусок мяса, жареную картошку; гречку, сыр, рыбу, хотдог, борщ — но не пирожное. Нет, конечно, иногда за сладкое человек готов убить, но не постоянно же им питаться.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Но сначала сварю кофе.

Ян поплелся следом, какой-то пристыженный, и Марина наконец-то почувствовала себя хозяйкой положения. Она поставила чайник, достала молотый кофе. Уселась за столом напротив Яна.

— Рассказывай, — предложила Марина.

Он уставился на сцепленные пальцы. Несколько минут прошли в тяжелом молчании.

— Помнишь, я тебе говорил, что не так давно работаю на Главного? По сравнению с остальными, конечно. Всего два года. — Он снова замолчал.

Марина, убедившись, что пока ей ничего не угрожает, подошла к окну и помахала рукой — сигналить, что все в порядке, включая и выключая свет, было рано, а дать девочкам знать, что жива и здорова, — в самый раз. Заварила кофе, поставила чашку перед Яном.

Бессонная ночь перешла в ту стадию, когда все кажется предельно ясным, а каждое слово звучит откровением. Спать уже вроде не хочется, а хочется разговаривать, и диалоги особенно надрывны и особенно правдивы. Ян тоже это почувствовал. Он отхлебнул кофе, кивнул и продолжил:

— Марин. Я не говорил и не сказал бы. Но я тебя люблю. Впервые в жизни, наверное. Поэтому я тебя спас... и поэтому... Ладно. По порядку.

Она не перебивала. Вообще на признание надо как-то отреагировать, но Марина

слишком устала, и у нее настало, если можно так выразиться, своеобразное последейственное похмелье, когда весь день бегала как заведенная, а теперь наблюдаешь со стороны за все еще суетящейся собой. И голова побаливает. Поэтому она молчала. А Яну, похоже, только того и надо было.

— В общем, я заметил, что Главный темнит. Мы вроде как защищали людей от ренегатов, ловцов душ, — но люди, которых ренегаты «выпили», не умирали. Точнее, не все умирали, где-то половина. Исчезали иногда — да. Вот ты боялась за Оливию, а знаешь сколько таких историй? Непонятно откуда взявшийся объект страсти, бурная любовь к нему, расследование обязательно показывает, что живет этот объект неправдоподобно долго. Влюбленный в него чахнет пытается покончить с собой, страдает депрессией... все так. Но потом он оживает. И исчезает — уже полный сил. Предполагалось, что исчезает не по доброй воле, но теперь я так не думаю.

— Оливию похитили, — вставила Марина.

— Оливия ушла по доброй воле. Они называют место, куда уходят люди, Эдем, но это — не про загробную жизнь, а про что, я так и не докопался. Понимаешь, Марина, мне стало казаться, что ловцы душ не так плохи, как их малюет Главный. Тем более с той стороны не было жертв... а самих ренегатов убивали. Как хотели убить твоего Артура. Ты его любишь?

Вопрос застал Марину врасплох. Она задумалась: да, когда-то сходила по Артуру с ума. Но любит ли до сих пор? Да, рисковала ради него жизнью, но скорее из принципа — невозможно стоять в стороне, когда твоего близкого убивают, пусть ты больше с ним и не связана. Однако жива ли любовь? Вот — Ян. Он помог, он спас Марину и сейчас, такой знакомый, такой несчастный, сидит у нее на кухне, внезапно слабый и беззащитный. Артур же...

— Не знаю, — ответила она, — не могу еще разделить любовь и наваждение.

Ян кивнул, как будто и не ожидал другого ответа.

— Да, наваждение. Артур заставил тебя полюбить его, ренегаты это умеют. Но, насколько я могу судить, это — единственное их преступление. Лучше расспросить Артура. Где он?

— Скрывается. — Марина не дала застать себя врасплох. — А вот скажи-ка мне лучше, куда делся Толстяк? Как он мог погибнуть в перестрелке, если у Артура не было пистолета?

— Не всегда нужен пистолет. Им оружие без надобности. Артуру, видимо, тоже. Он потому и ослаб, потому и надорвался, что забрал силы Толстяка. Не использовал себе во благо, а будто в землю слил. Толстяк просто кончился, и туда ему и дорога. Он же тебя запугивал, чтобы ты не сбилась с пути истинного. Потому сюда и приходил.

— Ты меня спас...

— Я не мог в тебя стрелять.

Ян поднялся, сделал шаг к ней. Марина осталась сидеть, и Ян обнял ее голову, прижал к плоскому, твердому животу. Голос его для Марины зазвучал глухо.

— Я люблю тебя, маленькая. Я бы скорее застрелился, чем причинил тебе вред, пусть ты и спасала моего соперника. Пожалуйста, верь мне. Что сделать, чтобы ты снова мне верила?

Она отстранилась — прикосновение было приятно и обещало безопасность, Марина расслабилась и чуть не заснула. Вот картина была бы, упали она с табуретки!

Мисска потребовала свою порцию нежности — вспрыгнула на колени.

— Ты лучше скажи, Ян, что мне делать теперь, чтобы не убили?

— Никто не знает, что ты была там. Ищут Артура. Если ты его прячешь — прячь, но сама не подставляйся. Не паникуй, не мельтеши, живи обычной жизнью. Пусть по-прежнему

думают, что ты ничего не подозреваешь. Да, твой телефон прослушивается, говори иносказаниями или только о бытовых мелочах... Завтра езжай на работу, как обычно.

— Уже сегодня. Пятый час, утро, считай.

Ян снова опустился на табуретку напротив, вздохнул. Марина поймала себя на том, что жадно смотрит на его губы. Вспомнилась расхожая истина: опасность, ожидание смерти рождает жажду жизни, жажду плотских наслаждений. После боя слаще пьется, естся, спится (во всех смыслах). Хочется обнять другого человека, ощутить его тепло, слиться с ним, породить новую жизнь.

Хочется обнять Яна.

Хочется обнять Артура.

Марина почувствовала, что окончательно запуталась, но Яну вроде можно верить.

Ни слова не говоря, ничего не объясняя, она встала, помахала в окно, три раза выключила и включила свет: пусть девочки едут домой. Ян смотрел непонимающе, но Марина сделала вид, что не заметила.

— А что такое сфера? — спросила она, присаживаясь на табурет.

— Не понял. Какая сфера?

— Место, где пытались убить Артура, они называли сферой.

Ян удивленно распахнул глаза, мотнул головой:

— Не знаю. Не уверен, слышал ли раньше.

— Ясно, — вздохнула она. — Пойдем спать. У меня нет сил стелить тебе отдельно, так что будь джентльменом.

Они добрались до комнаты, вместе стянули плед, залезли, не раздеваясь, под одеяло. Пришла Мисска, потопталась по ногам. Переутомление не давало заснуть: Марина ворочалась, в голову лезли мысли.

— Спишь? — прохрипела она, потормошила Яна.

— Нет. Не получается.

— Скажи, что они делают сейчас? Подмогу будут вызывать? Я бы на их месте вызвала.

Еще неделю назад ее мало волновала жизнь агентства. Она знала, что действует некая тайная организация, состоящая из инициированных людей, которая борется с ловцами душ. В каждом более-менее крупном городе был их филиал, замаскированный под детективное агентство, где для прикрытия расследовали исчезновения людей и следили за неверными супругами, но особо не напрягались. С тем, что новичку не полагалось знать больше, Марина смирилась. Поначалу пыталась выяснить, кто такие ловцы душ, откуда приходят, но когда поняла, что ничего ей не скажут, успокоилась.

Жила своей маленькой жизнью, выполняла серенькую функцию, набиралась сил... И вот она — в центре водоворота, на пороге разгадки.

— Надеюсь, Главный не понял, что я уже не с ними, думает, что они справятся своими силами... Но — не уверен, может, и позовут сотрудников из другого города, — честно признался Ян, обнял Марину. — Мы с тобой не знаем ни-че-го. Мы — расходный материал. Между нами и эстонками такая же разница, как между павианом и шимпанзе. Главный понятнее, Толстяк — так почти обычный человек.

— Они что, инопланетяне? — Марина от удивления поднялась на локте, силясь разглядеть лицо Яна, но видела лишь темное пятно.

— Если это так, не удивлюсь. Уверен лишь в том, что люди очутились в чужой игре между молотом и наковальней, и ловцы... то есть ренегаты, не так страшны, как мы думали, — он вздохнул, и Марине передалось его смятение, смешанное с болью.

О чем он печалится и молчит? Спрашивать она не решалась, не было сил прикоснуться к чужой тайне. Ян заговорил сам:

— Знаешь, что самое паршивое? Девушка, которая меня инициировала, а я ее... Что, если она не желала мне зла? — Он перевернулся на спину и продолжил: — Они, спасители типа Главного, всегда появляются, когда мы на грани отчаяния, протягивают руку помощи, и мы, безмерно благодарные, слепнем и теряем чутье, идем по дороге, по которой они нас ведут. А что, если ведут на убой? Я ведь никогда не спрошу этого у нее. А она бы ответила честно. Хорошо, что тот ловец скрылся, у тебя есть шанс поговорить с ним.

Воцарилась тишина. Марина слушала дыхание Яна, зная, что не имеет права нарушать минуту молчания, и радовалась, что Артур жив, что осознание не пришло, когда уже слишком поздно.

Ян вздохнул, дернулся, засыпая, закинул на Марину руку, притянул к себе — она не сопротивлялась, обняла в ответ и заснула почти сразу, вдыхая запах пороха и оружейного масла.

Ровно в восемь позвонил мобильный. Марина вскочила, забилась в угол кровати, не соображая, что происходит. Постепенно память проснулась, и она на подгибающихся ногах проковыляла в кухню к столу, по которому ползал, вибрируя, телефон, лежащий экраном вниз.

Чего бояться? Эстонки или Главный звонить не будут, подкараулят внизу — и все. К тому же Ян говорил, что они не в курсе, кто помог Артуру. Кстати, где Ян? Кровать пуста, в душе его нет...

Звонила Инна. Марина ответила:

— Алло?

— Привет. Бужу тебя, как ты просила. Приятного субботнего утра! У меня все по-прежнему.

— Ой, спасибо, — сказала Марина, ни на минуту не забывая, что ее прослушивают. — У меня тоже все о'кей.

— Собирайся на работу.

Инна отключилась. Значит, Артур по-прежнему без сознания. Никто в гости к маме не пришел, и это хорошо. Похоже, Ян говорил правду.

На входной двери обнаружилась записка: «Вызвали. Ушел. Не хотел тебя будить».

Сегодня половинчатый рабочий день, завтра — выходной. Надо улыбаться и делать вид довольный и радостный, чтобы коллеги не заподозрили неладное. Это, во-первых, даст Яну подготовиться, во-вторых, возможно, Артур очнется и прольет свет на происходящее. Хотя ясно будет, есть ли смысл трепыхаться и ради чего.

Марина приняла холодный душ, посмотрелась в зеркало и показала себе язык. Глаза красные, веки припухли, лицо отечное — видно, что или не спала, или пила всю ночь. Господи, как же лень на работу!

Выкатила пухик из-под трюмо, уселась на него, разложила кисточки-пудры-румяна, нанесла тональный крем, припудрила скулы, подвела глаза коричневым карандашом, нанесла тушь, затем — перламутровый блеск. Опять защитный ритуал, на этот раз брони больше, но хоть не пропадут ненужные подарки. Подаренная тоналка в ход пошла.

О, теперь похожа на человека, после вчерашнего не трясет, наоборот, апатия одолевает.

На работу она приехала на такси на десять минут раньше, разделась и направилась в актовый зал на ежесубботнюю планерку с раздачей слонов, села рядом с Кристиной.

Мимо проходили коллеги, рассаживались и начинали гудеть, но Марина никого не замечала, ее волновало, что же скажет Ар тур, когда очнется, как она самаотреагирует

на него. Еще волновало, можно ли доверять Яну.

В реальность Марину вернула Танюха, толкнувшая в бок. Марина встрепенулась, перевела взор на вещающего Тампошку. Задумавшись, не заметила, что главред отчитывает ее за недостаточно качественную статью о перестрелке на карнавале. Если бы не Тампон, дополнивший статью, она получилась бы серой и никчемной.

Бухгалтерши, сидящие позади, перешептывались. Изредка долетало «старый кобель». Тампошка же отчитывал, а сам светился от счастья. Он похудел и вместе с лишними килограммами будто сбросил пару лет, порозовел, глаза заблестели.

В первом ряду сияла Полина, сложив руки на груди. Марина заметила, что главред снял обручальное кольцо. Значит, решено: с Леной-гангреной покончено. И слава богу!

У сидящей слева Кристины тренькнул телефон, она зашуршала сумкой, всхлипнула, переключая внимание Марины на себя. Вскочила и, пробурчав извинение, бросилась к двери.

Тампон на трибуне затих, разинув рот. Коллеги в зале вдохнули, выдохнули и зашептались. Танюха наклонилась и шепнула в самое ухо:

— Что-то мне она не нравится.

Марина кивнула, приложила руку к груди, так извиняясь перед Тампошкой, и выскользнула в коридор. Кристина уже куда-то спряталась. В кабинете было пусто, в курилке и перекусочной — тоже.

Из туалета доносился жалобный скулеж, словно там заперли щенка.

Кристина стояла лицом к окну, опершись на подоконник, и рыдала. Марина подошла к ней, обняла за плечи. Она думала, что Кристина сбросит ее руки, но коллега развернулась, повисла на шее и взвыла. Ошалевшая Марина гладила ее по спине, не зная, что делать. Говорить банальности, что все будет хорошо?

Вскоре она поняла, что Кристине просто нужно, чтоб кто-то был рядом. Сочувствовать и утешать не обязательно, главное — чувствовать, что она не одна, что кто-то обнимет и поддержит в полушаге от падения. Марина вполне подойдет, пусть она разумом и далеко: дежурит у постели Артура, ждет, когда он очнется, чтобы рассказать правду. Ежеминутно мысли перескакивали в агентство, и Марина почти воочию видела Главного — совершенно лысого человека, — цепенела под его удавчим взглядом, как лягушонок, которого собираются проглотить.

Что сделает Главный? Как поступит Ян: поможет или предаст? Голова пухла. Если бы не Кристина, на которую приходилось время от времени отвлекаться, Марина сошла бы с ума. Ей казалось, что она балансирует на тонком канатике над бездной и жизнь зависит от чего угодно: от порыва ветра, от птиц, садящихся на канат, но только не от нее самой. Усилиями воли она заставила себя сосредоточиться на коллеге.

Спесь слетела с Кристины, Ершистая мамзелька из подвида «курицы» превратилась в глубоко несчастную обиженную девочку.

Открылась дверь, в туалет сунулась толстая бухгалтерша, но тотчас ретировалась.

Когда Кристина немного успокоилась, Марина спросила, все так же поглаживая ее по спине:

— Что случилось? Расскажи, и тебе полегчает.

Кристина отстранилась — тощая, жалкая, с красным зареванным лицом, шмыгнула сливой-носом:

— Он говорил, что мы все равно будем вместе, а сам... Сам... В общем, врал. — Она похлопала себя по карманам. — Написал, что все кончено... Ыыы!

И снова истерика. Вот тебе и «все мужчины — козлы, и относиться к ним надо соответствующе», «нас миллионы, любить надо в первую очередь себя», «никто и

слезинки моей не стоит».

— Кто он?

— Вигандас!

Марина смутно вспомнила рассказы о прибалтийском любовнике, который Кристину по Парижам-Венециям катал. Неожиданный поворот событий. Марина механически провела по черным волосам коллеги:

— Он же вроде женат.

— Да, — пролепетала Кристина и возопила: — Но почему, почему даже, — она понизила голос: — Даже Тампон смог развестись, а он... Слабак! Трус!

Марина хотела повторить, что он ни слезинки не стоит, но прикусила язык и поделилась наблюдением:

— Обычно они терпят до победного. Пока жена сама не прогонит. Уж поверь.

Потупившись, Кристина пробормотала:

— Я ей фотки отправила, где мы вместе, — всхлип. — А он... мне такое написал, такое!

Вот, значит, в чем дело! Тампон свершил невозможное, разорвал цепи, и Кристина понадеялась, что любовник поступит так же, а не вышло. И теперь ей кажется, что жизнь несправедлива: одним — мир да любовь, другим — слезы и разочарование.

— Я ведь люблю его, — проскулила Кристина, скривилась. — У меня первый раз в жизни так. А он — мне: «Я тебя уничтожу».

— Пойдем, чаю выпьем, — предложила Марина, взяла Кристину за руку и потянула за собой. Она почти физически ощущала лежащий в сумочке телефон. Скорее бы изменилось хоть что-нибудь!

В коридоре они столкнулись с Танюхой, которая принялась жестикулировать — идите, мол.

Через десять минут Марина и Кристина сидели в кабинке уютного кафе, Кристина молча поедала пирожное, запивая чаем, а Марина вертела головой по сторонам, пытаясь обнаружить слежку. За столиком у входа разгадывала кроссворд чернявая администратор. Бармен готовил коктейли для двух студенток в дурых розовых куртках. Недалеко от двери с табличкой WC обнимались влюбленные.

Сотрудников таинственного агентства не наблюдалось, присутствия кого-то недоброго Марина не замечала, но ощущались гнетущая тревога и предчувствие беды, нависшие грозowymi тучами.

Более-менее придя в себя, Кристина проговорила:

— Теперь я понимаю, — всхлип, — чего тебя так летом приложило. И мужик был покруче, чем мой Вигандас. — Она сжала кулаки. — И почему я запала именно на него?!

— Вычеркни его из памяти, — посоветовала Марина отстраненно. — Сначала будет ломать, как наркомана без дозы, потом станет легче. Все через это проходили.

Вспомнились слова из песни «Наутилуса»: «Это знала Ева, это знал Адам: колеса любви едут прямо по нам. Чингисхан и Гитлер купались в крови, но их тоже намотало на колеса любви». Теперь Кристину намотало. Марина и не представляла, что коллега способна на подобный взрыв чувств, ее душа казалась выхолощенной землей, где даже сорняки не растут.

Вспомнился кошмарный август этого года. Как ведь Артур замаскировал мистику под реальное влечение! Не подкопаешься. Те же чувства, тот же вихрь эмоций. Смотришь на женщину, влюбленную неудачно, и невольно начинаешь подозревать ловца душ, Или подобные им есть и в нашем мире, только сила их меньше в разы?

— Да понятно, только не легче от этого, — шмыгнула носом Кристина.

— Главное — запрети себе о нем думать. Нет его, и не было никогда, — посоветовала Марина.

Кристина скривилась, сплела тонкие пальцы:

— Но... Столько хорошего придется забыть. Не могу, не готова!

— А придется. Это прошлое, оно не повторится, а если таскать его за собой, надорвешься.

— Ты права, — кивнула Кристина, потянувшись за бумажной салфеткой, промокнула глаза.

И тут у Марины зазвонил телефон, вызвав уже привычный щекотный страх. Звонила Инна. Марина извинилась и прикрыла телефон рукой.

— Что?!

— Хочу с тобой поговорить. Ты такая классная и нужна мне! Приезжай, а? Только Танюхе не говори.

Это значило, что Артур проснулся. Сердце затарабанило, норовя вырваться из грудной клетки, волна жара прокатилась по позвоночнику. Представив, о чем думают агенты, слушая ее разговор, Марина покраснела.

— Даже не знаю... Разве что, если сбежать раньше нее. Постараюсь.

— Жду, целую! — Инна отключилась.

Марина перевела взгляд на Кристину.

— Что-то случилось? — осторожно спросила она. — Ты изменилась.

— Кое-что... В принципе, да. И мне срочно нужно бежать. Вот прямо сию секунду.

Кристина кивнула:

— Вижу, что это важно. Беги. Если Тампон спросит, я тебя отмажу.

Марина вскочила, собираясь рвануть к двери. Успокоилась, села и поинтересовалась:

— Ты точно в норме? Глупостей не наделаешь?

Кристина презрительно скривила рот и проговорила своим обычным тоном:

— Вот еще, из-за мужика убиваться. Их миллионы, нового найду.

— Держись. — Марина сжала ее руку и побежала прочь.

Она вызвала такси и поехала к маме — ее собственная машина с разбитой фарой по-прежнему стояла во дворе у Инны.

По дороге Марина постоянно поглядывала в зеркала, но слежки не видела.

Что страшнее — услышать правду или посмотреть Артуру в глаза? Встать рядом и ощутить, как кружится голова, подкашиваются ноги и одного хочется: чтобы он согрел своим телом, подмял, овладел ею. Марина аж задышала часто, мысленно отругала себя.

Сразу после расставания с Артуром она тысячу раз рисовала момент их встречи: буря чувств, пощечины. Накал страсти такой, что аж разряды сверкают. Потом представляла, что просто выскажет ему все — холодно, с расстановкой, а затем пустит пулю в лоб.

Как их встреча будет выглядеть сейчас, она не могла представить.

На дорогах машин было меньше обычного, и такси неслось вперед. Марина же оттягивала встречу и, когда светловолосый парень с носом-уточкой уставился на нее

требовательно, ожидая денег, встрепенулась, отпустила подлокотники, отсчитала нужную сумму и выскочила в осеннюю сырость. Задрала голову, отыскивала взглядом мамины окна, слизнула капли дождя с губ.

Под дверью она замерла, ощущая прикосновение, помотала головой, нажала на кнопку звонка. Когда в коридоре затопали, захотела убежать, но остановила себя.

Клацнула щеколда. Щелкнул замок. Дверь приоткрылась — Марина зажмурилась, на всякий случай уперлась рукой в стену.

— Ты чего? — поинтересовалась Инна, и Марина распахнула глаза.

Шагнула в прихожую, сняла сапоги и протопала в спальню, на ходу расстегивая куртку и разматывая шарф. Когда она увидела Артура, в одежде лежащего поверх покрывала, пальцы запутались в бахроме шарфа, Марина остолбенела.

Артур посмотрел на нее. Она думала, его взгляд обожжет, вгонит в дрожь, прокатится огнем по позвоночнику, но — ничего подобного. Перед ней был усталый, измотанный человек. Еще более измотанный, чем она после бессонной ночи.

— Привет, — проговорил он и улыбнулся.

Даже голос его словно поблек, утратил былой магнетизм. Не прежний Артур — чужой мужчина лежал перед ней. Мужчина, на которого больно смотреть. Не сострадание тому причиной — алчная, вечно скулящая память, тоска по давно ушедшему. Как ни реви над гробом, не воскресишь покойника. Как ни старайся, на пожарище так быстро не вырастет молодой, зеленеющий свежей листвой лес.

— Здравствуй, — ответила она, садясь на стул в углу.

Сумка выпала из руки, раскрылась. Выкатился блеск для губ и мелочь. Чтобы скрыть неловкость, Марина наклонилась и принялась собирать монеты. Неужели ничего не осталось в душе? Пусто. Все в прошлом. Она так ждала этого, что, получив, не знала, радоваться или плакать. Вспомнились слова Кристины: «Столько хорошего придется забыть. Не могу, не готова!»

— Не волнуйся, — прохрипел он. — Сядь рядом.

Инна, наблюдающая за Мариной, покашляла и демонстративно удалилась — говорите, мол.

— Я поехала домой, — проговорила она из кухни. — Но прежде заварю вам чаю. Вижу, разговор предстоит долгий.

— Спасибо, — отозвалась Марина, не в силах отвести взгляд от Артура.

Он тоже смотрел пристально, без чувств. Ни он, ни она не решались заговорить первыми. Марину будто мешком по голове ударили — все мысли улетучились, остались эмоции, и то странные, непривычные.

— Я... В общем, ты скотина, — пролепетала она и покраснела от осознания того, как жалко звучит реплика.

— Все не так, как тебе рассказали, — еще раз улыбнулся он. — Я не желал зла ни тебе, ни Кате, так было надо.

И тут Марину будто прорвало, она закричала, задыхаясь от гнева:

— А то, что я чуть не сдохла, — так было надо? Что Катя умерла — тоже так надо? Да мы не люди для тебя — расходный материал, пешки. Зря я помогла тебе. Кем бы ни были... Они... Но ты... Ты! Такое не должно жить! В тебе нет ничего человеческого!

Остатками разума Марина понимала, что ее несет, но остановиться она не могла, вскочила, схватила стул, на котором сидела, долбанула его о стену. Так выходило многомесячное бессилие, страх за свою жизнь, обида.

Артур вскочил, рванул Марину на себя, повалил на кровать и прижал, держа за обе руки.

— Успокойся. Не шуми. Пожалуйста.

В комнату влетела Инна, но не стала вмешиваться, привалилась к стене и посоветовала:

— Вы потише, ладно? — подняла с пола свою куртку, повесила на руку.

Только сейчас до Марины дошло, что она вела себя как истеричка, и это не в первый раз. Но чувства все еще бурлили, требовали выхода, и она разревелась. Артур ослабил хватку, откатился в сторону и провел по ее волосам:

— Я не мог иначе. Если бы они не вышли на меня, Катя была бы жива. Такое, как с ней, происходит очень редко.

Марина перевернулась на бок, поджала ноги, вспомнила свои чувства и мысли того времени, пробормотала:

— Работа у тебя такая: людей мучить. Или ты нас жрал и за счет этого собирался жить вечно?

— Вас и без меня жрут, чтобы жить вечно. Вы — еда, громоотвод. А такие, как я, пытаются выдергивать лучших из вас...

— А нас вы спрашиваете?

— Вы бы все равно не поверили. Успокойся, Марина. Пожалуйста. От этого слишком многое зависит.

Игра. Фарс. Лицемерие. «И вчерашнее кажется сказкой, и вчерашнее скажется завтра, а ты опять ничего не скажешь ни о завтрашнем, ни о вчерашнем, наверное, так должно быть, но я так не играю...». Негодование все еще клокотало расплавленной лавой. Неужели ничего не было? И вся его страсть, все комплименты — лишь шажки к пока неизвестной ей цели. Какой бы она, цель, ни была, Марина сомневалась, что сможет оправдать Артура, сможет простить то, что он с ней сделал «для ее же блага».

— Значит... Все, что было тогда. Мне казалось, так? — Она резко развернулась, посмотрела ему в глаза. — Ты меня обманывал?

Марину будто холодной водой окатили. Не нужно ответа, он читается в глазах Артура — холодных, отстраненных.

— Бедная девочка, — он потянулся к ее руке, но Марина вскочила с кровати. — Я не умею лгать, ты же знаешь. Тебе до сих пор хочется что-то для меня значить?

Циничные слова отрезвили, Марина криво усмехнулась, села на край кровати. Еще минуту назад в ее душе зияла бездна. Да, Марина закидала ее хворостом, замаскировала и сама себе казалась целой. Теперь же в одно мгновение дыра зарубцевалась. Или Артур сам так сделал? Вылечил хирургически, заштопал рану — чтобы облегчить совесть, если она у него есть.

— Кто вы такие? — спросила она. — Какая... бездна вас исторгла?

— Успокоилась? — поинтересовался Артур, откинувшись на подушки. — Теперь можно говорить. Идем в кухню, мне надо поесть и восстановиться. К тому же желательно выпроводить твою подругу: меньше будет знать, целее останется.

— Я уже ухожу! — донеслось из прихожей, клацнула дверь.

Артур уселся за стол и начал рассказ. Марина, чтоб хоть чем-то себя занять, нарезала сыр и колбасу, раскладывала на хлеб, чтобы быстренько сделать горячие бутерброды.

— И мы, ренегаты, и контролеры — те, кто на нас охотится, — пришли из мира, который называется Эдем.

Марина замерла с ножом, занесенным над колбасой, повернулась к Артуру:

— Рай, что ли?

Артур мотнул головой:

— Не библейский рай, просто другой мир, более развитый, чем этот. Когда-то мы тоже были смертными, болели и старились, а потом наши ученые... хотя с вашей точки зрения можно было бы назвать их мистиками, слишком странная и мощная эта наука... в общем, они создали ваш мир более низкого энергетического уровня. В нем все... — он повел рукой, — более блеклое. Хотя страдания, наоборот, острее, обнаженнее.

Клац-клац-клац — стучал нож о доску.

— Как это — создали? — вскинула брови Марина. — Как бог, что ли?

— Один ваш талантливейший поэт писал: «В оный день, когда над миром новым Бог склонял лицо Свое, тогда Солнце останавливали словом, словом разрушали города». Он сам не подозревал, как был прав. Долго рассказывать о наших технологиях, просто поверь мне. Создали не для того, чтобы вы развивались, а для того, чтобы страдали. Вы — это отстойник, громоотвод. Благодаря тому, что вы старитесь, умираете и в муках рождаете детей, люди из нашего мира живут вечно и не болеют, ваши войны оборачиваются нашим спокойствием.

Марина сунула тарелку с бутербродами в микроволновку; оперлась о стол. Вспомнилась оса-наездник, откладывающая личинку в гусеницу.

— То есть нам должно быть плохо? Мы — синтетические личности, и у нас нет души, или как?

— Душа-то есть, но она незрелая. Да, вам должно быть плохо. Чем хуже вам, чем больше страданий, тем лучше им. Нам.

— Но при чем тут я и наша с тобой история? — удивилась Марина.

Артур продолжил, наливая себе заварку:

— Вы выросли. Уже давно среди вас начали попадаться зрелые индивиды, достойные лучшей участи. Притом вы сильнее, талантливее нас, вы закалены страданием. Но круги сансары не способствуют развитию: вы умираете, не повзрослев. Потому я и остальные ренегаты сделали на вас ставку. Мы ищем зрелых и режем пуповину, связывающую вас с этим миром и смертью. А сделать это можно только через мнимую смерть и самоотречение.

Марина рассмеялась, закрыла руками лицо. Голос Артура звучал как приговор:

— Мы дарим вам вечную жизнь. Контролеры находят вас и уничтожают — вы способны изменить этот мир к лучшему, а им это невыгодно. Если вас будет много, они уйдут, создадут новый мир, населят его сущностями и будут использовать... Доставай бутерброды, я есть хочу!

Марина встрепенулась, поставила перед ним тарелку, подперла голову рукой.

— Добрые, хорошие ренегаты! Конечно же, вы действуете из лучших побуждений! Просто Прометеи нашего времени!

Артур дожевал бутерброд и посмотрел на Марину.

— У нас с остальными жителями Эдема некоторые эээ... разногласия. Они зашли так далеко, что на родине нам нет места.

— Так создайте свой мир...

— Мы не можем. У нас нет доступа к технологиям, это слишком энергозатратно. Гораздо более затратно, чем создавать портал.

Марина спросила:

— Это еще что? Как в кино?

— Почти. Он находится в старом замке, именно поэтому мне так дорог ветхий дом. У

наших врагов порталов несколько, и все далеко отсюда. У нас — всего два, включая этот.

— Странно. Мне казалось, что никаких сложностей...

Артур прервал ее:

— Правильно: казалось. Чтобы сфера работала, надо море энергии — раз. Два, следует вычислить нужное место, где... как бы это сказать... Швы между нашими мирами наиболее тонкие. Но и это не все: порталы нестабильны. Большая часть из них работает в определенное время.

Теперь все в голове Марины сложилось. Эдемцы вычистили портал, просчитали, когда он работает, и там поджидали ренегата в условленное время.

Артур продолжил:

— Когда с нами будет покончено, Главный и его команда займутся порталом, попытаются его захватить и прорваться в Эдем. А там наши люди. Нас и так немного, а там — лучшие из лучших. На штурм точно прибует подкрепление, и тогда человечество навсегда останется недоразвитым, вечной гусеницей для личинок. Так что особого выбора нет, надо спешить.

— Ясно. Еще один вопрос. Сейчас я чувствую себя иначе...

— Потому что я оборвал пуповину, — ответил Артур, жадно глядя на второй бутерброд. — Ты совершенно свободна в выборе. Не смотри волком, раньше я не мог этого сделать: нужен контакт, дистанционно не получилось бы.

Артур проглотил почти все бутерброды, вытер пальцы салфеткой. Марина смотрела на него другими глазами: статный, уверенный в себе брюнет. Каждое движение точно, совершенно, но уже нет прежнего магнетизма. Не струится тепло по жилам, не кружится голова. Казалось бы, радуйся, ты свободна! Но отчего так тоскливо, будто что-то потеряла и продолжаешь терять?

— Ты действительно самая лучшая, — проговорил Артур с чувством, и его признание прозвучало неуклюже, как комплимент из уст обычного мужчины, не искушенного в сердечных делах.

Марина прищурилась и съязвила:

— Да ладно!

— Я не умею лгать.

— Знаю-знаю: он говорил, и сам верил, и в каждое слово вкладывал по огромному куску души.

Только сейчас она сообразила, что играет с ним на равных, и начала наслаждаться непривычным положением: не все ж Артуру издеваться!

Артур пропустил саркастическую реплику мимо ушей, опустошил чашку, налил себе еще чаю, зевнул. И тут Марина вспомнила, что еще хотела спросить.

— Слушай, тогда, возле замка, мне помог враг. Может, ты его помнишь: светловолосый молодой мужчина, зовут Ян. Он заметил меня, но отпустил и не выдал Главному. Как думаешь, он искренен или лжет?

Артур сморщил лоб, коснулся пальцем переносицы.

— Среди тех, кого я видел, было двое ваших. Один помоложе, второму уже лет сто. Второй полностью отрекся от своей человеческой сущности.

— Толстяк, что ли? — удивилась Марина.

— Нет. Главный. Он отрекся от человечества в обмен на вечную жизнь.

— А молодой? Что ты можешь о нем сказать? Это он помог мне.

— Ничего. Я же не пророк.

Марина подумала-подумала и решила рассказать Артуру правду:

— Молодого зовут Ян, мы с ним встречались ночью...

Артур вскочил, едва не опрокинув стул, но Марина его успокоила:

— Не волнуйся, сказала, что ты ушел. Он не доверяет твоим землякам, пытается докопаться до правды, как и я. Но верить ему полностью не могу...

— И правильно делаешь. Неплохо было бы на него посмотреть. Только как обставить встречу, чтобы и проверить, с нами ли он, и целым уйти, если вдруг мы в нем ошиблись. Эдемцы-то меня за версту почуют.

Марина щелкнула пальцами и заходила по комнате:

— Есть выход. Отправляю ему сообщение с местом встречи. На «стрелку» пойду я, спрячусь где-нибудь в подъезде, чтоб сверху смотреть, и мои подруги, они немного в курсе, им происходящее очень интересно.

Она смолкла, удивляясь самой себе. Столько дней Марина мысленно проживала их встречу, а она получилась совсем не такой, как рассчитывалось. Ни один вариант не подошел! Они с Артуром, будто старые приятели, разрабатывали совместный план, как выжить, а потом пойти своими дорогами, словно и не было той бури чувств.

— Неплохо, — оценил Артур.

Марина зевнула, прикрыв рот рукой, оперлась о стену и полюбопытствовала:

— Еще один вопрос. Как ты чувствуешь, кого надо спасать, а кого — нет?

— Просто чувствую. — Артур тоже зевнул, потянулся, хрустнув суставами.

— Каждый раз одинаково?

Артур сплел пальцы:

— Думаешь, я бессердечная сволочь? Отчасти ты права: выбирая женщину, я обрекаю ее на страдания. Но флирт захватывает меня, кружит голову, каждый раз я немного влюбляюсь, чтобы потом разорвать узы. Сначала было невыносимо, потом привык. Ты мне очень нравилась... И нравишься.

Марина обалдела. Это что же, он предлагает все начать сначала, но на ее условиях? Ну уж нет, он от миссии не откажется и все так же будет совращать молоденьких талантливых девушек, а она не сможет на это спокойно смотреть. Лучше сделать вид, что не поняла намека.

Допив вторую чашку, Артур принялся мерить шагами кухню. Наконец остановился и поделился размышлениями:

— Значит, так: твой Ян нам нужен, у него доступ к врагам. Но неизвестно, с нами он или против нас. Надо обмозговать, где и как нам с Яном встретиться, чтобы не вызвать подозрений, причем сделать это нужно как можно скорее.

— А дальше? Что делать с чужаками? Самим куда деваться — бежать в глубинку или в этот ваш Эдем?

— Все зависит от того, с нами твой коллега или нет. Если с нами, можно с его помощью попытаться убрать женщин, пробиться к порталу (по идее он охраняется) и спрятаться на Эдеме. У нас очень мало времени, но нам пока везет, что Главный еще остается человеком и ставит личное превыше всего.

— То есть?

— Не подключил остальных агентов, работающих здесь: они люди и могут помешать.

— А эстонки... Женщины? Их-то он позвал.

— Он считает, что они не угрожают его карьере. Кстати, они не вполне эдемки — гемоды-охотники, у них нет чувств, ими движет программа.

— Сколько у нас союзников?

Артур усмехнулся:

— Ты и я. Надеюсь, и твой Ян. Остальные мертвы. И Оливия. Если бросить ее на произвол судьбы, она погибнет.

Марина всплеснула руками:

— Прекрасно! И есть шанс, что мы справимся с лучшими из лучших?

Взгляд Артура прожигал насквозь, сомнения улетучивались сами собой.

— Втроем — должны. Вы очень талантливы — ты и, судя по всему, этот молодой перебежчик. Даже не представляете, насколько. Естественно, мои земляки ему этого не рассказали — боятся, а тебя, к счастью, не успели разглядеть как следует. Твои способности только начали пробуждаться.

Марина вскинула бровь, но промолчала: и так в голове каша, если добавить туда дрожжей новой информации, она повалит через уши. Артур положил руки на плечи Марины:

— Организуй нам встречу как можно быстрее. Думаю, от ее исхода все и зависит.

Где? Когда? Как? Думай, голова, включайся! Место должно быть в меру людным и просматриваемым. Надо помочь Артуру сохранить портал, от него зависит слишком многое.

О! Двор, где квартира Инны! Можно засесть на лестничной клетке и наблюдать за обстановкой. Недавних врагов лучше свести часа через три, пока не стемнело.

Она поделилась соображениями, Артур одобрил. Повторил адрес и номер дома, куда следует подойти, но только, когда позовут, а не в срок.

— Отлично придумано. В разведку с тобой можно, — удовлетворенно кивнул Артур.

Марина ядовито улыбнулась:

— И с тобой — тоже. Только жить нельзя. Ты, как врач, очерствел, постоянно соприкасаясь с болью. Поехала я на боевое задание: надо отправить сообщение Яну, договориться о встрече. Телефон я с собой не брала, он прослушивается — и там маячок.

— А если что случится, как ты меня предупредишь? Давай так: я подхожу не прямо на место встречи, а останавливаюсь неподалеку, например, возле метро. Оно там далеко?

— Полкилометра.

— Нормально, как раз враг не почует. Стоять я буду возле эскалаторов, которые на выход. Меня встретит Инна, скажет, что все в порядке, и только тогда я пойду в условленное место.

— Хорошо. Удачи тебе и... Береги себя.

Обматывая шею шарфом, Марина глянула на Артура. Прислонившись к дверному косяку, он наблюдал за ней.

— Тебе очень идет розовый и бирюзовый.

Марина улыбнулась и ответила, открывая дверь:

— Я знаю.

И снова такси, двор с детской площадкой возле новеньких высоток. Консьерж узнал Марину, кивнул ей и отвернулся к телевизору, где транслировали бокс.

Лифт, пахнущий женской «Дольче габбаной». Лестничная клетка. Деревянная дверь, открывающаяся внутрь. Девчонки уже были дома, ждали ее и отворили сразу.

— Вы когда-нибудь знакомили своих любовников? — бросила она с порога, отнесла телефон в ванную, для убедительности пожурчала водой, набрала сообщение: «Привет, Ян! Встречаемся в три дня, лови адрес... Буду не одна. Это важно!»

Интересно, поймет намек или нет?

Скрепя сердце Марина отправила сообщение и принялась кусать ногти. Вскоре пришел отчет о доставке и сразу же — второе сообщение. Марина открыла его: «Ок. Все ясно. Спасибо, что доверяешь». Аж совестно стало. Доверяет она, ага, держи карман шире.

Есть! Теперь можно оставить телефон и отправиться к девчонкам, заглядывающим в наиную и делающим знаки. Под их любопытными взглядами Марина прошествовала в кухню, налила себе воды и объяснила:

— Артур хочет познакомиться с Яном и благословить наши отношения.

Глаза Инны полезли на лоб, она помотала головой:

— Секундочку. Артур — тот, который валялся...

— Да.

— Ну ты даешь! Такой мужчина! — Инна мечтательно зажмурилась, за что получила локтем в бок от Танюхи, охнула. — Да шучу я, шучу!

— Ян ничуть не хуже, — сказала Танюха. — Мы ждем подробностей, кто они и зачем сюда пришли. Они люди или какие-нибудь инопланетяне?

Марина воровато огляделась и ответила:

— Артур — не совсем человек, хотя генетически он, как мы. Наверное. Ян был когда-то. В общем, дело обстоит так...

Дослушав ее рассказ, Инна заходила по комнате:

— Можно, я напишу об этом книгу? Это же бестселлер!

— Только когда все закончится, — согласилась Марина и тут же передумала. — Но лучше не надо, это опасно.

— И то верно. Возьму псевдоним, — она подмигнула. — Ладно-ладно, шучу. Какой у нас план действий?

— Простой. Приедет Ян, мы сверху посмотрим, нет ли за ним «хвоста», потом я выйду во двор и стану его развлекать. Если все будет в порядке, Инна встретит Артура в метро, он будет ждать возле эскалаторов, работающих на выход, и расскажет, не предал ли нас Ян. Танюха подстрахует. Ну, и знакомим мальчиков.

Марина заставляла себя держаться, отвешивать дурацкие шуточки, на самом же деле ее сердце разрывалось, и она не могла понять, за кого переживает больше: за Артура, которому угрожает опасность, или за Яна. Точнее, ей страшно, что Ян окажется-таки подлецом, сдаст ее начальству.

Глаза Инны блеснули азартом. Она не воспринимала происходящее всерьез, для нее это было приключением, забавным квестом, у Марины же на кону стояла жизнь.

— Договорились! — Инна тряхнула головой, посмотрела на мобильный. — Полтора часа осталось, ух! Адреналин шарашит!

— А уж как у меня... шарашит, — прошептала Марина, ощущая тяжесть в ногах. Безумно хотелось в Приморское. Упасть в постель и проспать сутки. И чтобы ветер завывал и

швырял в окно капли дождя, а в доме было тепло и сухо. И чтоб никуда не спешить, не вздрагивать от громких звуков.

Время тянулось, как перед оглашением приговора. Как перед вердиктом онколога. Марина устала волноваться и строить предположения, смирилась, позволяя течению нести ее. Танюха молча сидела рядом, Марина почти ощущала ее вопросы, кружащиеся стойкой назойливых насекомых, но подруга обладала отменным тактом и не приставала.

Инна бродила по квартире неприкаянным духом, подпевала «Ночным снайперам». За полчаса до условленного времени Марина заняла боевую позицию на лестничной клетке, взяла у Инны сигарету. Пусть жильцы думают, что она тут курит.

Окно спальни, где Татьяна несла боевое дежурство, выходило на проезжую часть. Марина подробно описала эстонок. Главного и его внедорожник, который, к слову, в темноте рассмотрела плохо. На всякий случай описала и его рабочий «Мерседес».

Зарядил мелкий дождик, даже, скорее, оседающий туман, разогнал мамаш с малышами, и двор снова опустел. На лестничную клетку вышла Инна в дутой куртке, кивнула Марине, и створки лифта закрылись за ней. Пара минут, и Марина сверху увидела розовую шапку с помпоном и раскрывающийся цветок зонта.

Стрелки показывали, что до условленного времени еще полчаса. От беспокойства расхотелось спать, но Марина стала замечать за собой некую заторможенность: то истрепанную сигарету уронит, то оступится.

К консервной банке, заменяющей пепельницу, вышел сосед — монументальный дядечка с огромным пузом, с которого постоянно сползали треники, обнажая крупный вывернутый пупок. Он закурил и с интересом поглядывал на Марину. Пришлось чиркнуть зажигалкой и сделать несколько затяжек. В школе она баловалась несколько недель и курить умела. Не думала, что пригодится, когда придется изображать курящую.

Клацнула дверь — вылетела напуганная Танюха, замахала руками, увидела соседа, поздоровалась и жестом позвала Марину. Она выбросила сигарету в пепельницу и рванула в квартиру. Сердце ухнуло в пятки.

Обмирая, подошла к окну в спальню, выглянула: по проезжей части полз черный внедорожник, огни аварийки отражались в лужицах на асфальте.

— Твою в душу мать! — воскликнула Марина.

И как после этого доверять людям? Похоже, Ян ведет свою игру и сдал Марину с потрохами.

— Бежать тебе, подруга, надо, — посоветовала Татьяна.

— Они знают, что я здесь, — обреченно ответила Марина. — Тогда я вас подставляю.

— Как? Мы с Инной скажем, да, была, но уже нет. Хотите, сами посмотрите. Ой, а вот и ее телефон! Сейчас звякну Инне, чтоб не тащила сюда Артура, он поймет и домой отправится, не маленький мальчик.

— Подожди, — шепнула Марина. — Надо убедиться на все сто.

Машина заехала на бордюр, выключила фары. Распахнулась дверца со стороны водителя. Зашумело в ушах, и Марина вцепилась в подоконник. Показались туфли, черные брюки... Водитель вылез полностью, и Марина вздохнула с облегчением: это был не Главный.

Мужчина в строгом костюме смотрел на спешащую к нему женщину под черным зонтом. Открыл перед ней дверцу — женщина сложила зонт и села на пассажирское сиденье, мелькнули коленки и стройные бедра.

Перед глазами заплясали разноцветные мушки. Марина по стеночке двинулась на лестничную клетку.

Сосед докурил и исчез. Во дворе никто так и не появится. Часы показывали без десяти

три. Рано радоваться: Главный и эстонки могут появиться минута в минуту.

А вот и «Ауди» Яна въезжает во двор. Паркуется возле соседнего дома. Ян выходит на середину детской площадки, закидывает голову, ищет взглядом семнадцатый этаж.

Понимая, что ее не видно за стеклом, Марина инстинктивно шарахнулась от окна, осторожно выглянула. Постояв под дождем, Ян зашагал к машине.

Спрятавшись в салоне, дверцу он закрывать не стал.

Если и приедут земляки Артура, то прямо сейчас, уже без двух минут три. Похоже, Ян не лгал. Или враги решили нагрять позже, когда Артур уже точно будет на месте?

Жаль, что Ян спрятался, и не видно, звонит ли он кому-то. Пиликнул телефон — Марина аж вздрогнула, прочитала сообщение Инны: «Скоро буду. Жди». Марина ответила: «Не спеши, я еще не готова». Сразу пришел ответ: «Поняла».

Марина бросилась в квартиру, выложила телефон в ванной и шепнула Танюхе, несущей вахту в спальне:

— Иду вниз. Я по-прежнему в нем не уверена. Побудь тут минут десять и тоже спускайся.

— Поняла, — Татьяна обняла Марину, похлопала по спине. — Телефон только возьми, а я покараулю тут.

— Спасибо.

Едва Марина очутилась на улице и раскрыла зонт непослушными руками, Ян рванул к ней, воровато оглядываясь.

— Ты одна?

Марина показала ему телефон, чтоб пока не болтал лишнего и подыграл, сделал вид, что они ждут на самом деле не Артура, а Таню, и ответила:

— Тане срочно понадобилось в туалет.

— С ней все нормально, она придет?

— Чуть позже. — Марина швырнула телефон на водительское сиденье и подняла зонт над Яном, он обнял ее за талию, зарылся носом в волосы.

С одной стороны, хорошо и уютно, а с другой — хочется под землю провалиться. Главное, непонятно, перед кем больше стыдно: перед Яном или перед Артуром. Как будет выглядеть их встреча: «Ян, это Артур, мы раньше спали вместе, и у меня чуть крыша не съехала. Артур, познакомься, вот Ян. Пока ты вел свою борьбу, им я пыталась залечить душевные раны. Надо сказать, весьма успешно».

Жуть! Самое смешное, это волновало Марину гораздо больше, чем грядущая операция. Огромным усилием воли она заставила себя не угрызаться, а думать о будущем.

Осталось-то всего лишь дожидаться Танюху, следящую за дорогой, и подать сигнал Инне, чтобы привела Артура.

— Ты выглядишь уставшей, — проговорил Ян с сочувствием. — Посмотри на меня... Глаза красные.

— Почти не спала, — ответила она, отворачиваясь. — Ничего, выспимся после смерти. Надеюсь, нескорой.

Наконец спустилась Танюха, заглянула Яну в лицо, будто просканировала взглядом, и отправила сообщение Инне. Ян вскинул брови — он ожидал увидеть Артура на ее месте, но взял себя в руки и не стал задавать лишних вопросов. Марина вздохнула и спрятала лицо на груди Яна. Господи, как же она устала! Не осталось сил нервничать.

Вскоре «фиатик» Инны въехал во двор, припарковался с краю площадки, возле «Ауди».

Марина инстинктивно отодвинулась от Яна, испытывая иррациональное чувство вины перед бывшим любовником. Артур не спешил выходить. Ян побледнел, держась за грудь, — почувствовал ловца. Марина перестала ощущать Артура — привыкла, настроилась на него.

Ян не знал, где именно Артур, потому шагнул на середину дороги, поднял руки, будто сдаваясь. Оружия у него не было, Марина бы заметила пистолет, когда прижималась. Распахнулась дверца Инниного авто, и, поправляя белый шарф, вылез Артур, подошел к недавнему врагу, который бледнел и пятился.

Сам Артур тоже бледнел, но держал себя в руках и не выказывал волнения.

Они напоминали двух оцетинившихся волков, которые принюхивались друг к другу, никто не собирался нападать, но не исключал, что набросятся на него.

— Ну здравствуй, — проговорил Артур и протянул руку.

Замешкавшись, Ян ответил на рукопожатие, отступил на шаг, приложил палец к губам и указал на Маринин телефон, лежащий на переднем сиденье, шагнул к машине и захлопнул дверцу. Артур кивнул, чуть поднялся на носках и огляделся: он по-прежнему ожидал от Яна неприятных сюрпризов.

— Почему сразу не избавиться от маячка? — спросил он.

— Чтоб не вызывать подозрений, — ответила Марина. — Если за мной следят, то ничего не заподозрят: я просто хожу на работу, катаюсь туда-сюда, встречаюсь с Яном.

— Понятно. Что ж, логично.

Мелкий дождь бисеринками оседал на волосы. Озябшими руками Марина теребила зонт, не понимая, открывать его или нет.

— Мальчики, — охрипшим голосом проговорила Инна, покидая салон своего «фиатика». — Давайте решим, где уединяться. Здесь, согласитесь, неудобно.

Она переводила взгляд с Яна на Артура и обратно, будто оценивая их и пытаясь понять, кто больше подходит Марине.

— Согласен, — кивнул Артур. — Вот только где? Я не знаю этот район. Девочки?

Он требовательно посмотрел на Марину. Она растерялась — как назло, в голову ничего не приходило. Выручила Танюха:

— Из приличных мест — «Вульф» на площади Королева, — подсказала она. — Выезжаешь со двора, метров триста, и налево. Там тихо, уютно и достаточно малоллюдно, чтобы вы спокойно пообщались. А еще это недалеко отсюда, и я примчусь моментально, вдруг что случится.

— Так, может, вместе поедem? — встряла Инна.

— Нет, — покачала головой Марина, — мы втроем. На моей машине. А вы оставайтесь и страхуйте меня. Не стоит лезть в это дело — может быть опасно.

Ян с Артуром держались с холодной настороженностью заклятых врагов, временно ставших союзниками. Пока Марина заводила мотор, оба стояли на улице, потом одновременно потянулись к дверце, чтобы сесть рядом с водителем... Ян вскинул брови, Артур недовольно поджал губы, но отступил, сел сзади. Ревнует? Мысль об этом доставляла удовольствие. Но еще больше радовало осознание, что все обошлось: Ян не предал, не накнулся на Артура. Можно сказать, первый этап операции завершен. Осталось пробиться к portalу и переправиться в Эдем. Сейчас не было страха, наоборот, появилась уверенность, что в таком составе им любые горы по плечу.

К тому же любой женщине приятно, если за нее борются два таких представителя мужского племени!

Дорога заняла пару минут, все время молчали, помня о следящем устройстве в

телефоне. Оставив его в машине, вошли в бар на пятнадцать столов, отделанный деревом, с зеркальным потолком. На стенах висели застекленные скульптуры пин-арта: тысячи гвоздиков-пикселей выступали словно из стены, складывались в картину, и казалось, что прямо на тебя идет обнаженная серебристая девушка. Девушки были справа и слева от входа, в других местах гвозди-пиксели создавали объемные изображения рук, смеющихся ртов, растущих прямо из стен голов.

Мужчин больше интересовало уединение, чем картины, они выбрали крайний столик в углу, откуда просматривался зал.

Артур сел у стены лицом к входу и барной стойке, Ян — вполоборота. Марина сняла пальто, определила на вешалку, стоящую между столами, и замешкалась, решая, куда сесть. По сути, она сейчас делала выбор. Можно расположиться рядом с Яном спиной к залу, можно — вполоборота...

Ян вскочил и отодвинул стул, Артур, уже поднявшийся с диванчика, не успел, и Марина с радостью воспользовалась помощью недавнего коллеги. В конце концов, он — человек, они играют, если можно так сказать, в одной весовой категории, у них схожий жизненный опыт. Артур же, более опытный и изворотливый, будет всегда на шаг впереди. Это, конечно, здорово: любой женщине хочется видеть рядом сильного партнера, на которого можно опереться, но как раз с этим проблемы, он слишком жесток, расчетлив. Придется привыкать к постоянным изменам, смириться, простить и хлопать по спине его рыдающих временных пассий. И постоянно бояться, что кто-то из них будет красивее, умнее, сговорчивее.

Пахло кофе и выпечкой. Было четыре вечера, и, несмотря на выходной день, кафе пустовало. Улыбчивая официантка принесла меню, Марина сразу попросила двойной эспрессо, Ян — американо, а вот Артур, видимо, в рамках восстановления после нанесенной эстонками травмы, суп дня, жаркое в горшочке и обещал подумать над десертом.

Обсуждение пришлось немного отложить: Артур набросился на солянку, как будто месяца не ел. Марина наблюдала за ним с умилением, всегда приятно смотреть, как мужчина ест, даже если еду готовила не ты.

Ян цедил кофе, постукивая пальцами по лаковой поверхности стола, косился на Артура. На его лице было написано: «Решаются наши судьбы, но для него еда важнее». Марине бодрящий напиток не помог: в тепле и относительной безопасности веки отяжелели, и щекотливая ситуация, в которой она оказалась, более не будоражила.

— Давайте начнем, — предложила Марина, — а то я засну. Сил вообще нет.

— Не проблема, — промычал Артур с набитым ртом, — могу одолжить. К счастью, я быстро восстанавливаюсь.

— Спасибо, мы, — Ян выделил последнее слово, — обойдемся сами. Ваша энергия дороговато обходится. Где Оливия?

Щеки обожгло краской стыда: Марина совсем забыла расспросить Артура про подругу.

— В безопасности. — Артур промокнул губы. — Но ей рано в дело. Собственно, достаточно посмотреть на Марину — ее способности только начали просыпаться. Скажи, ты ведь недавно ими пользовалась, буквально этой ночью?

— Да нет у меня никаких способностей! — отмахнулась раздосадованная Марина. — По небу не летаю, ночью в окна не заглядываю, в шабаше не замечена. Даже приворожить не могу, невидимой становиться — тоже.

— Зато умеешь наносить ментальный удар.

— Чего-о?! — Марина чуть кофе не подавилась.

А вот Ян посмотрел на Артура с пониманием, будто ловец не ерунду нес, а высказался здраво и осмысленно.

— Он хочет сказать, — перевел Ян, — ты умеешь, как эстонки.

— Примерно, — Артур взялся за жаркое, — вкусно, кстати, зря не едите. Закажи что-нибудь сладкое, Марина, тебе обязательно нужно. Только они и эстонки, да и ты, Ян, выкачивают чужую энергию. А Марина бьет своей, будто клинком.

Ей стало дурно. Будто сквозь пелену она наблюдала, как подзывает официантку, просит еще кофе и большую порцию торта «Черный лес».

«Как клинком». Она сразу вспомнила таксиста, требовавшего непомерную плату за услуги, собственную злость, принявшую перед внутренним взором форму клинка, лезвие, входящее в незащитное горло, руку хама, инстинктивно дернувшуюся к несуществующей ране. Таксист не смог ей противостоять. Получается, тогда Марина нанесла «ментальный удар»?

— Вроде вспоминаю, — она дождалась, когда принесут торт, и только тогда заговорила, — пользовалась. Но я просто сильно разозлилась...

— Конечно, — Артур кивнул, — ты ешь, не стесняйся. А я расскажу, в чем дело: ты больше не скованна рамками своего биологического вида, душа твоя созрела, и первые проявления ее силы, конечно, приходится на периоды эмоциональной нестабильности. Проще говоря, ярче всего ты действуешь, когда испытываешь сильные и неконтролируемые чувства. Я понял это вчера, когда ты разбила табуретку и заодно чуть не прикончила меня своей дикой, но симпатичной энергией.

Марина украдкой глянула на Яна. Он старался не подавать вида, что злится, но ноздри его раздувались, а глаза чуть прищурились, улыбка превратилась в оскал. Еще бы! Артур рассуждал о способностях Марины с видом собственника.

— Я всегда была такая? Просто... неиницированная? Надо было вытереть ноги о мою душу, чтобы она восстала? — напомнила ему Марина.

Артур немного смутился, потупился, откашлялся в кулак и повернулся к Яну.

— О своих способностях ты знаешь, но тебя не учили. Так?

Ян кивнул.

— Вдвоем мы не одолеем эстонок, — добавил он. — Даже если ты решишь меня обучить, Артур, у нас слишком мало времени. Пока они не догадываются, что Марина их раскусила и «проснулась». Но способности долго скрывать не получится, как ни притворяйся, ничего не поможет — рано или поздно, скорее рано, они все поймут, — он сделал паузу. — И Марины не станет.

— Одно мне непонятно: почему бы нам просто не уйти и не отсидеться? — спросил Ян. — У тебя же есть такое место? Зачем рисковать?

— Кстати, да, — поддержала его Марина, отодвинула торт.

Вариант, что она просто исчезнет, не придется подставляться и снова встречаться с эстонками, нравился ей гораздо больше.

Артур вздохнул, сплел пальцы, расплел, откинулся на спинку стула.

— Теоретически — да, так проще. Даже шансов выжить немного больше, но, Марина, я же тебе объяснял.

Марина отхлебнула кофе, который тоже не лез и грозил вскоре политься из ушей.

— Попытаюсь еще раз. Мои враги не держат связь с Эдемом постоянно, как и я — с остальными ренегатами оттуда. Для этого нужен постоянно функционирующий портал, а они нестабильны и малочисленны, открыть их можно в определенное время. Наш, который в замке, был секретным, активировать его несложно хоть каждый день и с нашей стороны, и со стороны Эдема, но для этого нужен ключ.

Прочитав недоумение на лице Яна, он добавил:

— Сложно объяснять, что такое ключ. Если выживем, узнаете позже. Здесь, в столице,

мы работали мало, чтобы никто не заподозрил, что портал тут. По моей неосторожности его обнаружили враги и теперь охраняют. Сами они в Эдем попасть не могут без ключа, им остается только ждать. Я предупредил всех ренегатов на Земле, но второй портал откроется только через три дня, союзникам с Эдема они ничего не успеют передать...

— Порталов всего два? — удивился Ян.

— Наших — да. Главный уверен, что справится сам и в благодарность его заберут на Эдем, потому что подкрепления до сих пор нет. Но он может в любой момент передумать.

— Господи! — воскликнула Марина, приложила ладони к пылающим щекам. — Что же делать? Артур, а если попросить кого-нибудь из ваших, чтоб помогли?

— Уже попросил. Но у нас нет времени. Наших тут меньше, чем врагов. Ближайшим ехать семь часов, там трое, они подтянутся, как только свистну. Остальных перебили. Портал сработает завтра в семь вечера, к этому времени надо решить все проблемы.

— Теперь еще раз, не растекаясь мыслью по древу, — предложил Ян, и Марина мысленно с ним согласилась: лавина новой информации плохо укладывалась в голове.

Артур выполнил пожелание:

— Портал охраняется врагами, мы не можем им воспользоваться — раз. Порталов пара — два. Три — он на вес золота, и его надо беречь, то есть попытаться отбить. Потому что второй мы сделаем не скоро. Четыре: Главный — карьерист, рассчитывает справиться своими силами.

— Чего тогда эстонки...

— Повторяю: у врагов в городе портала нет, и эстонкам сложно связаться со своими. Все зависит от Главного, а он, не желая того, пока делает все, чтобы дать нам шанс.

Марина тяжело вздохнула: эх, не удастся решить проблему малой кровью. Только сейчас до нее дошло, почему ловцы, то есть ренегаты, снова и снова появлялись в столице, несмотря на то что их тут ждали. Вспомнила, как выкручивался Главный, чтобы не отвечать на ее вопрос, и все встало на места.

— А если просто собраться и уехать? — задумавшись, она ответила сама: — Нет, нас все равно найдут, но мы никогда не сможем попасть в Эдем... — она беспомощно огляделась. — Если все получится, как вы планируете отбивать портал, когда врагов все равно больше?

— Мы его законсервируем, — улыбнулся Артур. — Нам остается одно: принять бой, пока эдемцев мало. По сути, выбора у нас нет. Но есть преимущество: они не ожидают нападения, не знают, что Марина — неплохой боец при определенных обстоятельствах. Это один козырь. Второй — ты, Ян, и этим грех не воспользоваться. — Артур потер руки. — И третий — их уверенность, что все в порядке и под контролем.

— Вижу, у тебя есть план, — улыбнулась Марина; вдали забрезжила перспектива завершить затянувшееся приключение.

— Конечно. Нам надо выманить женщин, разделить их с Главным. Он должен остаться охранять портал, охотницы — заглотить наживку.

— Главного беру на себя, — сказал Ян. — Попытаюсь сделать все возможное, чтобы он остался на месте.

— А если не останется? — осторожно поинтересовалась Марина.

Ответил Артур:

— Эдемцы не заинтересованы в том, чтобы подконтрольные им люди развивали свои способности. Главный — не боевая единица. Он опасен только, если вооружен. Так что даже если он включится в игру, на расстановку сил это не повлияет.

Марина сложила руки на столе, уперлась в них лбом и простонала:

— Наживка устала. Червячок был столько раз проглочен, что имеет весьма потрепанный вид.

Теплая ладонь легла на затылок, Марина ощутила растекающееся по позвоночнику тепло и не стала поднимать голову, чтобы посмотреть, кто гладит ее.

— Потерпи, это будет в последний раз, — утешил Артур. — Потом вы уйдете в Эдем, я останусь здесь и запечатаю портал с этой стороны, в то время как мои коллеги сделают это в Эдеме. Мы откроем его, когда перенесем в другое подходящее место.

— Главное, чтобы не в самый последний раз, — сказала Марина, вскинула голову — Ян убрал руку. В его глазах читалась боль. — Делись планом.

— Все очень просто. — Артур огляделся, склонился над столом и прошептал: — Ян рассказывает женщинам, что раскусил Марину и у нее встреча со мной. Идет туда вместе с ними. Охотницы по идее должны притаиться и дожидаться меня. Главного они вряд ли позовут — посчитают, что сами справятся с одним врагом, и оставят караулить портал. Я, естественно, приду, вызову огонь на себя. В это время вы ударите им в спину.

Марина округлила глаза:

— Как — ударим? Ты хоть бы научил меня, что ли. Я же не смогу!

Артур быстро глянул на нее. Потом презрительно скривился и передразнил:

— «Я не смогу». Ничего ты не можешь, никчемное создание. Быть наживкой — вот твоя судьба. — Он закрыл рукой лицо. — Первый раз в жизни так ошибся в человеке. Овца. Бессловесная овца!

Марина ошалела, распахнула глаза и возмутилась:

— Это ты мне?

— Надо было с Катей дальше работать, а я на тебя поставил...

Марина задыхнулась от негодования, сжала кулаки, желая ударить Артура. Что-то говорил Ян, но она не слышала, в душе набирала обороты лавина, сметала все на своем пути, катилась к выходу...

Вспышка — от нее будто отделилось что-то темное, мощное, застилавшее мир грозовой тучей. Артур побледнел, схватился за нос, Марина разглядела кровь, сочащуюся по его руке.

Ян вцепился в край стола. Минуту назад он тоже хотел приложить Артура лицом об стол, сейчас же застыл в нерешительности.

— Молодец, — прохрипел Артур, потянулся к салфеткам, вытер кровь, бегущую из носа.

Подбежала официантка, спросила:

— Вам плохо? Вызвать «Скорую»?

Артур сделал отрицательный жест:

— Спасибо, уже все хорошо. Идите.

— Что-нибудь еще желаете? — улыбнулась девушка.

— Спасибо. Идите. — Артур сделал акцент на последнем слове и обратился к Марине. — Видишь, все не так сложно. Надо сконцентрироваться, ударить, и все. Ян, ты — больше щит, тебе не надо бить, ты нейтрализуешь врага одним присутствием. Марина, теперь попробуй, ударь его.

Оглушенная случившимся, Марина чувствовала себя выпотрошенной тушкой, пустым сосудом, и сомневалась, что найдет в себе силы. К тому же она боялась причинить вред Яну.

— Ну же, — подбадривал Артур, краем глаза следящий за официантами, столпившимися у барной стойки. — Надо сделать это сейчас, побыстрее, чтобы ты смогла ухватить в своем сознании ощущение, при котором это срабатывает. Запомнить его, понимаешь? У тебя мало сил, не бойся, он едва почувствует.

Марина сконцентрировалась. Представила, как Ян соблазняет официантку, — не получилось. Тогда, как он сдает Марину «коллегам». Шевельнулась злость. Схватить ее, приумножить... Нет, не получается. Марина мотнула головой. Но Ян понял, что надо делать, и подыграл Артуру:

— Да, ты прав, у нее никогда не получится. И что я в ней нашел...

Злость вспыхнула, будто огонь, на который брызнули бензином. Марина понимала, что Ян лжет, но все равно было обидно, что делает это в присутствии Артура.

И снова понеслась с горы лавина. Ян дернулся, хватаясь, за щеку. Артур крикнул:

— Стоп!

Марина задышала часто, тяжело, откинулась на спинку стула.

— Неплохо, — оценил Ян.

Она кивнула и закрыла глаза — сил не осталось ни на что. Одного хотелось: в теплую постель, и спать, но сейчас еще не время: Артур с Яном начали обговаривать детали плана.

Местом действия выбрали торговый центр «Мандарин». Эстонки придут за Артуром, он гарантировал, что выдержит их натиск, они откроются, Ян ослабит их, Марина ударит, а Артур добьет.

— Мы должны действовать как единое целое, — напомнил он. — Если кто-то не справится, остальные погибнут.

Марине аж спать расхотелось от осознания, что в ее хрупких руках две жизни. Не так страшно умереть от чужой оплошности, по сути, после смерти тебе уже все равно. А вот жить с мыслью о том, что по твоей вине погибли два родных человека, Марина точно не сможет.

— А что, если я одолжу пистолет? — проговорила она шепотом, наклонившись над столом. — Правда, он травматический...

— Как слону дробинка, — вздохнул Артур. — Он просто помешает сосредоточиться.

— Понятно, — пригорюнилась Марина и вдруг воспрянула: — У тебя же был, я помню!

— Это казенный, попытаюсь его добыть, но не факт, что получится.

Ян подозвал официантку, попросил счет, а сам добавил:

— Неплохо бы поехать в «Мандарин», посмотреть, где там что, и выбрать подходящее место, желательно без скрытых камер.

Марина понимала, что так и надо поступить, но очень хотелось домой, в кровать, под одеяло. Попытка справиться с новыми возможностями забрала последние силы. Она покосилась на часы: начало шестого. Спать еще рано, а бодрствовать невыносимо.

Официантка принесла деревянную шкатулку со счетом и упорхнула. Артур и Ян потянулись к шкатулке, на мгновение задержали руку над ней. Артур уступил, откинулся на спинку дивана, позволив расплатиться новообращенному союзнику.

Пока тот отсчитывал деньги, Артур встал, накинул пальто, поверх него замотал длинный белый шарф. Ян взял пальто Марины, накинул ей на плечи — она кивнула.

Она не знала и не хотела знать, из-за чего ренегаты стали изгоями в собственном мире и вынуждены помогать дикому народу в надежде когда-нибудь переселиться сюда и уйти от преследований эдемцев.

Наверное, ничто так не щекочет нервы бессмертного существа, как близость смерти, танцы на лезвии ножа.

Ее и Яна интересовало, как уцелеть, и это сближало их, отодвигало на второй план Артура с его таинственностью и всемогуществом.

Поднявшись, Ян проговорил:

— Только я поведу твою машину, а то ты так устала, что еле на ногах держишься. Еще вторую фару ей выбьешь.

Марина вспомнила об увечье, нанесенном автомобилю, и зевнула.

Торговый центр «Мандарин» представлял собой круглое семиэтажное здание с куполообразной крышей в виде апельсина. Под крышей находился ледовый каток.

Весь первый этаж занимали бассейн, массажные кабинеты, солярии, парикмахерские и прочие салоны красоты. На втором были рестораны быстрого питания и кофейни.

Ян въехал на подземную парковку по полукругу дороги, ведущей вверх, поднялся на второй этаж, остановился, решая, парковаться здесь или ехать дальше:

— Надо же, тут еще третий уровень есть, — он тронулся с места, комментируя решение: — Марина — водитель неопытный, завтра все будет забито, а там точно найдется место. Нам лучше пройти тот путь, что она проделает завтра.

Он проехал в самый конец парковки, где никого не было, остановился, Артур вышел из салона, потянулся:

— Теперь надо подыскать место для засады. — Он огляделся. — По-моему, самое то.

Ян покачал головой и кивнул на скрытые камеры.

— Они тут везде, — проговорила Марина, еще раз зевнула.

— Надо изучить пожарные выходы, — продолжил Артур. — Вдруг придется убегать. Да и пройти по этажам не помешает. На войне преимущество у тех, кто у себя дома.

Когда нашли пожарную схему, Марина непонимающе осмотрела ее, пытаясь запомнить ходы-выходы, в итоге сфотографировала на телефон и пообещала себе, что разберется с ней на свежую голову.

Туда-сюда сновали люди с тележками: на третьем этаже были продуктовый супермаркет, книжный магазин и бутики.

За мужчинами она двинулась к стеклянной двери, открывающейся перед посетителями.

Возле туалетов толпились дамы. Люди прогуливались между стеклянными витринами, за которыми красовались манекены; куртки, платья, брюки безмолвно кричали: «купи меня», «меня», «нет, меня!»

Все бутики и ювелирные салоны кольцом располагались вокруг супермаркета, который заканчивался эскалатором, ведущим вверх и вниз.

Марина заставляла себя изучать детали. Завтра от ее расторопности будут зависеть другие жизни. Ян тоже нервничал, озирался, замирал и будто фотографировал обстановку взглядом.

Весь четвертый этаж занимали меха и магазины зимней обуви. Тут пахло свежей кожей — как в салоне дорогого автомобиля. Ненадолго Марина застыла напротив длинной бежевой шубы приталенной, с широким воротом.

Ян потянул ее за рукав, и она последовала за ним, взяла его под руку. Сейчас было особенно важно ощущать чью-то поддержку Артур замер перед указателями, зачитал то, что и так было ясно:

— Пятый этаж — кинозал, шестой — развлекательный гейм-центр...

— Гей-центр? — усмехнулся Ян, Артур шутку не оценил:

— Для игроков юных и не очень. Лазертаг; настольный хоккей, простенькие карусели, гонки. Купол — ледовый каток.

Ничего нового Марина для себя не открывала. Из всех сил она старалась быть внимательной, запоминать мелочи, но они ускользали, и Марина тратила последние силы впустую.

На шестом этаже лязгало металлом о металл, гремела музыка, ревели виртуальные зомби, строчили автоматы, грохали взрывы. Даже Артура проняло, он сморщил нос и потряс головой.

Туда-сюда носились стайки детей. Подростки и даже взрослые мужчины гоняли на симуляторах. Марину едва не сбил с ног довольно крупный, лет десяти от роду, джедай с имитацией лазерного меча. За ним гнался ситх в черной накидке.

Вспомнился карнавал, парень в костюме Вейдера, черные щупальца, через которые эстонки забирали его жизнь. Завтра придется не просто наблюдать за поединком со стороны — участвовать в нем. Так что будь внимательной, Кнышева! Сосредоточься.

— На втором этаже — кафешки, — прокричал Артур на ухо Марины. — Предлагаю встретиться с эстонками на третьем этаже парковки.

Марина пальцами показала, что надо бы выйти, Ян и Артур поняли, кивнули синхронно.

Стоя на эскалаторе между ними, Марина подумала, что хорошо было бы, если б общество не порицало женскую полигамию. На Востоке у мужчин столько жен, сколько они могут прокормить. Ей нравятся двое мужчин, им симпатична она. Получается треугольник с векторами, сходящимися в одной точке.

А как здорово было бы перед смертью — с ними двумя! Две пары рук ласкают тебя, один целует губы, другой — грудь...

Задышав неровно, она мотнула головой. Нет, фантастика. Они не потерпят друг друга рядом и даже мысли такой ей не простят. Но до чего же фантазии о запретном... Не греют, нет — но бодрят.

Договорились сначала прогулять эстенок по «Мандарину», затем выманить на парковку, где все и решится. Ровно в три дня все станет ясно. И останется четыре часа до семи, когда сработает портал, — на случай, если что-то пойдет не так.

Когда они вышли из «Мандарина», уже стемнело. Марина вытащила из бардачка машины мобильник и позвонила Инне с Танюхой:

— У меня все нормально, еду домой.

Она и правда собиралась домой — там осталась Мисска, если бы не кошка, Марина напросилась бы переночевать у девчонок. Из-за недосыпа два дня слились в одни бесконечные сутки. Марина положила телефон в бардачок, захлопнула дверцу и сунула руки в карманы.

— Я на метро, можете меня не провожать, — усмехнулся Артур. — Марина, спасибо за убежище, но не буду тебя подставлять, поэтому переберусь в другое место, надежное. Связь — по Сети. На крайний случай у меня теперь есть номер Яна.

Он растворился в полумраке, подсвеченном оранжевыми фонарями. Некоторое время в толпе людей, спешащих к метро, мелькал его белый шарф, потом Марина жадно вглядывалась в прохожих, понимая, что ее прошлое уходит навсегда.

Ян обнял Марину за плечи:

— Не хочу чтобы ты сегодня ночевала одна.

— Но тебе же надо...

— Это не будет смотреться подозрительным, они все знают о нас. Сначала мы выспимся,

а завтра начнем действовать. Не хочешь звать меня к себе — поедem ко мне, да хоть в гостиницу, но одну я тебя сейчас не оставляю.

Марина прильнула к нему.

— Еще как хочу. Просто... да. Поехали, но ты — за руль, а то я нас угроблю.

— Нет проблем, я потом заберу свою машину.

Дальнейшее Марина воспринимала смутно: она устроилась на заднем сиденье и не то чтобы вырубилась, но впала в полузабытьe. Свет фонарей мелькал огнями стробоскопа, ревели проезжающие мимо автомобили. Машина вздрагивала, когда колесо попадало в выбоину или трещину, Марину подбрасывало, и в голове появлялась одинокая мысль, например, правильно ли она сделала, доверившись Яну. Может, он обманывает. Тогда до завтра Марина не доживет, скорее всего даже до дома не доедет... Потом вспоминалось, как делалось спокойно, стоило Яну появиться. Нет, все правильно. Правда, Артур... Артур явно не против начать все сначала. И до сих пор что-то в груди шевелится при мысли о нем.

Секс с ним был лучше.

Или не был, а так казалось из-за опьянения любовью? Говорят, когда принимаешь наркотики, чувствительность обостряется, и любой секс кажется головокружительным. Дело не в партнере, а в измененном сознании.

Марина заворочалась на сиденье, пытаясь устроиться поудобнее, и чуть не упала.

— Не буянь, — рассмеялся Ян, — почти приехали.

Он сбавил скорость, автомобиль несколько раз свернул — Ян заехал во двор, потом остановился. Марина позавидовала его опыту: сама она парковалась долго, нудно, и ладони от стыда потели. У Яна же это получилось моментально.

— Идем?

— Я сплю, — пробормотала она.

Встать не было сил. В конце концов, почему бы не поспать в машине?

— Ключи где...

Голос она слышала, но ответить уже не могла. И глаза открыть не могла.

— Ага, нашел. Ну-с, спящая красавица, будить тебя поцелуем негуманно, будем транспортировать это прекрасное тело в теплую постель.

Теплые руки коснулись ее — и Марина заснула окончательно.

Ей снился лишенный страха и боли мир, прекрасные люди с одухотворенными лицами, сосредоточенные на познании и искусстве, живущие вечно. Подсознание услужливо рисовало башни из стекла, гармонично вписанные в девственные пейзажи; разноцветные жучки флаеров в чистом небе; невесомые, проложенные в воздухе ленты дорог, по которым бесшумно скользили автомобили...

Марина оказалась в городе, полном света и тепла. Здесь было очень зелено, по стеклянным стенам взбирался дикий виноград. Она двинулась по улице, больше похожей на газон, на перезвон струй, и вскоре вышла к небольшому фонтану, у которого резвились пятеро детей — две девочки и мальчишки.

— О, вы, наверное, новенькая! — обрадовалась воспитательница или няня, затянутая в белый комбинезон женщина с молодым лицом, седыми волосами и глазами вечного существа. — Вас удивляют детки в Эдеме? Их немного, и они — наша радость. А я буду вас сопровождать, я покажу вам наш мир...

Женщина взяла ее за руку, заглянула в глаза и ласково улыбнулась.

Марина проснулась. На улице все еще было темно. Ян не задернул шторы, и в окно

светил фонарь, сердце бешено колотилось — до прикосновения седой незнакомки сон был благостным, но дружеский жест вечного существа заставил Марину пробудиться. Почему-то она не сомневалась, что видела настоящий Эдем, точнее, мир из воспоминаний Артура. Этот сон — его подарок.

Сказка Реальность, куда никогда не попасть обычному человеку. Здесь, в мире, обреченном на страдания, зарождается новый день. Возможно, последний день ее жизни.

Миллиарды людей пробуждаются, собираясь на работу. Машут ручонками дети, не желающие идти в сад, сонно зевают школьники и студенты...

Стоп. Нет! Сегодня же воскресенье — день, когда можно побыть счастливым, понежиться в постели.

Да, создатели лишили людей бессмертия, и вся жизнь уподобилась гонке со смертью. Но так ли несчастны люди? Подарит ли бессмертие радость? Ведь счастье будет лишь там, где возможна потеря, мы дорожим лишь тем, что можем потерять, и когда останавливаемся, презрев вечную гонку, и поворачиваем лицо к небу, начинаем жадно хватать воздух, не в силах надыхаться.

Мы ценим искренность, дорожим мгновением, гоняемся за птицей счастья. Именно страх опоздать делает нас живыми.

Можно ли назвать живыми эстонок и Главного?

Артур постоянно ходит по лезвию. Наверное, только благодаря этому он и не утрачивает сходство с человеком.

А я... Чего хочу я? Такого... Чтобы сказать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно».

Рядом посапывал Ян. Марина повернулась на левый бок, лицом к нему. Как настоящий джентльмен, Ян спал под отдельным одеялом, точнее, за неимением такового, под покрывалом. Голова его покоилась на сгибе локтя, и лицо во сне оставалось подвижным, беспокойным: Ян хмурился, между бровей залегла тонкая складка, ноздри раздувались, будто его обуревала злость, а губы были сжаты в ниточку.

А ведь завтра может не быть. И Яна, и ее, и Артура... Так тоскливо, холодно стало от этой мысли, что Марина аккуратно придвинулась ближе, коснулась кончиками пальцев его щеки — лицо тут же разгладилось, стало настолько доверчивым и беззащитным, что Марине захотелось поцеловать Яна. Она приподнялась на локте, наклонилась и коснулась губами уголка губ. Ян распахнул глаза — резко, как будто и не спал, но не шевелился, только смотрел.

Она почувствовала прилив желания: не столько секса, сколько обычных объятий. Марина скользнула к Яну под покрывало и обняла его.

И все-таки Ян был не совсем джентльменом — он спал полностью голым. Марина же — в майке и трусиках, и не помнила, раздевалась она сама или же ее раздел Ян. Отступить было поздно, да и нелепо после всего, что между ними произошло раньше. Марина приникла к Яну всем телом, спрятав лицо у него на груди. Ян тепло пах сном, тем особым сладковатым запахом, еле-еле заметным, которым пахнут только крепко спавшие люди всего несколько минут после пробуждения. Он обнял Марину — подчеркнуто нежно, ни к чему не обязывая, но скрыть возбуждение не смог бы при всем желании. Марина закинула ногу поперек его живота.

Еще не поздно было отступить, спрятаться под другое одеяло и заснуть.

Но от дневных сомнений не осталось и следа, Марина твердо знала, с кем хочет быть, и понимала, что соскучилась по Яну — с ним, и только с ним было настоящее, не навязанное почти магической харизмой, как с Артуром, не вымученное, как с другими любовниками, а свое, природное.

И отказываться от этого в последнюю ночь жизни Марина не собиралась.

Ян все еще не проявлял инициативы, хотя дыхание его стало чаще, и это раздражило

Марину: она провела рукой от его груди ниже, к жестким волосам, и крепко обхватила член — он не помещался в руку — скользнула кольцом пальцев вверх и вниз. Ян застонал. Марину охватил азарт. Снова легко коснувшись губами его губ, она нырнула под покрывало с головой. Стало совсем темно, и в этой темноте особенно четко Марина слышала возбужденное дыхание Яна, да и собственное, хрипловатое.

Она высунула кончик языка и пощекотала им обнажившуюся головку, одновременно продолжая двигать рукой. Ян снова застонал, подался бедрами навстречу, но Марина отстранилась. Не переставая ласкать его, сдвинулась еще ниже и принялась посасывать яички — жадно, как леденец.

— Подожди, — прошептал он, — я так кончу.

Почему-то от его слов она возбудилась еще сильнее — низ живота аж заныл. Марина облизала сначала только головку, но потом, ритмично дыша, взяла в рот его член глубоко. Ян ухватил ее пятерней за волосы и вошел до упора, заставив Марину закашляться. Наконец-то застенчивость слетела с него, он двигался сильно, вольно, и Марина извивалась, кашляла, но принимала его. Он кончил со стоном, она проглотила и откатилась в сторону.

— Ты... ты самая лучшая, Марина, ты самая лучшая!

Они поменялись ролями — теперь Ян ласкал ее, его губы скользили по ее напрягшимся соскам, по животу, не минуя ямку пупка. Повел языком ниже.

— Сильнее! — простонала она. — Пожалуйста, сильнее!

Ян откликнулся на призыв.

Марина металась, будто в жару. Ничего человеческого не осталось в ее движениях, мозг отключился, все сомнения испарились, стыд улетучился: только удовольствие, древнейшее, животное.

Она выгнулась навстречу его языку так сильно, что встала на мостик, касаясь кровати только макушкой и пятками. Ян гортанно вскрикнул, подхватил Марину — она ногами оплела его поясицу и закинула руки за шею, прижалась всем телом, потерялась — и поняла, что он снова хочет.

Ян вошел в нее, и Марина тут же кончила, закричав от восторга. Яркие, цветные вспышки перед глазами, ногти царапают плечи, движение — сверху вниз и навстречу, и мир кружится, кружится вокруг своего средоточия — пары, занимающейся любовью.

— Я... тебя... Марина, я так сильно тебя люблю!

Он опрокинул ее на спину, осыпая поцелуями лицо, шею, грудь. Марина уже не понимала, где верх, где низ, удовольствие было слишком интенсивным, на грани боли, и тело начало дрожать, как в лихорадке.

— Подожди, — прошептала она, — Ян, дай мне отдохнуть...

Он то ли не услышал, то ли не захотел услышать, и движения его стали еще интенсивнее. Марина закинула руки назад, за голову. Кричать она уже не могла, даже дышать, казалось, не могла. Длительный и яркий оргазм накрыл ее с головой и не прекращался, то немного стихая, то возобновляясь — волнами. Ян прижал ее к себе так, что хрустнули ребра, он кончил, Марина тоже достигла самой вершины наслаждения и потеряла сознание.

После они снова заснули, и Марина очнулась через несколько часов, чувствуя себя полностью отдохнувшей. Ян еще спал, на этот раз — раскинувшись на кровати. Вспомнилось старое «я в постели звезда, а если пальчики растопырю — ваще снежинка!» Марина улыбнулась своим мыслям, поцеловала Яна и поднялась.

Хотелось в душ и очень, просто безумно, хотелось есть. Мисска терлась о ноги с голодными воплями, и Марина ее понимала. Но самодисциплина — основа здоровья, и Марина сначала все-таки забежала в ванную. Под теплыми струями воды стало казаться, что все получится, что они обязательно победят и жизнь будет долгой и наконец-то

счастливой, а главное — наполненной смыслом. Ведь что может быть лучше служения своему миру?

— Мы вам покажем, — обратилась Марина к потолку, — «неразвитых», мы вам покажем, на что способны! Придумали тоже, за наш счет жить вечно. Вам, значит, город-сад и юность, а нам — смерть, грязь, страдания? Фигушки! Мы можем жить лучше и будем жить лучше, если всякие улыбочивые упыри не будут из нас соки тянуть!

И рассмеялась, оценив нелепость патетической речи: голая девушка в мыльной пене, потрясая мочалкой, грозит потолку.

Закутавшись в любимый плюшевый халат и повязав волосы тюрбаном из полотенца, Марина вышла на кухню.

За такую любовь мужчину положено кормить, да и самой хотелось бы сытного завтрака. Однако ревизия холодильника показала, что сытный завтрак светит только Мисске, а до того, чтобы отнимать у кошки консервы, Марина еще не опустилась.

Вспомнилось любимое мамино выражение: настоящая женщина может из ничего сделать скандал, шляпку и салат. Скандал — пожалуйста, но из двух сморщенных яблок салат при всем желании не изобразишь. Даже яиц нет, чтобы по-быстрому пожарить глазунью.

Марина смотрела, как Мисска уплетает аппетитные кусочки чего-то там в каком-то там соусе и размышляла: одеться и быстренько выскочить в круглосуточный на углу? Ян проснется и испугается. Одолжить пяток яиц у соседки?

— А поесть тут дают? — Ян подкрался сзади, обнял, поцеловал в шею и шепнул: — Не забывай про прослушку.

Марина закрыла рот рукой, схватила телефон и заперла в ванной. Сейчас как никогда хотелось спустить его в унитаз, но для убедительности маячок должен был все время находиться с ней, сигнализировать врагам, что все в порядке, жертва ни о чем не догадывается и находится, где ей и положено быть.

— Увы, мои суперспособности на сотворение еды из воздуха не распространяются, — проговорила она, вернувшись, — как раз думала, не сбегать ли в магазин.

— Закажи пиццу, — посоветовал Ян. — Пока ее будут везти, мы успеем еще раз обсудить план...

Марина позвонила в ближайшую доставку.

— Через полчаса, — расстроенно передала она Яну. — А я так хотела покормить тебя завтраком...

— Успеешь, — улыбнулся Ян. — У нас вся жизнь впереди. Сделай кофе, и будем думать.

Марина смутилась: почему-то она думала, что «обсуждать план» они будут в спальне и в горизонтальном положении, но Ян был серьезен.

— Малыш, я очень тебя хочу. Постоянно. Могу снять штаны и доказать... Но сейчас нам нужно подумать о будущем. Надо учесть каждую деталь, чтобы все прошло без сучка без задоринки.

— Мы же уже с Артуром продумали...

Ян поморщился, будто Марина упомянула при нем что-то неприличное. Она осеклась: нельзя при нынешних любовниках упоминать бывших, даже если задумана общая операция. Тем более — упоминать о превосходстве бывших.

— Я не до конца доверяю ренегату. Я знаю, за что борюсь: не за абстрактное счастье для всех и не за мир во всем мире. За тебя. Понимаешь, Марина, я считаю так: ни одна технология не смогла бы сделать наш мир несчастным, в несчастье, грязи и неустроенности виноваты исключительно мы сами. Ну ладно, пусть не живем вечно — но я и не хочу вечной жизни, а собаки вообще счастливы, несмотря на малый срок жизни.

Значит, не в этом причина. Ладно, ты возразишь: мол, нас создали жестокими, глупыми и несовершеннолетними... может быть. Но посмотри на эдемцев. На Толстого, Главного. На Артура. Они — идеальны? Счастливы? Поэтому я не верю ему, скажем так, не до конца верю. Поэтому у меня простая цель: спасти тебя и спастись самому.

Его слова ласкали слух, и Марина понимала, что в ответ должна признаться в любви или как-то обозначить свое отношение к Яну — уж очень у него был просящий взгляд. Она была уверена в том, что чувства к нему существуют — прошедшая ночь это доказала, но признаться не решалась — боялась, что правда сделает ее уязвимой.

И все-таки слова Яна про то, что он не верит Артуру больно царапнули Марину. Да и вообще секс — это секс, а любовь — это любовь. Это бабочки в животе, это ослепление страстью, ну; как было с Артуром, а не нежность и спокойствие, как с Яном.

— Я тебе верю, — нашла она, протянула через стол руку и сжала пальцы Яна. — А у ренегатов своя мотивация, мне Артур рассказал: они с эдемцами на ножах, если таких, как мы, будет много, эдемцы признают в нас равных и уйдут, чтобы паразитировать на ком-то другом, а ренегаты обустроятся в нашем мире. Наивные, думают, люди их отблагодарят.

— Так пусть приходят и живут. Артуру вон никто не мешает.

— Увы, пока тут повелевают эдемцы.

— Теперь более-менее понятно.

В дверь позвонили. Марина вздрогнула, как от пощечины. На цыпочках прокралась к двери, посмотрела в глазок и выдохнула с облегчением: раньше срока привезли заказанную пиццу.

Позавтракав, Ян ушел. Марина заставила себя сосредоточиться и не расходовать на переживания силы, которые понадобятся в финальной схватке.

Живот скрутило от страха. Она ведь — младенец в мире хищников и только делает первые шаги. Пока скорее сила управляет ею, а не наоборот. Это все равно, что ребенок вызовет на дуэль взрослого.

Конечно, и дитя может убить, если его обучить, но Марину-то никто не учил: вчера сил не было, сейчас желательно эти силы приберечь.

Итак, что нужно: сосредоточиться, разозлиться, визуализировать смерть врага. «Будто клинком». Как визуализировать, она помнила из старинной статьи про ведьм и привороты. Надо же, пригодилось на первый взгляд бесполезное знание!

Шмыгая носом, она умылась, посмотрелась в зеркало. Нельзя реветь, это недопустимый перерасход энергии. Только холодный расчет. От тебя зависит жизнь Яна, Артура и Оливии. И ренегатов по ту сторону портала.

Прощай, прошлая беззаботная жизнь! Прощай, мама и Анюта!

Марина вспомнила мать Оливии. А ведь и ее мама будет так же страдать, имеет ли она право мучить близких? Даже если записку оставить, маму это ранит.

Так, прежде надо выжить. Смерть дочери расстроит мать еще больше. Марина глянула на часы: у нее осталось четыре часа жизни, и нужно хотя бы попрощаться с теми, кого она любила.

В воскресенье в «Мандарине» былолюдно, прямо перед Мариной заезжал красный «Шевроле» с нервным водителем — дамой за сорок. Рядом с дамой попыхивал сигаретой в открытое окно муж, тоже нервный и громко ругающийся. По желтой наклейке с восклицательным знаком Марина опознала в даме коллегу — «чайника» и посочувствовала ей. По крайней мере в ее машине никто над ухом не орал...

Свободное место нашлось на третьем этаже — рядом с лифтом и выходом в торговый зал.

Марина припарковалась, подхватила сумочку и вышла из машины, поглядела на часы:

четырнадцать ноль пять. До часа истины осталось пятьдесят пять минут. Тут же запиликал телефон, она дернулась, будто от удара: это была Таня.

— Ну и где ты?! — воскликнула подруга. — Пятнадцать минут уже тебя ждем! Столик заняли!

— Сейчас буду!

За сорок минут до этого Марина по тому же телефону договорилась с Таней и Инной о встрече в «Глобусе», назначила время и место. Она знала, что телефон не просто прослушивается — что за ней уже следят. Ян сделает все возможное, чтобы эстонки пошли на перехват именно сейчас.

Убирая телефон, Марина порылась в сумочке: кроме упаковки салфеток и косметички, там теперь лежал газовый баллончик. Конечно, на стороне эстонок — их способности, превосходящие человеческие, зато у Марины есть преимущество — внезапность.

В то, что она сможет эффективно воспользоваться газовым баллончиком, Марина не верила: в свое время она писала для родного глянца статью о женской самообороне и вынесла из кучи перелопаченного материала одно — любым приспособлением надо уметь пользоваться... пшикнет еще сама себе в глаза... Но даже такое смешное оружие давало иллюзию безопасности и успокаивало.

Марина толкнула тяжелую дверь и оказалась в торговом центре, в коридоре, ведущем с третьего этажа к туалетам. В женский, естественно, тянулась очередь, кто-то требовал «пропустить с ребенком», мужчины маялись у стенок в ожидании избранниц. Марина прошла мимо.

Спускаясь по лестнице, она снова и снова прокручивала сценарий: Ян придет вместе с эстонками ровно в три. На лифте они поднимутся в торговый центр, в это время Марина направится к своей машине, где она по легенде должна будет встретиться с Артуром. Эстонки почуют ее, пойдут за ней на третий ярус автостоянки, где и затаятся, подкарауливая своего основного врага.

Когда Артур будет уже на подходе, Ян попытается ослабить эдемок, а Марина ударит. Когда женщины сосредоточат внимание на ней, Артур их добьет.

Шум фуд-корта вернул ее в реальность. В погожие дни тут было еще терпимо, сейчас же, на пороге зимы, все население микрорайона вышло «проветриться» в «Мандарин». Кричали дети, гундели подростки, толпа штурмовала стойку «Макдоналдса», у других, не столь раскрученных заведений, было потише, но это не спасало: голодные люди заняли все столики. Окинув толпу взглядом, Марина решила не толкаться, а обогнуть площадку — они с девочками договорились о встрече в суши-баре, что на другом конце круглого зала. Инна обещала снова дать Марине в аренду травмат.

Марина ледоколом двинулась к цели, рассекая людскую круговерть. В окружении счастливых детишек, среди мельтешения праздника потребления она чувствовала себя особенно одинокой. Никто из них не догадывался, что женщине, которую они не замечают, осталось жить меньше часа.

Вспомнилась перестрелка на маскараде под куполом: Вейдер был вооружен, кругом сновали люди... и это ничего не решило, человек погиб.

Так же будет и с Мариной, если она не сумеет сосредоточиться, если хоть кто-нибудь подведет.

Расслабиться не получалось. Как и сосредоточиться. Внимание рассеивалось, мысли разбегались, и приходилось с усилием собирать их в кучку.

Суши-бар «Голодный самурай» был всего-навсего «аквариумом», отделенным от общего пространства холла. Очутившись за стеклянными стенами, Марина вздохнула с облегчением: тут все-таки тише, пахнет соевым соусом и разогретым кунжутом, а за дальним столиком уже сидят, потягивая мохито, Инна и Танюха.

— Привет. — Марина плюхнулась на диванчик напротив них. — А чего это вы решили по алкоголю выступить? Уже поминаете меня?

— Типун тебе на язык! — возмутилась Танюха. — Это безалкогольный. Давайте пожрем, есть хочется дико... Что случилось-то?

Марине совершенно не хотелось есть: она была поглощена собственными страданиями.

— Девочки, все напрасно, — прошептала она, закрыла сумку, чтоб ее нельзя было подслушать. — Все зря. Надо было бежать, пока не поздно, а теперь уже не убежишь.

— Так. — Инна с хлюпаньем всосала остатки коктейля и звякнула высоким стаканом о стол. — И чего мы раскисли?

— Ну что я против них смогу... В общем, Ян сдал меня эстонкам.

— Как?! — выдохнули они хором.

— Специально! Чтобы выманить на меня, на живца. Когда я назначала вам встречу, они уже знали, что я спасла Артура, — говоря это, Марина постоянно поглядывала на дверь.

Повисла тишина. Официантка приблизилась было, но, посмотрев на их лица, предпочла ретироваться. Инна протянула под столом пистолет, обернутый платком.

— Так что сейчас я пойду обратно на стоянку, на третий этаж, где оставила машину. И постараюсь их уделать... Ян с Артуром по идее должны мне помочь. А с вами я хотела встретиться, чтобы... ну, попрощаться, в общем. Мало ли. Вы — настоящие подруги, у меня таких никогда не было. И у меня мама на отдых уехала, кошка дома. Вот. — Марина положила ключи на стол, Танюха накрыла их рукой. — Если вдруг... в общем, присмотрите за Мисской и... маме расскажите...

Она не договорила, вдруг ощутив присутствие. Они рядом! Постаравшись не выдать себя выражением лица, Марина встала, махнула рукой и побыстрее покинула заведение.

Это было похоже на то, что она ощущала в своей квартире после визита Толстяка, только интенсивнее: беспокойство, сначала неясное (будто комар ночью зудит над ухом), потом — усиливающееся настолько, что начало ломить виски и суставы и неприятно зачесалось где-то под черепной коробкой.

Страх и похоронное настроение исчезли. Надо сосредоточиться. Вдохнуть и выдохнуть, взять себя в руки. Вот так.

Вопреки желанию пальцы судорожно стиснули сумочку — аж костяшки побелели.

Она была уверена: эстонки ее засекли и теперь словно ощупывали душу невидимыми пальцами. Враги прибыли в «Мандарин». Скорее всего они без Главного — он не оставит портал без присмотра. Как поведут себя эстонки? Конечно же, притаятся и будут следить, пока не появится Артур, потом убьют его.

Сжав рукоять травмата, обернутого золотистым платком, Марина вышла в торговый центр. Здесь по-прежнему шумели, но там фуд-корта звучал приглушенно. Очевидно, эстонки близко и сейчас работают, не жалея сил. А рядом с ними Ян. Тренькнул телефон. Марина открыла сообщение. «Пять минут. Жди, где условились». Это Артур, больше никому.

Мобильный едва не выпал из вспотевшей ладони. Лица людей, столы, стойки, окна замелькали фрагментами калейдоскопа, гомон утонул в грохоте собственного сердца. Марине казалось, что это не сердце стучит — тикают часы, отсчитывая ее последние минуты.

Парковка обезлюдела. Исчезли отцы семейств, перекладывающие покупки из тележек в багажники; куда-то делись вопящие и носящиеся туда-сюда дети; никто не парковался, никто не выезжал, и делалось жутко.словно Марина попала в застывший мир, который должны пожрать лангольеры.

Ощущение близости ударило Марину под дых — так сильно, что она едва не остановилась, прижав руку к груди и хватая ртом воздух. Интересно, они рассчитывают остаться незамеченными? Или думают, что она спутает их с Артуром?

Стараясь не показать, что заметила их, Марина направилась к своему автомобилю. Сердце билось будто в горле, во рту пересохло, перед глазами все плыло, а ноги подкашивались — и не понятно, от страха или от близости жителей Эдема. Марина попыталась встряхнуться. Она вспомнила мертвую Катю, вспомнила Оливию в депрессии, вспомнила обессиленного Артура, Яна, признающего в любви. Шевельнулась здоровая злость, но Марина придушила ее: а вдруг враги заметят, что она изменилась и стала сильнее? Надо выглядеть жертвой.

Она оперлась о свой автомобиль. В салон садиться Марина боялась: закрытое пространство действовало на нервы, казалось, что она сама себя погребла, и некуда бежать, а здесь есть хотя бы иллюзия свободы.

Интересно, где притаились враги? Марина оглядела парковку. Засели в одной из машин? Наблюдает из-за квадратных колонн, держащих свод? А еще интересовало, какая сила заставила людей исчезнуть. Всем им срочно понадобилось в туалет? Те, кто собирался уезжать, вспомнили, что забыли что-то купить?

Не важно. Важно то, что происходит сейчас. Важны секунды, вытекающие, будто кровь из раны. Марина втянула воздух, смакуя запах бензина, пластика и дорогого парфюма. Наверное, Ян, читающий ее переписку и прослушивающий телефон, уже прочел сообщение Артура и ждет, когда появится недавно обретенный союзник и можно будет действовать.

А если Артур не придет? Мало ли, передумает в последний момент, подвернет ногу, его перехватят раньше. Что делать тогда? Бежать под прикрытием Яна?

Они с ним, как те два ребенка с макетами лазерных мечей, противостоящие взрослым. Снова пиликнул телефон в сумочке. Марина попыталась расстегнуть молнию, но пальцы не слушались. Справившись, она прочла сообщение: «Иди на второй этаж. За тобой следят».

Это что за ерунда? Такого в плане не было! Марина завертела головой, обливаясь потом, попыталась не паниковать, а найти логическое объяснение. Или Артур хочет, чтобы все выглядело правдоподобно (он должен почувствовать эстонец и насторожиться), или враги заняли неудобную позицию, и Артур пытается привести их туда, где будет удобно ему. Достоверности ради, промазывая мимо кнопок, Марина написала: «Куда именно», огляделась, но не заметила ничего странного.

На негнущихся ногах она поплелась по серой ленте дороги с третьего этажа стоянки на второй, вдоль припаркованных машин. На улице было ветрено, и сквозняк завывал, стонал в вентиляционных шахтах. Эхо шагов мячом билось о стены.

Интересно, где скрываются эстонки? Куда придет Артур? Или он уже ждет, прячется, ищет удобный момент?

Одной рукой Марина сжала мобильный, второй — все еще завернутый пистолет, спустилась на ровную дорогу и тут увидела двух женщин и мужчину, стремительно удаляющихся от нее вдоль ряда машин к спуску на первый ярус, они двигались почти бесшумно. Эстонки мчались впереди, сосредоточенные на невидимой Марине цели. Ян отставал.

Они засекли Артура, проникшего на стоянку через ворота первого этажа, он предупредил Марину; чтоб спускалась и, очевидно, вступала в игру. Каждое движение давалось с трудом, как во сне, когда бежишь на месте. Конечно же, это иллюзия, так бывает, когда стараешься бежать впереди паровоза. Да еще присутствие жителей Эдема тормозит.

Макушку Яна она еще видела, он исчезал за полукруглым поворотом стоянки. Вроде пистолета у него не было, он размахивал пустыми руками. Марина заставила себя бежать быстрее. Вскоре Ян исчез из поля зрения, и к ощущению чужака примешалось еще одно чувство: Артур был поблизости.

Они скоро встретятся, а Марина плетется черепахой!

Выскочив на закругление дороги, где начинался спуск на первый этаж, Марина замерла,

невольно шагнула назад. Эстонки сбавили шаг, теперь они двигались осторожно, синхронно вертели головами: Сигрид смотрела вправо, Агнета — влево. Ян все больше и больше отставал, тоже озирался — не понимал, что происходит и почему изменился план. Обернулся назад, заметил Марину, она показала «о'кей» — он кивнул и отвернулся.

Странно, но Марина больше не чувствовала ни врагов, ни Артура, и это беспокоило ее. Наверное, эдемки «глушили сигнал». На всякий случай она попыталась сосредоточиться — вдруг сейчас навстречу врагам шагнет Артур, и ему понадобится помощь. Вдохнуть, выдохнуть, расфокусировать взгляд...

Зрение изменилось, и теперь Марина видела странное. Эстонки были людьми лишь снаружи, под тонкой оболочкой (белая кожа, прозрачные глаза, дорогие брючные костюмы) клубилась жадная тьма. Другого определения не подобрать: именно жадная. Тьма эта имела миллионы оттенков, была плотной, как дым от горящей покрывки, и настолько же ядовитой, и сочилась из «эстонок», ощупывала пространство. Именно ее почувствовали люди, и инстинкт самосохранения погнал их прочь. Марина поняла — стоит одному черному протуберанцу дотянуться до нее — и все. Весь свет, всю жизнь выпьет из нее ненасытная утроба.

Интересно, все жители Эдема такие? Если судить по Артуру — нет. Он вроде говорил, что женщины — что-то типа биороботов, созданных, чтобы бороться с ему подобными.

Вдруг, в самый неподходящий момент, пробудился природный первобытный страх перед неизведанным и потусторонним. Именно он заставлял древних падать ниц, когда гроыхала гроза. Именно он гнал зверей в неизвестность, когда полыхал пожар. Не важно куда, не важно как, лишь бы прочь отсюда, подальше от леденящего ужаса.

Марина попятилась, задышала часто и остатками воли попыталась подавить паническую атаку. А тьма, расходящаяся от двух фигур, все клубилась, тянулась в ее сторону, обтекая Яна, замершего в нерешительности.

«Беги отсюда, — вопил инстинкт. — Они не спасутся, и твоя смерть будет страшной».

Не смея шевельнуться, Марина заворуженно смотрела на танец тьмы. Эстонки по-прежнему не видели ее и не чувствовали. Или просто не расценивали как угрозу? А значит...

Тьма колыхнулась, щупальца метнулись вперед и опали. Марина прищурилась и в свете люминесцентных ламп заметила Артура между двумя микроавтобусами.

Казалось, Артура закрывал прозрачный купол — щупальца тьмы отскакивали, обтекали его, но не могли коснуться. Ян пока бездействовал. Или он работал, ослабляя эдемок, просто она не видела?

— Твой выход, — прошептала Марина, подбадривая себя. — Давай же!

Но спасительная злость тонула в ужасе, который все никак не отпускал. Она ощущала недовольство, струящееся по телу капельками ртути, но не собирающееся в озеро ненависти. Бессильная, как машущая крыльями намокшая птица, она наблюдала трепещущее пространство под куполом. С каждой секундой Артур становился все слабее, он не мог убрать купол, чтобы ударить, и вся его сила уходила на защиту.

Давай же. Сосредоточься. Они убьют Яна! И Артура. Ну же, помоги им, жалкая никчема! Теперь страх сменило отчаяние. Что делать? Артур долго не продержится!

Эстонки застыли. Они напоминали жриц, призывающих божество.

Пистолет! Марина размотала шарф, прицелилась в Агнету, щелкнула предохранителем, нажала на спусковой крючок... Но патрон заклинило. Что делать в таких случаях, она не знала и на мгновение впала в ступор.

Артур пошатнулся, упал на одно колено. Марина рванула вперед, сняла туфлю, бросила вперед с криком:

— Чтoб вы сдохли, сволочи!

Туфля упала у ног Сигрид, она медленно повернулась — щупальце метнулось навстречу Марине, которая остолбенела, беспомощно хлопая ресницами. Ну вот и все...

Но в игру вступил Ян. Что произошло, ошарашенная Марина толком не разглядела, просто несущийся к ней сгусток тьмы будто разметало взрывом, а потом колени Яна подкосились, словно его стегнули плетью по ногам.

На мгновение Марина встретила с ним взглядом, а потом он рухнул ничком и больше не шевелился.

Марина вскрикнула. И вот тогда к ней пришла злость. Накрыла лавиной и понеслась, сметая все на своем пути.

Теперь ненависть напоминала не входящий в горло отточенный клинок, а винтовую лопасть комбайна, собирающего урожай. Причем у комбайна отказали тормоза, и он, неуправляемый, пер вперед.

Марина наблюдала себя со стороны: длинноволосая девушка стоит, широко расставив ноги и подавшись вперед, сжав кулаки. Что-то отделяется от нее... второе «я». Оно режется в эстонак. Сигрид падает. Агнета поворачивает к ней ледяное лицо...

И взрывается, как каракатица, пустившая чернильное пятно, — это, сняв купол, сзади ее ударил Артур.

Марине удалось немного обуздать злость, она представила ее молотом, бьющим Сигрид по голове. Ощущение было, словно Марина оторвала от себя кусок и швырнула его во врага — в глазах потемнело, но сквозь сгущающуюся темноту она увидела, как эстонка пошатнулась.

Потом Артур добил ее.

Ноги подкосились, и обессиленная Марина села прямо на проезжей части. В полубморочном состоянии она по-прежнему ничего не видела, но продолжала слышать и ощущать. Посигналила машина, закрипели тормоза. Словно из гулкого тоннеля донесся мужской голос:

— Девушка, эй! Вам плохо?

Сильные руки подняли ее, помогли встать на ноги.

— Не беспокойтесь, у нее бывает, — это Артур. — Проезжайте.

Снова скрип, гудение — машина поехала к выходу из гаража.

— Ян, — прохрипела Марина, шагая вместе с Артуром. — Он жив?

— Постой здесь.

Она прислонилась спиной к холодной стене. Или колонне? Сползла, села на корточки и крикнула:

— Артур! Помоги Яну: Скажи мне, черт побери, жив ли он!

Она разрыдалась, укусила себя за руку. Да, разыгрался не самый худший сценарий, она и Артур живы, но Ян... Это ведь по ее вине он вступил в бой раньше времени и принял основной удар. Черт, вот бы все вернуть и переиграть, поменять свою жизнь на его... Как теперь жить с этим?

Марина легла на асфальт, свернулась калачиком.

Кто-нибудь! Выключите реальность! Выключите меня! Вспомнился рассказ Яна, как он убивал любимую женщину-ренегата, которая, по сути-то, не сожрать его пыталась, а спасти. Он живет с этим, а она... Она — отказывается!

Проморгавшись, Марина поняла, что зрение восстановилось. Встала, держась за квадратную мраморную колонну. Парковка наполнялась людьми. Проехал мимо внедорожник. Возле Артура толпились зеваки, за их спинами было не разглядеть Яна.

Артур что-то им объяснял, жестикулируя.

Марина подошла к ним. Артур взял Яна под руку и пытался поднять, говоря окружающим:

— Ничего страшного, он эпилептик, скоро очнется.

Неужели жив? Марина улыбнулась сквозь слезы, зашагала к нему уверенней. Артур заметил ее и сказал:

— Дорогая, помоги мне отнести его в машину.

Марина взяла Яна под вторую руку и вместе с Артуром потащила вниз, на первый этаж, где он оставил «Ауди».

— Очухается, — вынес вердикт Артур, прислоняя Яна к капоту. — Но досталось ему сильно.

Только сейчас Марина сообразила, что не видела трупов эстонок то ли они растворились, то ли Артур спрятал их за машинами прежде, чем на парковке появился народ.

— А эстонки... эдемки. Где их трупы? — спросила Марина, усаживаясь назад и кладя голову Яна себе на бедра.

— Спрятал, — отмахнулся Артур. — Но скоро их найдут, а после попытаются отыскать нас.

Пока Артур открывал задние дверцы, Марина придерживала Яна, лежащего на капоте, за руки, чтоб он не сполз на дорогу.

И тут взревел двигатель, черный внедорожник с визгом вырулил из ряда машин, включил фары. Сквозь лобовое стекло Марина встретила взглядом с Главным. Лицо его перекошило от ненависти. Внедорожник устремился вперед. Марина отпрыгнула от капота вбок, Артур стащил Яна, положил между машинами, и вовремя: внедорожник зацепил «морду» его «Ауди» по скользящей. Если бы Ян лежал на капоте, его бы размазало.

Заскрежетал, залязгал сминаемый металл.

Артур многоэтажно выругался. Марина, прижавшаяся к соседней синей «Импрезе», остолбенела, провожая взглядом удаляющийся внедорожник.

На парковку выбежали трое охранников в синей форме и принялись палить по внедорожнику Главного резиновыми пулями. Их ругательства тонули в гуле раздосадованной толпы, ломанувшейся на стоянку.

— Что случилось? — удивилась Марина.

— Поехали отсюда. — Артур обыскал Яна, выудил из кармана ключи от машины. Вместе с Мариной они уложили Яна на заднее сиденье, Марина уселась рядом с ним.

Слава богу, удар повредил только капот и бампер, мотор не пострадал, и «Ауди» завелась.

Марина не спрашивала ни о чем — не осталось сил. Ее не интересовало, что тут делал Главный, почему он не помог эдемкам и за что его преследовали охранники и толпа зевак.

Голова звенела, а на душе делалось солнечно, едва она прикоснулась к щекам Яна, гладила его волосы. Мысленно она проговаривала, как молитву: «Ты со мной. Господи, спасибо тебе! Как же я боюсь тебя потерять». Мир свернулся клубком вокруг задних сидений. И Артур, и Эдем, и предстоящее бегство отодвинулись на задний план. Здесь и сейчас был только Ян, который нуждался в ее заботе.

Растворяясь в нежности, она пришла в себя только, когда Артур остановился. Осмотрелась: сталинки в окружении высоченных лип с одной стороны, с другой — частный сектор. Припарковались возле зеленой калитки с номером 22. Смеркалось, и

прямо напротив двадцать второго дома светил единственный фонарь.

Артур, заглушив мотор, откинулся на спинку сиденья. Провел по лицу ладонями. Он был мрачнее тучи. Обернулся, сверкнув глазами:

— Вот теперь он точно позвонит своим и вызовет подкрепление, а у нас два с половиной часа до тех пор, когда можно открыть портал!

Радость мгновенно улетучилась. Ничего еще не кончилось.

— Так ты говорил, что позовешь своих...

— В этом не было необходимости, и слава богу.

Нахмурившись, Артур выхватил телефон, набрал какой-то номер, сморщил лоб, слушая протяжные гудки. Ему ответила женщина, и он заговорил с напором:

— Амали, мы не справились. Пусть ваши идут на перехват и задержат эдемцев.

Женщина что-то возразила, и Артур заорал:

— Вашу мать, час лету, и они здесь! И у них два часа форы! А тут я один и двое желторотиков. Да они в порошок нас сотрут! И нет у нас больше сферы... Где хотите, там их и ловите. Вы, черт побери, должны знать все их ходы-выходы... Что значит — «постараемся»? Не постарайтесь, а делайте.

Женщина пообещала сделать все возможное даже ценой собственной жизни. Говорила она тоном бойца, вызывающего огонь на себя.

Артур отдышался и объяснил:

— Вероятнее всего, что Главный вызвал подмогу. Наши враги полетят на частном самолетике, самым ближним их агентам час пути. Даже если мы захватим портал, то не сможем им воспользоваться до семи вечера, и нас возьмут тепленькими. Ренегаты пообещали задержать наших врагов. От того, получится ли это у них, будут зависеть наши жизни.

— Господи, — вздохнула Марина, сжимая кулаки.

— Нам надо делать свою работу, — сказал Артур, и тут в кармане куртки Яна зазвонил телефон.

Артур насторожился, вытащил мобильный, прищурившись, посмотрел на экран.

— Главный. Я отвечаю, — он включил громкую связь и поднес телефон к уху. — Алло.

— Привет, ренегат. Думаешь, ты обскакал меня? — ровным холодным голосом проговорил Главный. — Девчонка с тобой, да? Она меня слышит? Что ж, пусть слушает. У меня тоже есть девчонка, — смешок. — Так смешно брыкается и благодарит Марину за то, что она устроила нашу встречу.

Марина вытаращила глаза, не понимая, что происходит и какая девчонка сейчас у Главного.

— Ты глупая, — продолжил он ласково. — Все равно тебе не жить, что бы ни обещали ренегаты. Нас больше, и мы сильнее. Тебе предлагалась жизнь вечная, а ты променяла ее непонятно на что. И теперь твоя подруга у меня. Хочешь с ней поговорить?

Донеслась возня, что-то щелкнуло, и Марина узнала Танюху.

— Факанный фак, старый ты хрен! Маринка, не слушай его, делай что должно...

Шлепок, удар, и Танюха замолкла — Главный ее вырубил и продолжил:

— Сунетесь к сфере — ей не жить.

Главный отключился, Марина подпрыгнула на сиденье, ударилась головой, зашипела.

Вылезла, аккуратно переложив голову Яна с коленей на сиденье.

— У него Таня, — проговорила Марина. — Что нам делать?

— Если бездействовать, он все равно ее убьет, — озвучил Артур в общем-то прописную истину.

Марина сжала виски руками, уставилась в темнеющее небо. Бессилие сводило с ума. В принципе, они могут рискнуть и пробиться к portalу, только что делать с Яном? Как отбить Таню? За кадром остался вопрос, что Главный сделал с Инной, жива ли она. Телефон с маячком Марина бросила в своей машине, и связаться с Инной было невозможно.

Артур тоже покинул покореженный автомобиль, скрестил руки на груди, встрепенулся от звонка. Ответил, прикрывая телефон ладонью:

— Слушаю. Постарайся, пожалуйста! Да-да, любыми средствами... Понял. Удачи тебе, Амали, — он развернулся и поделился новостями: — Команда послушных эдемцам людей собралась вылетать. У меня там остался один человек. Надеюсь, у нее получится их задержать, и не ценой собственной жизни.

Даже обессиленный, едва стоящий на ногах Артур, которого она тащила домой, не выглядел таким жалким, как сейчас.

— Сколько у нас времени? — поинтересовалась Марина.

— Сейчас половина пятого. Два с половиной часа.

— Да помогут нам союзники и вечные пробки на дорогах! — воскликнула она. — Что будем делать? Надо как-то привести в чувство Яна.

— Еще есть Оливия и Юля, их надо забрать, — сказал Артур, огляделся. — И сразу же ехать к portalу. Оставим машину в стороне, пусть посидят там, а мы попытаемся что-нибудь сделать.

— Каковы шансы на успех? И что за Юля?

— Тикус, которая модель.

— Аaaa.

— Главного-то прихлопнуть несложно. Гораздо труднее продержаться до семи, если к ним подоспеет подкрепление.

— Оружие у тебя есть?

— Только один пистолет и коробка патронов к нему. Этого мало.

— А все-таки Ян...

— Пусть спит. Ему надо восстановиться. Если поднять его, все равно он будет только мешать. Нельзя геройствовать, когда нет сил.

Артур зашагал к зеленым воротам, за которыми угадывалась шиферная крыша старого одноэтажного домика, надавил на кнопку звонка и затарабанил пальцами по металлу. Вскоре калитка открылась, высунулась встревоженная Оливия в черной мужской куртке и джинсах с бахромой, кивнула Марине, садящейся на сиденье рядом с водительским, и принялась открывать скрипучие ворота. Артур вернулся за руль, завел машину, заехал во двор.

— Как вы? Все целы? — пробормотала Оливия.

— Пока да, — кивнул Артур, покидая машину и потягиваясь.

— Что значит — пока? — возмутилась Оливия, все еще игнорируя Марину, которая топталась у «Ауди», как бедный родственник.

Артур изложил ей случившееся в двух словах и добавил:

— Звони Юле, пусть к полседьмого подъезжает к portalу. Только близко не подходите, пока не позову, — он открыл дверь, переступил порог первым, не пропустив женщин, и говорил уже из кухни: — Если буду молчать, бегите. Позвоните по телефону, который я оставил, поезжайте по указанному адресу — вас встретят и спрячут.

Оливия тяжело вздохнула и наконец обняла идущую позади Марину. Отстранилась, посмотрела в глаза:

— Честно, не знаю, радоваться или нет, что ты с нами. Теперь и ты в опасности.

— Я была в опасности что так, что эдак. Артур, что делать с Яном?

— Пусть отдыхает. Некогда его переносить из машины и обратно.

Марина вошла в кухню, где шкворчали на плите котлеты и пахло мелиссой, оперлась о стену. Артур тяжело опустился на табурет, подпер голову рукой. Марина села напротив, коснулась его руки:

— Яну точно ничего не угрожает?

— Пока нет. Я тоже спал, помнишь? Ничего страшного.

— Давай подумаем, что нам делать. Разработаем план...

— Еще рано. Нам неизвестна расстановка сил, будет Главный один или с подмогой. Во втором случае лучше уезжать. Своих я уже предупредил, чтоб, когда получится, рассказали все нашим на Эдеме. Портал мы, конечно, потеряем...

— Позвони, узнай, едет ли к Главному помощь...

— Нет. Амали сама со мной свяжется, не надо ее отвлекать. Да и времени прошло мало. Если Главный там один, я справлюсь сам.

Оливия, слушающая беседу, удалилась со словами:

— Пойду лучше собираться.

— Ну уж нет, — проговорила Марина. — Мне проще участвовать в процессе, чем мучиться неведением. Да и я кое на что гожусь.

— Согласен. Значит, мы вдвоем под покровом темноты проникаем в замок... Надеюсь, Главный там, а не прячется в другом месте. Наверняка он вооружен. Я попытаюсь отвлечь его, а ты его пристрелишь... Нет, у него заложник, а ты стреляешь плохо. Лучше наоборот. Ты попросишь поменять заложника на тебя, и, пока он будет колебаться, я его убью. Бесконтактно, пистолет пусть будет у тебя, держи.

Он достал из кухонного шкафчика, где обычно хранятся ложки с вилками, пистолет, передал Марине. Тяжелый, гораздо тяжелее Иннинного травмат, с черным стволом.

Марина положила его на стол, отодвинула, будто он мог укусить, как ядовитое насекомое, помотала головой:

— Из меня плохой стрелок...

— Возьми, я сказал! Вдруг со мной что-то случится. — Артур опустошил чашку Оливии с заваренным чаем.

Марина придвинула оружие, но в руки не взяла, вспомнив, как заклинило патрон в травмате.

— Ладно, пусть будет так, — она задрала голову: часы с кукушкой показывали ровно пять. — Сколько ехать отсюда к замку?

— Двадцать минут. Пробок на той дороге не бывает. Подождем еще полчаса, и Амали отчитается, получилось ли у нее.

Вернулась Оливия, зазвенела чашками. Зашипел электрочайник. Марина сцепила руки в замок, уставилась в одну точку. Это были самые мучительные минуты ее жизни.

Что с Татьяной? Жива ли она? Скорее всего да. Террористы не избавляются от заложников раньше времени. Удастся ли ее отбить и что будет с ними со всеми?

К чаю она не притронулась, закинула ногу за ногу и замерла. Затем сходила во двор, где Оливия и Артур укладывали вещи в багажник, открыла заднюю дверцу, посмотрела на спящего Яна. Холодно ему тут, наверное. Но Артур прав, нет смысла таскать его туда-сюда.

Погладив Яна по щеке, она вернулась в кухню и заметила, что нахохлившийся Артур с отчаянием смотрит на телефон, лежащий на столе.

— Амали не отвечает. Вообще связи нет, — сказал он, не оборачиваясь. — Или ее убили, или... Надо рассчитывать только на себя и надеяться, что пробки задержат врагов, которые уже в пути. Оливия, ты готова?

Поп-дива вышла из комнаты.

— У меня нет вещей. Поехали, — в прихожей Оливия надела синюю вязаную шапку и принялась заматываться шарфом.

— Ключ где?

— В боковом отделе дорожной сумки. — Она распахнула дверь.

Артур еще раз набрал загадочную Амали, бросил телефон на стол, будто он чем-то провинился. Марине показалось, что невозмутимый Артур готов расплакаться от отчаяния. Потоптавшись у выхода, он поволок к машине черную дорожную полупустую сумку.

Подобрав мобильный, Марина сунула его в карман пальто, непослушными пальцами принялась застегивать пуговицы. Вспомнила о пистолете, вернулась, забрала его и выключила свет.

На улице постепенно сгущалась мгла, темно-серое небо роняло мелкие капли. Машина была не заперта, и Марина уселась на заднее сиденье, снова положила голову Яна себе на колени и принялась наматывать на палец прядь его волос.

Если она погибнет, Оливия увезет его в безопасное место, и он отправится в Эдем, пусть и не отсюда. Если бы не Татьяна, Марина предложила бы Артуру уехать к другому portalу теперь же убежать было подло. Надо хотя бы попытаться помочь Тане и заодно сохранить портал для ренегатов, а значит, для светлого будущего человечества.

Артур задерживался. Наконец он появился на пороге, слабо освещенном лампочкой, посаженной под мутный пластиковый колпак, захлопнул дверь и зашагал к машине. На нем был камуфляжный костюм. Распахнув дверцу, он глянул на Марину и посоветовал:

— Оливия, пусть Марина наденет твой пуховик, нам надо незамеченными подобраться к Главному.

Оливия послушалась и сняла куртку передала Марине, той пришлось пожертвовать любимым кожаным пальто с меховым воротником. Да что там пальто — она всем пожертвовала: любимой работой, друзьями, квартирой, машиной. Она даже зубную щетку с собой не взяла, а сорвалась с места в чем была, как беженка, дом которой взрывом сровняло с землей.

Артур сам открыл ворота, сел за руль и завел мотор. Машина медленно покатила по дороге.

Часы показывали половину шестого. Воображение Марины рисовало врагов, мчащихся по следу, плененную Татьяну — избитую и измученную, зловещий хохот Главного — в лучших традициях голливудских злодеев. Тихо сопел Ян, самый счастливый человек в их команде, не знающий правды.

Как Артур и обещал, переезд к району под снос, где находился портал, занял не более двадцати минут. Машину оставили в одном из неосвещенных дворов, Оливия вышла, обняла Марину, поцеловала в щеку, обняла Артура. Он шагнул назад, посмотрел на часы и проинструктировал:

— Я позвоню, если все обойдется. Если после семи не выйду на связь, уезжай. Адреса и телефоны ренегатов у тебя есть. Там помогут и тебе, и Яну. Да, и Юлю возьми с собой.

— Помню, — прошептала Оливия, оперлась о машину. — Ключ ты берешь?

— Нет, конечно. Его привезешь ты, когда я позвоню.

— Понятно. Буду ждать.

Марина взяла за руку Артура. Пистолет она спрятала в огромном внутреннем кармане куртки.

Умирающий район не освещался, и было трудно идти бесшумно по раздолбанному асфальту. Вдалеке высились подсвеченные прожекторами новострой, а где-то в темноте, окруженный жестяным забором, дремал старинный замок.

Пробирались к нему обходными путями, петляли темными дворами. Пистолет оттягивал куртку, толкал в грудь, постоянно о себе напоминая. Марина молила бога, чтобы не пришлось им пользоваться.

Наконец остановились возле распахнутых жестяных ворот с рекламой застройщика, и Марина сильнее сжала ладонь Артура. Луну заволокли тучи, и не было видно ни сатиры, ни гипсовой девушки, льющей воду ему в рот. Медный флюгер поскрипывал на ветру.

Сначала Марине подумалось, что в замке никого нет, но, взглядевшись во мрак, она заметила припаркованный у забора внедорожник, указала на него. Артур кивнул, похлопал Марину по спине, прошептал в самое ухо:

— Похоже, подмоги еще нет. Пока нам везет.

— Давай подождем еще немного, чтоб убедиться.

Похоже, Главный действительно был тут один. Артур шепнул:

— Ровно через пять минут ты зовешь его и просишь обменять себя на заложницу. Я захожу с тыла и убираю его.

Марина кивнула, посмотрела на часы, но ничего не увидела, тогда принялась считать до трехсот. Когда Артур растаял во мраке, она ощутила себя беспомощной, будто голой, отогнала противное чувство.

Когда счет перевалил за двести, Марина поймала себя на том, что пытается растянуть время, отсрочить встречу с Главным. Нет, нельзя трусить.

Двести девяносто семь... восемь... девять... Мамочки!

Зажмурившись, она шагнула во двор, на раскрошившийся асфальт. Глаза привыкли к темноте, и Марина двинулась к порогу, увенчанному колоннами. Голос Главного остановил ее:

— Стоять! Стой, ни с места.

Ну вот и все. Марина подняла руки и прохрипела:

— Отпусти заложницу. Я пришла, зачем тебе она, простой человек... Татьяна, ты цела?

Ответа не последовало. Главный тоже молчал, и невозможно было понять, где он прятался. Воображение нарисовало Артура, крадущегося с другой стороны здания. Наверняка он изучил замок и знает потайные ходы. Осталось заболтать Главного, чтобы Артур нашел его по голосу и прикончил.

Марина двинулась к порогу, одну руку опустив вдоль тела, вторую прижимая к груди. Ну

же, говори, не молчи!

Минуты тянулись непозволительно медленно. Кровь стучала в висках. Вроде на втором этаже шуршал Главный. Марина рассчитывала, что он или ударит ее ментально, или попытается пристрелить. Почему он бездействует? Знает, что она не одна, как минимум с Артуром, пытается его выманить? Или тянет время, потому что вот-вот появятся эдемские прихвостни?

— Тебе велено стоять на месте! — крикнул он.

Замедляясь, Марина спросила:

— А то что?

По идее Артур уже должен сориентироваться и найти Главного. Марина напрягла слух, но, кроме скрипа петель и свиста ветра, ничего не услышала. Татьяна, похоже, была без сознания. Только бы он не убил ее!

Вспышка. Выстрел. Крик. Черт побери! Главный вооружен?

Марина рванула ко входу, влетела в темную прихожую, с грохотом растянулась, споткнувшись о поваленную балку. Темень была, глаз выколи. Ощупью она начала подниматься по ступенькам на второй этаж, благо, что они мраморные и не скрипят.

Руки помимо воли скользнули за пазуху, Марина вытащила пистолет, сняла с предохранителя и подняла вверх, чтобы ненароком не выстрелить в Артура. Оледеневший непослушный палец норовил соскользнуть со спускового крючка, спина взмокла.

Осталось преодолеть лестничный пролет. Марина шагнула на ступеньку и замерла, услышав голос Главного:

— Не ожидал, ренегат? Думал, эдемцы ничему не обучают своих преданных сотрудников?

Что там происходит? План Артура, похоже, провалился. Марина на цыпочках взбежала на второй этаж и замерла в коридоре, куда просачивался свет далеких прожекторов и освещал человеческие фигуры. Артур стоял на полу на четвереньках и тряс головой. Главный возвышался над ним, есть ли у него пистолет, Марина не видела. Наверное, есть.

Помня уроки Инны, она взяла пистолет двумя руками, навела ствол на Главного и без тени сомнений нажала на спусковой крючок.

Все происходило, как во сне: грохнул выстрел. Толкнуло отдачей. Главный пошатнулся и начал заваливаться вбок, его палец свело судорогой — пистолет выстрелил еще раз, но Артур откатился к стене, включил фонарик.

Марина качнулась, оперлась о дверной косяк, уронила пистолет и закрыла лицо руками. Что происходило дальше, она помнила урывками.

Свет в лицо. Бледный Артур трясет за плечи, обнимает. Как хорошо. Главное — тепло.

Следующий кадр: связанная Татьяна без сознания. Потом она уже на ногах, висит на шее, целует в щеку, благодарит.

Затем — много света. Оливия и Юля Тикус, похожая на ее дочь. Едва стоящий на ногах Ян...

Стоило ему прикоснуться к Марине, как мир будто перевернулся, она помотала головой и прижалась к нему:

— Я человека убила...

Артур, открывающий черный кожаный ящик, где хранился небольшой прибор, очевидно, тот самый ключ, сказал, не оборачиваясь:

— Не убила, а ранила. Я его потом прикончил. Представляете, у него была мощнейшая защита от ментальных воздействий, меня отдачей чуть не вырубил. Если бы не Марина, план сорвался бы.

Блекло улыбнувшись, Марина посмотрела на часы: было без пяти семь. У них получилось! Подмога не успела, они спасены и впереди — целая жизнь! Она повернулась к Яну, заглянула в его синие глаза, отражавшие свет разложенных на полу и развешанных вдоль стены фонариков. Не сдержавшись, он чмокнул Марину в нос, а потом кивнул ей за спину и проговорил заворуженно:

— Посмотри туда...

Из небольшого квадратного ящика тянулись две молнии, сходящиеся в середине фосфоресцирующего облака тумана, зависшего в коридоре, с каждым мгновением туман сиял все ярче. Вскоре он стал напоминать светящуюся паутину. Пара минут, и ткань пространства лопнула, выгнулась, как выгибает алюминиевые лепестки тонкая жесть после сильного удара.

В пробоине между мирами синело море, ворочало пенные волны. Тянуло солью, летом и счастьем.

— У нас мало времени, — напомнил Артур. — Мне нужно еще остаться здесь и запечатать портал. Идите.

Ян повел Марину к разрыву между мирами, за которым сияло летнее солнце.

Ладонь Марины лежала в руке Яна, он поглаживал ее большим пальцем и едва заметно улыбался. Мир свернулся клубком у ног единственного человека, замурчал прибором. И ничего больше не надо, пусть прошлое засыплет песок, как он засыпает следы на берегу.

Конечно, Марина еще вернется, будет и борьба, и осенняя сырость, и слезы. А сейчас живой и невредимый Ян щурился на солнце, и на его виске чуть заметно пульсировала синяя венка, а впереди раскинулись дивный мир и жизнь, полная нового и неизведанного.

Примечания

1

Слова из песни «Зов маяка» группы Флер.

Стихотворение Юлии Соломоновой.

Песня «Кукла колдуна» группы «Король и Шут».

Слова из песни «Фиолетово-черный» группы «Пикник».

Слова из песни «Регги» группы «Ночные снайперы».

Строки из стихотворения Н. Гумилева.